

ТРИ ВЕКА

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты
до нашего времени

Исторический сборник
под редакцией
В. В. Каалаша

IV
ТОМ

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты
до нашего времени

В ШЕСТИ ТОМАХ

XVII ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVII ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

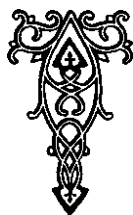
XIX ВЕК
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

РСК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

МОСКВА 2006

УДК 947
ББК 63.3(0)5
Т67

Т67 **Три века:** Россия от Смуты до нашего времени:
В 6 т. Т. 4. – М.: Юнвес, 2006. – 384 с.: ил.

ISBN 5-88682-250-X

Настоящее издание посвящено 300-летию юбилею дома Романовых. Оно охватывает три века русской истории.

Четвертый том содержит описание Московского государства второй половины XVIII века.

УДК 947
ББК 63.3(0)5

ISBN 5-88682-250-X

© Юнвес, 2005

XVIII вѣк

Вторая половина

КУЛЬТУРНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

I

Культурный вопрос, в смысле привития западной культуры русской жизни в разных ее проявлениях, был поставлен на широкие основания до Петра Великого и успешно разрешался в области техники военной, отчасти промышленной и др., как это мы видели в статье «Западное влияние в XVII в.». Новым в постановке культурного вопроса при Петре Великом было то, что теперь культура была признана созидательной силой не только в области специальной техники, но и в ее широких культурно-бытовых проявлениях, и не только в приложении к избранному обществу, как то практиковалось

и до Петра, но и по отношению к широким массам народа.

Взгляд на культуру как на средство достижения народного благосостояния и государственного могущества, провозглашенный Петром *orbi et urbi* в знаменитом апрельском манифесте 1702 г. о вызове опытных в военном деле иноземцев «купно с прочими государству полезными художниками», был руководящим началом всей культурной деятельности Петра, одним из постоянных лейтмотивов в его обширной переписке. Для Петра все средства были пригодны к тому, чтобы сблизить Россию с Западом как можно скорее, всесторонне и разнообразнее, тем более, что в выборе средств привлечения форм западной культуры в Россию Петру не приходилось создавать чего-либо нового: призыв иноземцев в Россию, посылка своих за границу, школа по западному образцу, книгоиздательство, переводная и оригинальная западная литература, театр — все это было уже так или иначе испробовано в предшествующее время. Петру оставалось развить и усилить практику предшественников сообразно задачам своего времени и выделить наиболее действительные пути общения с Западной Европой. В этом отношении самым плодотворным и важным способом во время Петра Великого были заграничные командировки с научною целью; они важны были не в количественном отношении, потому что воспользоваться ими очень многие из русских не могли, а в качественном своем значении, поскольку сам Петр и его сотрудники могли во время путешествий по Западной Европе уяснить себе воочию превосходство более культурного Запада над Россией, приобретая точный взгляд на вещи. Немецкая слобода, где занялось западничество Петра Великого, была только тусклым отражением Западной Европы, способным заинтересовать Западом как «кориузитою», но сделать эту «кориузиту» предметом изуче-

ния, постигнуть ее дух и глубокое образовательное значение можно было только путем непосредственного проникновения в недра этой культуры. Немудрено, что путешествия за границу сделались при Петре Великом, особенно в первой половине его царствования, если не доминирующим способом изучения западной культуры, наряду с вывозом иностранцев, то самым важным для организации культурной реформы, поскольку путешествия эти сделали для Петра понятным смысл западной культуры, помогли ему разобраться в наиболее пригодных формах и средствах перенесения этой культуры в родную стихию и подготовили ему сознательных сотрудников и исполнителей его планов.

У нас нет данных для точного учета числа русских, побывавших в царствование Петра за границей, но можно смело сказать, что Петру удавалось ежегодно «раздавать по разным местам» десятки и сотни людей, командированных с разными целями за границу. В переписке Петра с посланниками, в записках современников и в других источниках постоянно мы встречаемся с русскими за границей. В научные командировки посылались по большей части дворянская молодежь, так как в молодом дворянстве Петр видел главный рассадник нужных для России специалистов, да и одному только богатому дворянству, пожалуй, было по карману дорого стоявшее, подчас разорительное пребывание за границей. Неофициальный «Дневник» и путевые заметки кн. Бориса Куракина наглядно показывают сумму издержек русского путешественника за границей,— мы не говорим уже об официальных прошениях и челобитных командированных за границу и их надзирателей о назначении из казны денежных пособий, без которых задолжавшим путешественникам часто нельзя было выехать на родину. Материальная тягота этих путешествий увеличивалась еще тем, что Петр Великий снабжал командируемых

предписанием: образец такого предписания — вывезти из-за границы по 2 мастера и обучить одного русского солдата своей специальности — мы находим в «Путешествии» Петра Толстого. Параграф 5-й данной ему, как и другим, судя по общим выражениям, инструкции, гласит: «Когда возвращаться будут к Москве, должен всякой по два человека искусных мастеров морского дела привести с собою до Москвы на своих проторях (расходах), а те протори, как приедут, будут им заплачены; да сверх того, из солдат даны будут для того же ученья по одному человеку; а кто солдата взять не похочет, и тем или знакомца, или человека своего выучить тому же, а солдатам прокорм будет из казны; а будет, кроме солдата, кто кого выучит, и за всякого человека за прокорм дано будет по сту рублей». Таким образом у каждого дворянина был за границей свой поддужный из «подлого звания». Насколько пригодною школою для своего народа казалась Петру Западная Европа, можно видеть из переписки Петра с Матвеевым, его голландским послом. Потерпев поражение под Нарвой, нуждаясь в солдатах и матросах, Петр тем не менее настоятельно предлагает в 1702 г. голландским Штатам отряд русского войска на помощь против французов. Несмотря на недвусмысленное отклонение штатами этих «услуг», Петр в начале 1703 г. снова предлагает Голландии взять на свои корабли 4 тысячи русских матросов из Архангельска. И эта любезность Петра была отклонена голландцами, которым, по словам Матвеева, «то зело не надобно, чтоб наш народ морской науке обучен был»...

Командированные определялись «волонтирами», а иногда и на должности для выполнения полученных ими заданий. Преимущественной целью командировок было ознакомление с навигационным делом на Западе, поэтому и местом командировок были преимущественно приморские страны и города. В инструкции, данной

П. А. Толстому, «статьи, последующие учению», рекомендовали: «знать чертежи или карты, компасы и прочие признаки морские; владеть судном как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти или инструменты, к тому принадлежащие: паруса, веревки, а на каторгах весла и протчая»; и как высшее знание, достойное особой царской милости,— «знать, как делать те суды, на которые они искушение свое приемлют»... Другие получали задания научиться механике, инженерному делу и артиллерии; третьи — рисованию мачтанов, боцманству; четвертые — научиться у доктора Блументроста медицине; пятые — изучить медное, столярное и судовое ремесла; шестые — обучиться специально тому или иному языку для посольских надобностей или познакомиться с техникой административных учреждений того или иного государства. Кн. Куракин в своей «публичной житности» (автобиографии) дает сжатый, но достаточно яркий отчет о своей научной командировке в Венецию и на Адриатическое море. Помимо «великого страха», который остался у сухопутного москвича от поездки по морю «в филюге», у Куракина остались точные воспоминания о названиях тех предметов, которые ему пришлось изучить в Венеции. «В бытность свою там,— пишет Куракин,— учился я наук математических и выучился: арифметики, геометрии теоретики — 5 книг Евклидеса, геометрии практики, тригонометрии, планы, астрономии часть до навтики, навтики, механики, фортификации, офенсивы (наступательной) и дифенсивы (обороняющей). И такожь некоторую часть в разговоре, и читать, и писать италинскому языку, научась доволен». Нам приходится принимать на веру утверждение кн. Куракина о «довольном изучении» вышепоименованных наук в течение одного года (с 1696 по 1697 г.), тем более, что ему и не пришлось показать своих математических и навигацких познаний на деле, так как

главным поприщем его было дипломатическое, в чем помогло ему знание «италинского языка».

Да и вообще говоря, заграничные командировки имели свой конечный культурный смысл не столько в исполнении специальных заданий, сколько в расширении кругозора путешественника, в усвоении им «с одной практики» таких знаний и понятий, которые врывались в сознание путешественника попутно его движению, часто вне его сознательных исканий. Совершенно верно, что «Петр искал на Западе техники, а не цивилизации»¹, но несомненно также и то, что с усвоением этой техники в европейской обстановке в русскую среду проникла и цивилизация, неразрывно связанная с техникой и пребыванием за границей, и это тем более, чем продолжительнее русский человек был за границей, чем более он был способен к проникновению культурной средой по своим личным свойствам. Драгоценный в этом отношении материал представляют из себя дневники и путевые заметки таких выдающихся современников Петра Великого, как П. А. Толстой, кн. Б. Куракин, граф А. А. Матвеев и др.: они показывают, как наивное внимание москвича все сильнее и сильнее захватывается проявлениями западной цивилизации, как расширяется кругозор путешественника, как появляются у него новые запросы и требования, и мысль от наивного удивления пред «коризузой» переходит к сопоставлениям виденного, к критическому суждению о своем и чужом. «Дневник» кн. Куракина, начатый им 5 июня 1705 г., во время похода в Польшу, поражает вначале читателя скудостью переживаний автора: кроме заметок, что там-то пообедали, а там-то ночевали, по-видимому, ничего другого, достойного внимания не встречалось на пути Куракину; но вот в августе месяце того же года Куракин уже колесит по За-

¹ В. О. Ключевский. «Курс», ч. IV, 24—25 стр.

падной Европе, направляясь в «Карзбат» лечиться от «скорбутики, или похондрии и меланхолии, которая ближится к лепре, по-славянски проказа»... И читателя захватывает мир своеобразных, глубоких и интересных переживаний, занесенных путешественником на страницы дневника. Научные учреждения, политическое и судебное устройство, искусство, религия, нравы — все это обращает внимание путешественника, обогащает его новыми впечатлениями и образами, которые, незаметно для него, расширяют его умственный горизонт, прививают новые понятия, вкусы и потребности. Куракин так же, как и П. А. Толстой, проезжая чрез тот или другой город, не упустит ни одной его достопримечательности. Особенно часто внимание их останавливалось на зверинцах, птичниках, музеях и академиях, не только таких, где обучают студентов, но и таких, «где учат лошадей» (П. Толстой). Ознакомление с этими научными учреждениями не было только поверхностным. Толстой, например, знакомит нас и с внутренним бытом этих учреждений, описывая обряд посвящения в докторскую степень; Куракин же заглянул и в лабораторию академий, вынеся оттуда далеко не поверхностные впечатления. «Дохтур в академии лейденской,— пишет Куракин,— и профессор медицины и анатомии Быдло, дядя нашему доктору Быдле¹. В бытность свою у него видел анатомию над одним человеком мужеска полу, которова была голова отсечена в таком способе: в одной палате то тело вынято из гробу и положено на доску свинцовую, как жаровни большие бывают железные. Быдло, собрав всех студентов той науки, и почел его разнимать причинные вещи и оказывать жилы от рук и до ног, как и куды действуют, и при том оказыванье на всякое место тем студентам толк дает и дает всем осматривать и руками

¹ Бидлоо.

ощупывать; а то все тело было в спиртусах налито, чтоб духу не было смрадного; и тут видел, как кожа человеческая вельми толста... В том же дому у Быдло видел палату одну, в которой ниже мог где таких вещей видеть натуральных в спиртах, и бальзаматы... всех внутренних членов человеческого, как мужеских полов, так и женских: руки и ноги, внутренне, как составы и жилы, без костей, обальзованы и прибиты на доски, также и желудок, и сердце, и легкое, и ту перепонку, в которой сердце лежит, и глаза вынятые и все внутренние жилы и кости, и составы, так вельми дивная вещь, что нигде мог такой диковинки видеть... Потом видел бальзамных младенцев, которые бывают выкидыши, а другие выпорты из мертвых матерей... также и разных животных от гадов и зверей, как: крокодилов малых, и змей, и ехиднов, и мартышки, и скорпии, и другие всякие пользующие и на ногах ходящие звери, в скляницах и в спиртусах, не токмо здешних европейских и много ориентальных остин(д)-ских и вестинских и других дальних государств, со всего света собранные. Желал бы о всем подлинно описать,— заключает Куракин,— токмо за временем скором прекращаю; токмо всем, кому случится быть в Голландии, конечно, надобно быть в Лейдене, и в той академии, те кариузита видеть, из которого виду сподеваюся, что многое придаст увеселение»... Последние слова кн. Куракина процитированы В. О. Ключевским, как образец поверхностного отражения работы научной мысли Запада в неподготовленных русских умах. Но отдельные выражения Куракина вообще нельзя цитировать без контекста, потому что он придает им очень и очень своеобразный смысл; так и в данном случае, из взятой в целом цитаты, мы видим, что, по крайней мере, для самого Куракина посещение академии свелось не к одному только дивованию «кориузитами» и «придало» ему «увеселение»; осталось, несомненно, и представление о строе-

нии тела человеческого, чего нельзя не видеть из цитаты. Мы не думаем, что современный, скажем, историк или филолог, как бы его ум ни был подготовлен к восприятию высшей европейской цивилизации, вынес бы больше от посещения анатомического музея, не зная анатомии... Петр Великий знакомился с медициной не более систематически, чем Куракин, но это не мешало ему браться иногда за инструменты зубного врача и даже читать лекцию по анатомии, обративши эшафот в кафедру, собравшихся на казнь зрителей — в аудиторию, а отрубленную голову своей бывшей «медресы» в наглядное пособие к своей лекции. Я разумею казнь фаворитки Петра, Гамильтон, упавшую голову которой Петр поднял, чтобы облобызать в последний раз, и, по словам современников, так был поражен явно обнажившимися органами горла, что тут же начал объяснять присутствующим внутренние части шеи и назначение их¹. Конечно, этот факт только подтверждает мысль, что русские брали от Запада только технику, но не цивилизацию; но в оправдание русских не нужно слишком преувеличивать гуманизирующую сторону тогдашней западной цивилизации. Не надо забывать, например, того, что в тогдашней цивилизованной Англии возвратившиеся Стюарты вырывали кости деятелей революции и предавали их публичной казни и издевательствам. Не мог облагородить чувств русского полудикаря и тогдашний внешний вид западной Фемиды. Куракин «в Амстердаме... видел юстицию пред ратушею: делана площадка на столбах деревянных, на которую... выводя виновных, бьют и головы казнят. И на той площадке стоит столб, на нем вырезан мужик, к которому столбу привязывая, бьют, взяв связанный пук хлыстья, или голиками (вениками) по бокам; а от того столба перекладаина к полатам,

¹ См. Семевского. «Слово и дело». Дело Гамильтон.

на которой перекладине вешают, а при том столбе на жаровне огонь раскладен, где лежат те железные инструменты, чем воров в затылок петнают»...

Эти картины не помешали, впрочем, П. А. Толстому рассмотреть за кровавыми атрибутами юстиции своеобразные особенности передового судопроизводства Венеции, а именно, состязательное начало, гласность судопроизводства, свободу, с которою держит себя публика в зале суда. Не помешала также нашим путешественникам жестокая расправа Стюартов с своими живыми и мертвыми противниками уяснить себе сущность английской конституции и ее значение для народа. Рассказывают, что сам Петр, побывавший в английском парламенте, будто бы сказал окружающим: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан».

«В Англии все отправляется с парламенту,— пишет кн. Куракин,— только их парламент есть двема способами (т. е. двухпалатный), и консилии их бывают двема парламены. Первый парламент называется «Гогор-Гоус», в котором дуки, князи, бискупы и графы или все больших фамилий люди, которые в консилии своем отправляют дела государственные и военные. Другой парламент называется «Лэг-Гоус», в котором бывают депутаты от провинций, из городов и от слобод, по нашему — посацкие люди, в котором консилии советуют о торгах и о сборах денег или об иных каких податях и об иных внутренних делах своего государства или земских делах... Только же такой порядок: что будет сделано в одном парламенте, и повинно те приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другим парламентом на то позволят, так и состоится, а ежели в другом парламенте на те приговоры не позволят, то не может состояться. Особливо все так говорят, что другой парламент (общин) сильнее первого парламента «Гогор-Гоус». И по-

том, как все установят парламентами, потом должно то предложить перед короля, только ему во свидетельство, что то сделано и приговорено быть так, а не для того, чтоб королю переделать приговор парламентов, и не может того сделать»... Кн. Куракин не оговорился при этом, какие выводы возникли у него от сравнения с русской действительностью, но что подобные углубления в чужие государственные порядки наводили русских людей на не совсем выгодные для отечества мысли, видно из описания гр. Матвеевым государственного строя Франции, который ему показался идеальным по сравнению с Россией, несмотря на то, что это была Франция Людовика XIV. Пленили его здесь больше всего уважение к законам и привольное житье близких ему по положению классов.

«В том государстве,— пишет Матвеев,— лучшее всех основание есть, что не властвует там зависть: к тому ж король сам веселится о таком состоянии честных своих подданных, и никто из вельмож ни малейшей причины, ни способа не имеет даже последнему в том королевстве учинить какого озлобления или нанести обиду. Всякий из вельмож смотреть себя должен и свою отправлять должность, не вступая до того, в чем надлежит державе королевской. Ни король, кроме общих податей, хотя самодержавный государь, никаких насилований не может, особливо же ни с кого взять ничего, разве по самой вине свидетельствованной против его особы в погрешении смертном, по истине рассужденной от парламента; тогда уже по праву народному, не указом королевским, конфискации пожитки его подлежать будут. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имеют и в народные дела не вмешиваются и от того никакую тесноту собою чинить никому не могут. К сему же, те вельможи дачами от короля самого довольствованы годовыми. Смертный закон имеют о взятках народных и о нападках

на него». В этой картине Франции Матвеев изобразил не столько то, что действительно было в бюрократической Франции Людовика XIV, сколько то, чего не было в России, и что так желательно было для русского вельможи, запряженного волею Петра в черную работу.

Такие и подобные впечатления от политической жизни Западной Европы, в сравнении с впечатлениями от родной действительности, не только подготавливали в русских путешественниках сознательных сотрудников Петра и даже прожектеров по переустройству административной машины на западный образец, но и закладывали в сознание русского дворянства чувства и мысли, проявленные им после смерти Петра в целом ряде выступлений, поднявших дворянство до господствующего положения в государстве.

Оказали свое влияние путешествия и на развитие художественных вкусов русского общества. Правда, московская действительность не создавала предрасположения к художественным впечатлениям и исканиям их. Современник Петра Великого не понял бы своего потомка XX века, который едет любоваться альпийскими видами. «Я рад был,— говорит Толстой о своих альпийских впечатлениях,— покою от великого труда, который принял себе в дороге, проезжая чрез великие каменные горы, и не столько я чрез те горы ехал, сколько шел пеш, и всегда имел страх смертный пред очими». Оно и понятно для равнинного москвича; но прескрасное имеет великую воспитательную силу, способную постепенно возвышать до себя человека. И записки наших путешественников воочию показывают, как постепенно развиваются у них вкус и даже критическое отношение к западному искусству в его разнообразных проявлениях. У Куракина всюду рассеяны очень любопытные заметки по

поводу виденных им образцов архитектурного и садовничьего искусства; причем дается сравнительная оценка архитектуры немецкой, голландской, итальянской и др. Мы не можем подробно остановиться на уяснении оригинальных переживаний русских путешественников, крайне своеобразно преломлявших в своем сознании и особенно в речи впечатления от разных проявлений западного искусства. Для примера мы возьмем только музыку и театр. Читая строки, посвященные П. А. Толстым и Куракиным этому вопросу, чувствуешь, с каким трудом пролагают себе место в русском сознании новые, еще неизведанные впечатления и в какие негодные старые мехи вливается это новое вино. Люди чувствуют что-то «дивное», сами наслаждаются им, но когда пытаются облечь свои переживания в слово, перевести их на язык родных «речений» и общепонятных образов, то не достает у них слов и образов, нет моста, по которому бы можно было перевести свои переживания в круг отечественных представлений. Вот, как кн. Куракин знакомит своего читателя с итальянской музыкой. «В великий пост,— говорит он,— бывают оратории, которых на свете таких других подобных не можно быть. Оратории, т. е. сложение, что с виршеми на страсти Христовы, и то поют и с музыкою, подобием тем, как бы опера, только она духовная и делается в церквах... Такой огромной музыке и компазиции и таких инструментов на свете лучшее не можно быть, а наипаче какие дикие были выходы на трубах, что внезапно мною затменность дают человеку»...

«Похвалил» и П. А. Толстой венский оркестр: при входе кардинала в костел, рассказывает он, «заиграла вся музыка на троих органах, и на скрипичах, на басах, на флолгалбах (?), на арфах, на штортах, на цитрах, на флейтах, на трубах, на литаврах, на сиповках, на барабанах и на иных многих инструментах разных мусикий-

ских. И такой был шум, что невозможно было слышать человеческого голоса».

Итак, один россиянин, знакомый с музыкой чуть ли не всего западного мира, приходит в восторг до «затменности» от диких выходов на трубах; другой, различавший многие музыкальные инструменты, очевидно, не по одним только названиям их, в гармонии оркестра ничего другого не уловил, кроме «шума» великого, покрывавшего «человеческий голос». Но мы были бы несправедливы, если бы на основании приведенных цитат совершенно стали отрицать музыкальную впечатлительность названных современников Петра.

Музыкальный слух того же Толстого помог ему блестяще разобраться в сыгранной специально для него на органе сложной музыкальной вещи и выделить из общей гармонии звуки знакомых ему инструментов. «Удивительно,— пишет он,— что пребезмерно громогласны и кажется от голосов тех орган якобы всей церкви потрясаться; в тех органах свищет, подобно птице кинарейке или соловью; потом в тех органах, когда отопрут все голоса и трубы, тогда не останется ни один инструмент ото всей музыки, который бы в тех органах не отзывался игранием: в начале орган, цымбал, скрипицы, басы, шторт, арфы, флейта, вильногамбы, цытры, трубы, литавры и иные всякие мусикийские инструменты; когда закроют многие голоса, тогда на тех органах будут отзываться трубы, как трубят трубачи на двойных переключках, якобы одни издалика, а другие изблизка, и иные многие штуки в тех органах».

Стоит только отбросить наивную терминологию этой цитаты и заменить все эти «штуки» и «трубачей» с «кинарейками» соответственной музыкальной терминологией, и нам понятным станет, что музыка для П. А. Толстого и его соотечественников не была только «великим шумом» и «дикими выходами на трубах» в нашем смысле слова.

У нас часто пользуются оригинальным языком Петровской поры как своего рода «кориузитами», забывая две вещи: наплыв новых понятий в русское сознание того времени и негодность старых средств языка для передачи их: современникам Петра, как и самому Петру, приходилось приспособлять родной язык для передачи новых понятий, что вело часто к искажению смысла, как в выше-приведенных цитатах; или заимствовать из иноземных языков слова и термины, приспособляя их к русскому уху, что делало язык неудобопонятным для современников и курьезным для нас; и в том и в другом случае за оригинальными выражениями Петровского языка — языка деловой литературы и деятелей — закрывается надлежащий смысл и мир понятий, которые передавались этим своеобразным эсперанто. Мы видим, например, как безуспешно бьется П. Толстой для сообщения своим соотечественникам понятия о маскарадах: «И приходят в те оперы множество людей в машкерах (масках), по-славянски в харях, чтоб никто никого не познавал»... Или нужно ему описать невиданное для русских зрелище большого западноевропейского театра: какими словами передать соотечественникам понятие ложи, часто меняющихся декораций, роскоши театральных костюмов? И Толстой строит такой мост от европейского театра к отечественным представлениям: в «театруме», «в тех палатах поделаны чуланы (ложи), многие в пять рядов вверх... чуланов двести, а в ином триста и больше; а все чуланы поделаны изнутри того театрума предивными работами золочеными... С одной стороны к тому театруму приделана бывает великая и зело длинная палата, в которой чинится опера: в той палате бывают переменные перспективы дивные (декорации), и людей бывает в одной опере в наряду (костюмах) человек по 100 и по 150 (артистов). Наряды на них бывают изрядные, и камни в тех уборах бывает много, хрусталей и вареников (sic)».

Как ни ухитрится наш путешественник передать на славянском и иноземном диалектах неведомые для москвича впечатления, он впадает в трагическое положение человека, которого современники превратно поймут, если они сами не пережили аналогичных впечатлений, а потомки на него будут смотреть как на оригинала, если не пожелают войти в его затруднительное положение. Впрочем, П. А. Толстой и А. А. Матвеев при введении в свою речь иноземных слов прибегают к искусственной терминологии только в случае, если им нельзя обойтись «словенскими» средствами; но были и такие писатели-путешественники, которые в своих описаниях, по-видимому, потеряли грань между русским языком и иноземными, как слилась в их сознании грань между миром русских и иноземных переживаний: в области культуры свое стало смешиваться с чужим, точь-в-точь, как и в пограничных отношениях Петровской поры. Образцом в этом отношении может служить кн. Куракин. Иностранные слова он употребляет часто там, где свободно мог бы обойтись отечественным лексиконом.

Говоря о царевне Софье, Куракин пишет: «Тогда она, по своей особой инклинации и амуру, кн. В. В. Голицына назначила... войско командировать; который вошел в ту милость чрез амурные интриги; и почал быть фаворитом и первым министром... Софья для своих плезириров завела певчих, из которых царевны Екатерина, Марфа и другие избирали своих голантов... В отбытие князя В. В. Голицына Феодор Щегловитый весьма в амуре при Софьи профитовал и уже в тех плезирах ночных был в большой конфиденции»... Тот же высокий стиль применяет Куракин и к себе, рассказывая, как он в Вене «был инаморат (влюблен) в славную хорошеством читадинку (горожанку), которую имел за медресу и которая контовала (стоила) в те 2 месяца 1000 червонцев».

Все эти и подобные особенности языка Петра Великого и его сотрудников, побывавших за границей, являются несомненным продуктом их знакомства с Западной Европой и ее представителями. Язык этот, испещренный барбаризмами и непонятный для громадного большинства русских людей, превратился тем не менее в деловой, постоянный язык кружка деятелей, окружавших Петра. На нем говорили, он проникал в деловую переписку и даже в государственные акты. Неудивительно поэтому, что при Петре появилось несколько словарей, помогающих переводить с этого языка на русский, общепонятный, и в составлении одного из них, а именно, в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» Петр Великий принял самое деятельное редакторское участие. В словаре этом содержится 503 «новых вокабулы», без которых, по-видимому, трудно было русским людям понимать язык своих правителей.

Н. А. Смирнов¹ составил словарь, содержащий в себе более 3000 иностранных слов, вошедших в русскую речь во времена Петра Великого, выбравши их не только из произведений Куракина и ему подобных, но и из таких официальных актов, как Петровские «регламенты», «Правда воли монаршей», «Торговый морской устав» и др.

Нельзя не согласиться с г. Смирновым, что все эти иностранные слова являлись к нам, так или иначе, с новыми понятиями, неизвестными у нас, из разных областей; из них около 750 слов относятся к административному языку, столько же, приблизительно, к морскому делу, около 1000 к военному делу и остальные, главным образом, к научным понятиям (медицина, наглядные пособия, искусство, материи и т. д.). И чрез обогащение русского языка новыми терминами западная культура

¹ Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху.

просачивалась таким образом в сознание русского народа широким потоком.

Мы далеко не исчерпали разнообразного влияния культурного Запада на русских путешественников во времена Петра. Но и сказанное достаточно рисует культурную атмосферу, какую русские приносили с собой в отечество из путешествий по Западной Европе. Правда, цитированные нами записки принадлежат незаурядным современникам Петра; но этот материал хорош потому, что он выпукло в целом отражает то, что по частям и с меньшею, может быть, определенностью западало в сознание других многочисленных россиян, исколесивших, по воле Петра, Западную Европу вдоль и поперек.

II

Заграничные командировки были прекрасным образовательным средством приобщения русских к западной культуре, но средством слишком дорогим, громоздким и несподручным. Для командированных нужно было подыскать на Западе соответственные места, что не всегда удавалось в виду неблагожелательного отношения некоторых государств к успехам России. С другой стороны, за посланными нужно было устраивать тщательный надзор за границей, так как молодежь часто уклонялась от заданий, причиняла своим поведением хлопоты надзирателям и русским послам. Все это приводило к мысли устроить дома рассадники образования, которые были бы доступны наибольшему количеству русских и освободили бы Россию от хлопотливой зависимости от Западной Европы. И школьный вопрос в России глубоко занимает Петра в течение его царствования. Школа для него должна была стать сотрудицей реформы, как и все, что жило и действовало в его время. По его мнению, школа

должна выпускать людей «во всякую потребу: в церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское врачейское искусство». Как от Запада он требовал не цивилизации, а техники, так и от школы — не образованных людей, а специалистов: инженеров, артиллеристов, техников, архитекторов, врачей, ученых богословов и т. д. В подготовке их и должна была идти на помощь заграничным командировкам русская школа. Предшественники Петра в этом отношении ничего не сделали. При Феодоре Алексеевиче была заведена высшая богословская школа с общеобразовательной схоластической программой, но от нее остались жалкие развалины вследствие разразившейся в ее неокрепших стенах ожесточенной борьбы старорусской ретроградской партии с «латынниками». О состоянии этой школы Петр получил в 1700 г. под Нарвой неутешительное известие, вместе с вестью о кончине патриарха Адриана: «Школа, бывшая под управлением патриарха и под надзором монаха Палладия, в расстройстве,— доносил Курбатов,— ученики, числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всем крайний недостаток и не могут учиться: потолки и печи обвалились».

Рассчитывать, что само общество или «учительный класс» его, духовенство, державшие до Петра школу в своих руках, пойдут навстречу запросам времени, было бы наивно: духовенство вообще в массе не сочувствовало реформам Петра, да и не могло по косности своей проявить инициативы в заведении новых школ с светскими программами и задачами: слишком привыкло оно к «буквам благодатного закона», к «мечтательному, по определению Петра, знанию, боясь, как заразы, «риторских астроном», «богомерзкой геометрии» и других «свободных» наук.

Поэтому оставлять школьное дело в руках «учительного класса» было более чем бесполезно: нужно было инициативу школьной реформы взять в руки правитель-

ства или, по крайней мере, под его надзор. Но и этим не устранялось косное наследие старины. В обществе, а тем более в широких народных массах, которым хотелось Петру также привить долю полезных школьных знаний, не было тяготения к школе, даже с привычной программой чтения часослова и псалтири, не говоря уже о «новоявленной цифири» и «богомерзкой геометрии». Следовательно, и тут нужна была властная рука государства, нужно было ввести принудительное начало в новую школу. Таков был сдвиг, на который наталкивали Петра в школьном деле властные требования времени.

Если в прошлом русской школы Петр не мог найти для себя руководящих начал и опыта в этом отношении, зато Западная Европа и здесь могла многому научить Петра. На Западе, в частности в Германии, в течение XVII в. сложился новый тип школы, отчасти под влиянием прогресса знания, отчасти вследствие разочарования в церковном направлении в школе и жизни, приведшем Западную Европу к страшному потрясению во время реформации, и особенно в Тридцатилетнюю войну.

Знание из «служанки богословия» теперь превращается в самоцель, в самодовлеющую ценность, важность которой признается государством. Отсюда новая школа на Западе, естественно, строится на трех основаниях: реальные, естественные знания всюду развиваются за счет богословия, и в программах всех школ значительная часть отводится физико-математическим предметам, вытеснявшим авторитетную схоластику предшествующего времени в ее все проникающих основаниях. Вместе с тем, школа освобождается из рук духовенства и становится светскою, государственною, переходя, по меткому выражению Фр. Паульсена¹, «из разряда ecclisi-

¹ Фр. Паульсен. «Исторический очерк развития образования в Германии». Перев. под ред. Н. Сперанского.

asticum в разряд politicum». Наконец, во многих государствах Запада начальное образование становится, если и не всеобщим, так зато общеобязательным, в теории, по крайней мере. Это как раз то, к чему, как мы видели, пришел, под давлением обстоятельств, Петр Великий.

Но одно дело уяснить задачи и наметить план предприятия, другое — привести его в исполнение. Петр мог найти средства для заведения нужных школ, принудить подданных идти учиться в эти школы, но где было взять подходящих учителей, кому поручить организацию задуманных специальных учебных заведений? Но Петр не любил долго раздумывать над трудностью задачи, и, веря в организующую силу своих указов, приступал к основанию школ, видимо, надеясь, что нива найдет своих сеятелей.

В 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, возникают навигацкая и подготовительная к ней математическая школа для подготовки специалистов морского дела и вообще знатоков математики, которая, по словам Петра, была нужна «не токмо к морскому ходу». В том же году при Посольском приказе возникают курсы иностранных языков, «немецкая школа» Николая Швимера и развалившаяся богословская Славяно-греко-латинская академия реставрируется «черкасами» по программе «латынников», в исполнение данного в июле 1701 г. лаконического указа: «устроить в академии учения латинские». В 1707 г. при Московском военном госпитале заводится медицинская школа под руководством доктора Бидлоо, племянника упомянутого выше Куракиным лейденского профессора «Быдла». В 1712 году возникают в Москве инженерная и артиллерийская школы.

В 1715 году учреждается или, лучше сказать, переводится из Москвы в Петербург Морская академия, там же возникают затем инженерная и артиллерийская школы; на место их в Москве остаются подготовительные элементарные классы с математической программой,

и лучшие ученики этих школ отсылаются в петербургские высшие школы для специальной подготовки. Если мы упомянем еще о заведении с 1714 г. по губерниям «цифирных школ» и преобразовании «немецкой школы» Швимера в «гимназию» Глюка около 1705 г., то этим почти исчерпаем внешнюю сторону организации школьного дела на Руси при Петре Великом.

Самым трудным вопросом при организации внутреннего строя специальных школ был подбор преподавателей и организаторов учебной стороны дела. О преподавателях из русских, особенно в первые 15 лет XVIII столетия, и думать нельзя было. Педагогический персонал названных школ вербовался, главным образом, из иностранцев частью Немецкой слободы (Швимер), частью пленных, а чаще всего за границей; так, во главе «немецкой школы» стоял Швимер, директор школы Немецкой слободы. Артиллерийская школа была поручена барону Гитнеру, медицинский факультет — доктору Бидлоо, Морская академия — барону С. Илеру — «Сенталеру», как его называл граф Апраксин; в инженерной школе «надзирателем» был подполковник фон-Строус, в «гимназии» Глюка все восемь преподавателей были или немцы, или французы; в математическо- навигацкой школе было четыре учителя, из них три англичанина и только один русский, Леонтий Магницкий, автор известной первой русской «арифметики», который обучал «цыфири». Нельзя сказать, чтобы этот педагогический персонал из иностранцев был подобран очень удачно. В Петровское время, как и раньше, наряду с действительными «мастерами» своего дела, приезжали авантюристы и самозванцы, выдававшие себя за знатоков таких наук, в которых они были, по выражению Куракина, «не весьма канабли». Известный уже нам граф Матвеев, назначенный главным начальником Морской академии, обнаружил, что директор академии С. Илер

попал не на свое место: «Деньги, которые ему отпущены в большом числе, все равно что в окно выкинуты. Регламенты, им поданные, не были его практики, а переписаны с печатных правил французской морской академии, а он выдал их за свои... Срамно всем слышать,— негодует далее Матвеев,— что С. Илер напрасно похитил назвище (sic) генерального директора, который должен отличаться совершенным знанием своего дела и иметь бесстрастный надзор за всеми профессорами, не только что над навигаторами и кадетами. Но он, С. Илер, во время годового своего пребывания в академии, ни одного кадета в дальнейшую науку не произвел и успехов в самой меньшей науке свидетельствовать не может, не только не превосходит профессоров, но и навигаторской науки не знает»... Не на высоте своего положения оказались и некоторые «профессора» московской навигаторской школы. Курбатов, этот удивительный самородок, который во все вникал и все подмечал, по долгу службы и из любви к искусству, в письме к адмир. Головину признает «дело в одном только Андрее Фарварсоне, а те два Рыцерь Грей и Степан Гвин, хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья (Магницкого) наукою не дошли».

Был «отставлен от школы» и преемник Глюка, по директорству в «гимназии», Иоанн Вернер Паус, «по челобитию тоя школы учителей, и по доносительству Павла Веселовского (куратора гимназии), и по учениковым допросам за многое его неистовство и развращение» и, кажется, за распродажу в свою пользу учебников и книг из ученической библиотеки. Неудивительно поэтому, что иноземным педагогам не доверяли и следили за ними негласно и открыто. Курбатов писал Головину, что в навигацкой школе «помоществователем» «профессора» является «непрестанно» Леонтий Магницкий, который «всегда имеет тщание не только к единому радению в науке учеников, но и ко иным к добру поведениям, в чем те

не будем, за недостатком места, останавливаться на программах других школ, как медицинской, богословской академии и других; о последней достаточно сказать, что она была устроена по типу Киевской духовной академии и поручена вызванным оттуда «профессорам».

Своеобразное место среди Петровских школ занимает «гимназия» Глюка. Насколько мне известно, до сих пор не отмечена тесная связь этой школы с так называемыми «рыцарскими академиями», которые в большом количестве вырастали в течение XVI и XVII вв. на Западе в качестве сословных дворянских школ. «Они должны были давать новому сословию «господ» соответствующее их положению придворное и современное воспитание; в них осуществлялся новый образовательный идеал — *halant-homme*. В преподавании здесь стоят на первом плане новые языки и науки; конечно, знатному барину нельзя было еще обходиться совсем без знания латинского языка... Умение владеть французским языком требовалось безусловно, а также признавалось желательным знакомство с итальянским, испанским и английским. Известная практика в употреблении родного немецкого языка в XVIII столетии тоже считалась обязательной... Схоластическая философия... утратила уже всякое значение для будущих общественных деятелей. Напротив, математике и естествознанию придавалась большая важность... К циклу тех же наук, имевших практическое общественное значение, причисляется история общая и история права, государствоведение и география. Прибавим к этому элементы морали и естественного права, а также *exercitia* — упражнения в рыцарских искусствах, как верховая езда, фехтование, танцы, игра в мяч», и мы почти исчерпаем программу тогдашних «рыцарских академий»¹.

¹ Фр. Паульсен. *op. cit.*, 126–127 стр.

Чем же другим как не простым сколком с этой программы является то, что давалось в «гимназии» Глюка? В «гимназии» учащиеся делились на три группы; каждый учащийся должен был избрать своею специальностью один из новых языков (преподавались три языка: латинский, французский и немецкий, а позднее к ним прибавились еще итальянский и шведский). Кроме языка, первая группа обучалась грамоте и начаткам арифметики, в средней группе проходили математику в более обширных размерах и учили историю и географию, в старшей группе обращалось особое внимание на усовершенствование в языках, а также слушали «из философии делательные итику и политику», философию картезианскую и высшую математику. Кроме того, необходимо было учиться у Стефана Рамбура комплиментам и танцам, а у «конского учителя» Штурмевеля верховой езде. Таким образом «гимназия» Глюка ставила своей задачей превратить русскую «плодовитую, да токмо подпор и тычин требующую дидивину» в своего рода *halant-homme*'а по рецепту Западной «рыцарской академии». Несмотря на то, что школа Глюка была официально признана делом «всеобщей всенародной пользы», она удержала свою широкую общеобразовательную программу только при жизни Глюка (1703—1705 гг.); при трех его преемниках она постепенно теряет свой общеобразовательный характер и уже в 1707 году превращается в профессиональную «подьяческую четырехязычную школу», распадаясь на 4 самостоятельных отделения: царскую (немецкую), французскую, шведскую и латинскую школу. Таким образом «гимназия» Глюка с ее широкой общеобразовательной программой пришлась не ко двору русской жизни, оказалась пустоцветом: судьба ее еще раз подтверждает ту истину, что времена Петровской реформы требовали от школы профессиональных технических и ремесленных знаний, а не общего образо-

вания, запрашивали у нее специалистов-дельцов, а не просвещенных *halant-homme*'ов. Их век наступил не в рабочую пору Петра, а в век царствования императриц, в век господства «шляхетства» и его сословного учебного заведения — «Шляхетского корпуса».

Трудно допустить, чтобы «молодым робяткам» и «дивинам» легко давалась наука в перечисленных школах с иноземным педагогическим персоналом, особенно в первые годы их деятельности. Мы не говорим уже о совершенно новом, неведомом русскому обществу мире отвлеченных понятий и представлений, в который вводила «государственных младенцев» специальная школа; самый язык преподавания, его терминология, то иностранная, то переведенная на вновь созданные из русских слов термины, делали для учащихся корень науки поистине горьким. О языке преподавания того времени мы можем судить по языку учебников, которые стали переводиться для школы с 1703 г., когда вышла «арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и в едино собрана, и на две книги разделена. В Москве типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей на свет произведена» Леонтием Магницким; в том же году были изданы «таблицы *lg*, *sn* и *tg*» под редакцией Фарварсона; в 1704 г. вышел в Москве «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, сллиногреческих и латинских сокровище»; в 1708 г. появилась «геометрия» и т. д. Язык этих «сокровищ» был таков, что и теперешние специалисты едва ли уразумеют смысл их «славенских речений». Вот, напр., определение географии: «География есть математическое смещенное, изъясняет фигура или корпус и фикции, свойство земноводного корпуса, купно с феноменами, со явлениями небесных светил». Или можно ли понять, что есть арифметика, из такого ее этического

определения: «арифметика или числительница есть художество честное и независтное, всем удобопонятное, многополезнейшее и многохвальнейшее, от древних и от новейших в разные времена явившихся философов, изобретенная и изложенная». «Радикс есть число яко-вья либо четверобочная или равномерная фигуры или вещи, един бок содержащее. И того ради корень или радикс именуется, зане от него вся препорция вся алгебры начинаются или рождаются». Немудрено, что головы учеников не выносили этой мудрости, и они дезертировали из школ, с риском подвергнуться розгам.

Самою многочисленною по количеству учеников была школа математическо-навигацкая. Первоначальный комплект ее был в 200 человек, в 1706 г. дошел до 500. В эту школу, если верить Курбатову, ученики шли охотно. «А ныне многие, — пишет он, — из всяких чинов припознали тоя науки сладость, отдают в те школы детей своих, а иные и сами недоросли и рейторские дети и молодые из приказов подьячие приходят с охотою немалою»... Туже заполнялся комплект инженерной школы. Первоначально в нее поступило 23 человека; Петр приказал набрать 150 человек, причем $\frac{2}{3}$ должно было быть из дворян; указ не был исполнен вследствие абсентеизма дворян; тогда новым указом повелевалось вербовать учеников из разночинцев, а из московских дворян — принудительно. Вообще говоря, мелькнувшая было у Петра мысль сделать некоторые школы сословными, а именно, инженерную и морскую академию — дворянскими, славяно-латинскую академию — духовною для подготовки лиц «в надежде священства», не встретила поддержки в жизни: дворяне оказывались в академических «нетех», а их места охотно заполнялись разночинцами; студентов академии разбирали то доктор Бидлоо, то неумолимая рекрутчина... Этим и объясняется, что все школы Петра были всесословными не столько *de jure*, сколько *de facto*.

англичане, видя в школах его управление не последнее, обязали себя к Леонтию ненавидением, так что уже просил он... от школы себе свободы; однако ж я... приказал ему о всяких поведениях сказывать до приезда вашей милости мне»... Других «профессоров» приходилось укрощать приемами русской педагогики. Так, «пресветлейший князь Меншиков», едва умевший нацарапать свою подпись, вмешался в академические распри Морской академии и разрешил ученый спор о знаниях С. Илера очень просто: он «грозил палками побить С. Илера, чтобы, по его словам, выучить французский народ, как жить». «Таких подчиваний не чинят шляхетству в нашей Европе», — писал по этому поводу С. Илер — тот самый С. Илер, на которого подал самому царю челобитную навигатор Угримов, жалуясь на то, что С. Илер бил его, навигатора «шляхетского звания», по щекам и палкою при всей школе...

Мы были бы очень несправедливы к первым русским профессорам специальных школ, если бы судили об их педагогической деятельности по этим отрицательным случаям из академической жизни времени Петра.

В числе иноземных преподавателей были тогда лица, которым русская наука и дело Петровской реформы, несомненно, обязаны очень и очень многим. Таким был прежде всего Андрей Фарварсон, бывший профессором Эбердинского университета, смененный Петром на русскую службу. Даже Курбатов, не особенно расположенный к иноземным профессорам, признавал в нем единственного человека «дела» во всей математической навигацкой школе, которая, собственно, и организована была Фарварсоном и в которой он был, по определению Курбатова, «сам большой»; он же в 1715 году был переведен в Петербург в Морскую академию. Вебер, бывший у нас брауншвейгским резидентом в 1716 г., отзывался с большою похвалой об этом англичанине, который, по

его словам, превосходно обучил в Москве многих молодых людей математике и другим наукам, преподававшимся в этой школе. Замечательно, что этот профессор делал свое большое дело скромно и без шума: будучи «большим» по знаниям, он ни в Москве, ни в Петербурге не занимал начальнического поста.

Следует отметить и такого труженика Петровской школы, как Яган Вурм, около 15 лет обучавший в школе Глюка и в сменившей ее «разноязычной школе» немецкому языку «молодых робяток», а затем, по приказу Петра, вызванный в Петербург для учреждавшихся там в 1715 г. курсов иностранных языков. Мы особо потом поговорим о Глюке, об этом выдающемся педагоге по призванию, человеке разносторонних знаний с большим организаторским талантом и передовым для его времени воззрением на душу ребенка, из которой опытная и любящая рука педагога может лепить, как «из мягкой и ко всякому изображению угодной глины». Он в короткое время создал учебное заведение с широкой общеобразовательной программой, которое пышно при нем расцвело, несмотря на противоречие своего строя с основным духом школьного дела при Петре.

Об определенной программе Петровских специальных школ говорить подробно не приходится, как за отсутствием сведений о многих из них (инженерной, артиллерийской), так и потому еще, что в течение своего существования школы эти меняли программы, что было естественным ввиду отсутствия предшествующей практики. Более известна нам программа навигацкой школы. В низшем отделении школы обучали азбукам, часословам, псалтирям и письму, во втором отделении «цифири», а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии с их практическими приложениями к геодезии и мореплаванию. Наконец, в высшем отделении обучали большой астрономии, плоской и круглой навигации. Мы

Нам остается бросить взгляд на результаты просветительной деятельности названных школ Петровского времени. Против их глубоко народного образовательного значения говорит то, что вызваны они были не столько общественной потребностью, сколько государственною необходимостью, и поддерживались больше личною энергиею Петра и его сотрудников, чем общественным сознанием их необходимости. Быстрое исчезновение большинства этих школ со смертью Петра является лучшим тому доказательством.

Но для Петровской реформы школы эти принесли несомненную пользу. Я приведу говорящие за себя факты, конечно, далеко не исчерпывающего характера. Доктор Бидлоо, занимавшийся с пятьюдесятью «студентами» медициной, писал царю, что некоторые из его учеников так «обыкли» в этой науке, что он, Бидлоо, «лучших из сих студентов Е. И. В. освященной особе или лучшим господам рекомендовать не стыдится». Курбатов так изображал ход дела в подведомственной ему школе: «180 человек... учатся арифметике, из которых человек с десять учат радикасы и готовы совершенно в геометрию»... Магницкий в свою очередь обещал на третьем году существования навигацкой школы, что «если иметь к ученикам совершенное радение во учении, то возможно быть шести человекам к весеннему времени на корабли»... И Матвеев дает похвальный отзыв о ходе работ в Морской академии. «Здесь все идет порядочно,— писал он Макарову,— кадеты в науках прилежно преуспевают, а солдатской экзерциции так хорошо обучались, как бы старые»... Но это только отзывы, а вот и дело. «Гимназия» Глюка и «четырёхязычная школа», полагают, выпустили более 250 человек, так или иначе знающих иностранные языки. Из навигацкой школы вышло не только много хороших моряков, но и много инженеров, артиллеристов, геодезистов. В 1703 г.

велено было прислать из навигацкой школы в Воронеж «ради учения матросов арифметике из числа лучших учеников двух человек», и, «по освидетельствованию Магницкого, двух человек отпустили, определи жить им на Воронеже по два месяца, переменяясь с иными, чтоб от учения от прочих не отстали». Интересный факт вскрылся с преобразованием старших классов навигацкой школы в Морскую академию: в последнюю были вызваны «профессора» англичане, а в элементарной математической в Москве остался один Магницкий, который набрал себе помощников по преподаванию из своих окончивших учеников, которые помогали ему обучать школьников «грамоте, арифметике, геометрии и тригонометрии».

Математическая школа в конце концов превратилась как бы в учительскую семинарию. С учреждением цыфирных школ в 1714 г. было предписано посылать в каждую губернию по два учителя из учеников математической школы. Если принять во внимание, что таких школ при Петре было одно время до 50, то нам понятно станет значение математической школы в качестве проводника «реальных» знаний в провинции. В цыфирные школы должны были поступать дети дворян, дьяков и подьячих и пройти в возрасте от 10 до 15 лет программу этой школы, состоявшую в грамоте и письме, в арифметике, в элементарной геометрии и св. истории. Недоросли, уклонявшиеся от школьной повинности, штрафовались запрещением жениться. Школы эти должны были заводиться при богатых монастырях и архиерейских домах, на их иждивении.

Цыфирные школы не упрочились на Руси, и большинство их не пережило Петра. Неудача эта вполне понятна. Она объясняется прежде всего отрицательным отношением дворянства к обязательному образованию: дворянские недоросли при вербовке в школу оказыва-

лись в «нетех» чаще, чем при наборе в рекруты. Только энергичным провинциальным администраторам удавалось силой скомплектовать школу, которая, впрочем, быстро расползалась от бегства учеников и недостатка в средствах.

Вторая причина неудачи объясняется несочувствием духовенства этой школе, во-первых, потому, что на духовенство взваливалась новая обуза по содержанию этой школы, часто в ущерб имеющимся при кафедрах и монастырях школам церковным; а во-вторых, потому, что духовенству навязывалась школа, чуждая ему по духу, организации и программе, — и против этой школы открыто запротестовали даже лучшие иерархи, искренно по-своему заботившиеся о просвещении паствы. Тщетно гремел против митроносной оппозиции Скорняков-Писарев, ведавший цыфирными школами, упрекая духовенство в крамольном духе, обличая его невежество, мешавшее ему постигнуть сладость и общепользность реального знания: последнее обличение отвечало действительности, и потому-то духовенство и ответило молчаливым бойкотом цыфирных школ, убившим их в конце концов.

III

На помощь реформе Петра было привлечено и другое могучее образовательное средство — книга. От нее прежде всего требовалось сообщение точных знаний из области науки, техники, истории и т. д., насколько все это соприкасалось с реформой. Сюда относятся многочисленные учебники и специальные книги по математике в широком смысле, по географии, землемерию, всеобщей истории, земледелию и т. д. Книги эти допускались Петром с выбором. Новоучрежденный Синод должен

был заниматься, между прочим, и переводом книг. Любопытное задание дает Петр этому высшему церковному учреждению в России в октябре 1724 г.: «Посылаю книгу Пуфендорфа,— пишет Петр в Синод,— в которой два трактата: первый — о должности человека и гражданина, другой — о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо (о должности) переведен был, понеже в другом (о вере) не чаю к пользе нужда быть».

Книга должна, кроме сообщения полезных знаний, еще и воспитывать русское общество в духе европейской общественности. В этом отношении особенно характерным является издание «прикладов, како пишутся комплементы разные» и «юности честного зеркала, или показания к житейскому обхождению», своего рода «самоучители» в пределах воспитательной части программы «гимназии» Глюка и западных «рыцарских академий». Книги эти выдержали при Петре несколько изданий.

Петровской книге ставилась и третья служебная задача: она ясно выражена наряду с отмеченными выше задачами в привилегии, данной Петром голландцу Тессингу на заведение русской типографии: «Те чертежи и книги,— говорится в привилегии,— печатались бы к славе нашему превысокому имени и всему российскому нашему царствию, меж европейскими монархами к цветущей наивящей похвале и ко общей народной пользе и прибытку, и к обучению всяких художеств и ведению, а понижения б нашего Ц. В. Превысокой чести и государств наших к славе в тех чертежах и книгах не было». Следовательно, книга должна содействовать прославлению дел Петра и возвышению русского государства в глазах Европы. Речь здесь идет не о пустом тщеславии и самолюбовании. Делу Петра много вредил установившийся на Западе взгляд на Россию как на варварскую страну; правдивое изображение реформ, по мнению Петра, должно было рассеивать этот взгляд. Тому же делу

должно было служить описание царствования Петра. Собираются исторические материалы по монастырям, ведутся дневники событиям государственной важности, поручается разным лицам писать историю (Поликарпову, Прокоповичу). В 1713 г. издана в Петербурге «Книга Марсова, или воинских дел от войск Ц. В. российских, во взятии преславных фортификаций, и разных местах храбрых баталий, учиненных над войсками Е. К. В. Свейского». Заказанные исторические опыты не удовлетворяют Петра, но он старается бодрить автора наградою: «История твоя и Лексикон,— писал Мусин-Пушкин Поликарпову,— хотя и неугодны были, но Ц. В. изволил приказать за оные твои труды выдать тебе с Печатного двора 200 рублей». От книг, издаваемых в России, Петр не требовал обязательного восхваления всего русского, только потому, что оно русское. По словам Голикова, собирателя рассказов о Петре по свежим следам, государю представили перевод одного сочинения о России. Ознакомившись с работой, Петр обратился к переводчику:

— Глупец! Что я тебе приказывал сделать с сею книгою?

— Перевесть,— отвечал тот.

— Разве это переведено? — продолжал государь и показал ему статью о Российской державе, в которой совершенно были выпущены все жестокие и колкие места для России и заменены похвалами.— Сейчас поди и переведи книгу в подлиннике, как она есть...— При этом монарх объявил свое мнение, что он приказал напечатать сию статью «не в поношение своим подданным, но к их исправлению и в известие, что об них доселе думали в других землях и чтоб мало-помалу научились знать, что они были прежде и каковыми сделались теперь»¹.

¹ Юл., 2-е изд., V, 321—322.

Не об одной целесообразности, но и о доступности содержания и изложения книги заботился Петр при выборе книг для русского читателя.

От каждой книги он требовал сути дела, пренебрегая и в содержании и в изложении всем, что отвлекало мысль от главного. Сохранилась собственноручная записка Петра в Синод, в которой ярко выражено, чего Петр требовал от книги: «Указ трудящимся в переводе экономических книг. Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего (т. е. лишнего), кроме самого дела и краткого перед всякою вещью разговора переводить не надлежит, но и вышереченный разговор чтоб не праздной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был, чего ради и о хлебопашестве трактат выправить (вычерня негодное), и для примеру посылаю, дабы посему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют». Чужой труд, для пользы дела, рекомендовалось не только сокращать и передавать своими словами, но и дополнять в случае надобности, точь-в-точь как поступал сам Петр с попадавшими в его руки рукописями. В письме к Конону Зотову Петр рекомендует «все, что по флоту принадлежит, сыскивать книги, также чего нет в книгах, но от обычая чинят, то пополнить и все перевести на славянской язык нашим штилем, токмо храня то, чтоб дела не проронить, а за штилем их не гнаться». Но так как и «словенский штиль» в роде штиля «любопытного мужа Симеона Полоцкого» были «тяжек за высоту словес», то и тут Петр требовал, как главного, общедоступности. Мусин-Пушкин писал Поликарпову, «по имянному Ц. В. указу»: «посылаю тебе... Географию переводу твоего, которая за не искусством либо каким переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словесы словенскими, но простым рус-

ским языком... Со всем усердием явился и высоких слов словенских класть не надобеть, по посольского приказу употреби слова».

На службу делу реформы Петр вызывает к жизни неведомую еще досель России форму воздействия на общественное сознание — публицистику. В статье: «Петр и оппозиция» было показано, как тяжесть налогов и войны вызывали в разных слоях русского народа недовольство реформою и ропот против реформаторов. К этой домашней оппозиции присоединилась иноземная, питавшаяся опасением растущего могущества России и находившая себе краски для злословия в сложившемся в Западной Европе представлении об азиатском варварстве России. Терпела Россия неудачи в войне, над Петром издевались в Западной Европе, изображая его трусом, покидающим войска в минуту опасности; одерживала победы — сторонники Швеции били тревогу об азиатской опасности; происходили кровопролитные битвы — на Западе говорили о невероятной кровожадности русских; затягивалась война вследствие несговорчивости шведов — Россию упрекали в варварском упорстве, покупаемом ценою бесцельно проливаемой крови и изнурения подданных. Эти нападки, по-видимому, находили себе сочувствие и среди русской оппозиции: русские путешественники приносили на родину слухи о ней с Запада. И Петр обращается к официозной публицистике как к орудию борьбы с оппозицией. В 1717 году выходит написанное Шафировым, с редакционными вставками Петра, «рассуждение, какие законные причины Е. Ц. В. Петр I к начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потептатов, во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель вино-

вен, и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена. Все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностью и истиною». Нам нечего говорить, в чью пользу были сделаны выводы в этом «рассуждении». Для нас любопытно произведенное в вставке Петра расслоение состава оппозиции и указание той ее части, которую Петр удостаивает своим вниманием: «Понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить,— пишет Петр,— но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют, одни для незнания (по неведении), другие по прелестным словам ненавистников, зря отечество наше возвышаемо Богом (западная оппозиция), третий, понеже тунеядцы, ныне не вышней степени суть (русская оппозиция отстраненной от дел партии)». Петр не отвечает первым, «понеже зависть не умеет ценить полезное, а злоба ничем не может утлиться»; третьих он считает недостойными ответа, так как тунеядцам апостол «и ясти воспрещает, и яко корень всем злым праздность есть, того ради» он обращается только к первым, «иже доброй совести суть, по точию неведения ради негодуют». Pamфлет был написан, главным образом, для русской публики, хотя и не без расчета стать известным «христианским и политическим государствам»; но Петром были приняты прямые меры воздействия на общественное мнение Западной Европы в свою пользу.

В 1702 г. Паткуль пригласил на русскую службу доктора прав Гюйсена, который, между прочим, обязался склонять голландских, германских и других ученых, чтоб они посвящали царю или членам его семейства или, наконец, царским министрам замечательные из своих произведений, преимущественно по истории,

политике и механике; также, чтобы эти ученые писали статьи к прославлению России»¹.

Воспитатель царевича Алексея Нейгебауер, получивши отказ от места, в отместку написал пасквиль на Россию, в котором изображал варварство русских, грубость царя, рекомендовал иностранцам не обольщаться обещаниями милости и наград у русского царя. Упомянутый Пойсен получил в 1705 г. «комиссию» опровергнуть пасквиль Нейгебауера, и действительно выпустил в следующем году опровержение под заглавием: «Пространное обличенье преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени перед сим был издан в свет под титулом: «Искреннее письмо знатного немецкого офицера». Завязалась полемика, обратившая внимание западного общества, главным образом, вследствие вскрытия интимных сторон жизни Петра и его друзей.

Петр, побывав на Западе, научился замечать, что в государстве, помимо самодержца и его слуг, есть еще одна крупная «персона» — народ, с мнением которой приходится считаться и сочувствия которой не мешает добиваться ради пользы дела; правда, «персона» эта не всегда бывает на высоте замыслов своих руководителей, но «политичные» государи слишком в это время верили в силу рассудка и не скупились на просвещенные речи, чтобы ими поднять управляемых до своих высоких замыслов, приобщить их к пониманию тех забот, какие проявляли о них в законодательстве, в политике и финансовой жизни страны ее правители. Петр тем более проникся этим «модным» в Западной Европе течением, что данные Преображенского застенка воочию его убеждали, как тяжести реформы туманили мысль народных масс и удаляли ее от понимания смысла реформы: все перетолковывалось наыворот, во всем видели толь-

¹ Соловьев. «История России», т. XV, 111 стр.

ко обратную сторону дела, не замечая ее положительных последствий. Здесь именно мы должны искать объяснения тому, что указы и официальные акты Петра скорее напоминают собою серьезные журнальные и газетные статьи в пользу партийного законопроекта или объяснительные записки к нему, чем правительственные распоряжения и законодательные определения, как мы их привыкли понимать. Возьмите вы любой из «регламентов» Петра: в них половина содержания уделена рассуждениям о пользе и разумности нововведения, о вреде старого порядка, о неразумности его приверженцев, которые, по своей собственной вине и неразумности, навлекут на себя карающую руку правителя и т. д.

Этим публицистическим характером проникнуты почти все правительственные акты и распоряжения Петра, который, таким образом, самую словесную форму своих реформ превратил в средство возбуждения сочувствия и разумного отношения к ним населения. Этим же целям служила и церковная проповедь в устах таких сторонников реформы, как Феофан Прокопович.

Но если, по мысли Петра, книга проводила в русскую среду знание и европейскую культуру, публицистика, официальная литература и проповедь разъясняли населению смысл действий и распоряжений правительства, то оставалось еще ввести население в курс текущих событий, не только русской жизни, но и заграничной, тем более, что теперь разрушилось средостение между этими мирами, и события одной из них чувствительно отражались на других. И Петром заводится в Москве наша первая газета, рассчитанная, по-видимому, на внимание не одной только русской публики.

17 декабря 1702 г. царь указал: «По ведомости о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявле-

ния московского и окрестных государств людям, печатать куранты», и для этого, какие имеются теперь и впредь будут известия в приказах, «присылать в монастырский приказ, откуда те известия отсылать на печатный двор». В 1703 г. вышел первый номер этой газеты, прошедший через редакцию и корректуру самого Петра, под названием: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в московском государстве и в иных окрестных странах».

На подборе материала для этого номера можно видеть, что больше всего занимало внимание его редактора, чем он хотел похвалиться перед читателем и на какие мысли навести его. Симпатии и антипатии, радости и надежды Петра невольно читаются между строк этой еще церковно-славянским шрифтом набранной газеты. В пей, после указания о количестве отлитых пушек в Москве, объявляется, что «московские школы (академия) умножаются и 45 человек слушают философию, и уже диалектику окончили. В математической штурмерской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют. На Москве ноября с 24 числа по 26 декабря родилось мужеского и женского полу 386 человек. В китайском государстве езуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертью казнены. Силы казацкие под полковником Самусем ежедневно умножаются, вырубя в Немирове коменданта, с своими ратными людьми город овладели, уже намерен есть Белую Церковь добывать». Осведомленность «ведомостей» была столь велика, что даже из неприятельской страны, из осаждаемых городов, попала каким-то путем корреспонденция на их столбцы. Гарнизон Ниеншанца по Неве корреспондировал, очевидно, не в газету, а в другое учреждение, не думая попасть в русскую газету: «Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле зело недобро поступает»; а «из Олонца пишут», что поп Иван Окулов с тысячей охотни-

ков побил за шведским рубсжом 50 человек шведской копницы, да 400 пехоты, сжег до тысячи дворов», из своего войска потерявши только 2 раненых.

«Ведомости» выходили не совсем регулярно: обычно на второй или третий день по приходе заграничной почты. Большого распространения газета эта не могла иметь, а, следовательно, и не могла влиять на общественное мнение; но факт ее возникновения очень характерен для Петра, который всячески старался поделиться с обществом своими заветными мыслями, привлечь его внимание к событиям, вызвать общественное мнение и сообщить ему желательное направление.

IV

Мы уже видели, какое место занимал театр в впечатлениях русских путешественников. В бытность свою в Париже Петр часто посещал театры и даже сделал своеобразное подношение знаменитому артисту Барону: подарил ему шпагу. Да и в семье Петра, несомненно, живы были воспоминания о «прохладных комедиях» времени «тишайшего». Все это не могло, конечно, не обратить внимания Петра на театр; но и на театр посмотрел Петр обычным для него взглядом: и здесь он уяснил себе сущность культурного явления и оценил его прикладные силы. Как смотрел Петр на театр, видно из тех заданий, какие он дал выписанной из-за границы труппе актеров. Прежде всего для него театр был серьезное и «общепольное» учреждение: «директору Е. Ц. В. гоф-комедиантов», Куншту с его труппой было положено жалованье в год 5 тысяч ефимков (около 20 тысяч рублей на наши деньги), да построенная на Красной площади «комедийная хоромина» стоила более тысячи рублей, да освобождение «просзжих и всякого чина людей от проезжей

указанной пошлины» два раза в неделю во время представлений чего-нибудь да стоило казне; а Петр на «бездельное» бросаться деньгами не любил. Чтобы стать общепольным, театр Петра был объявлен «всемирным» — общедоступным, — в этом разница его от придворного театра царя Алексея и от школьных представлений академии и ростовской школы Димитрия Ростовского. «Проезжая пошлина» не бралась, «чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно». Петр требовал, чтобы театр давал зрителям здоровое развлечение, воспитывал бы в них художественное чувство реальной драмой и комедией, не переходящей в арлекинаду. Берхгольц рассказывает, что в его время «император приказал сыграть такую пьесу, которая была бы только из трех актов и притом без любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вместе с тем не забавная. За ней должна быть представлена комедия: «Von den armen jungen», т. е. «Georges Dandin». Вебер рассказывает, что Петр назначил премию актерам, если они представят что-нибудь порядочное, пьесу трогательную без любви, всюду вклеиваемой, которая ему надоела, и веселый фарс без шутовства, и не будут игру свою сопровождать крикливыми жестами и напыщенной декламацией.

С другой стороны, от театра Петр требовал художественного служения делу реформы, изображения в пьесах успехов русского оружия, уяснения смысла реформы, заклеивания ее врагов. Это видно из пьес, разыгранных по случаю победы над шведами. Так, при вступлении Петра в Москву после Полтавской битвы в «комедийной хранилище» была разыграна ad hoc написанная Кунштом героическая драма: «Александр Македонский и Дарий» с намеками на событие при Полтаве. Сестра Петра, Наталья Алексеевна, из всей семьи самая близкая ему по духу, вполне прониклась преобразовательными замыслами своего царственного брата и в на-

писанных ею трагедиях и комедиях чаще всего затрагивала события современности. По словам Вебера, упомянутого уже выше брауншвейгского резидента, «царевна Наталья устроила представление одной трагедии, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цели она приказала приготовить большой пустой дом и разделить его на ложи и партер. Вышел оратор, объяснивший историю представленного действия и обрисовавший в заключение гнусность возмущений и бедственный всегда исход оных». Как уверяли Вебера, «во всем этом драматическом представлении под скрытыми именами представлялось одно из последних возмущений». Не без намека на события шведско-русской войны была возобновлена, по приказу царя, трагедия из репертуара «комедийной храмины» царя Алексея: «Божие унижение гордых, в гордом Израиля унижитель, чрез смиренного Давида о униженном Галиафе» и вновь поставлено «праведное (Божие) в отце ругателе Авесоломе наказание» с намсками на разлад Петра с сыном Алексеем.

К той же категории театральных заданий времени Петра относилась попытка «учить людей, изображая правы». В «интерлюдиях», разыгрывавшихся студентами академии, выводились «гансвурсты» в русском облике раскольников, взяточников, подьячих, мракобесов из «учительного класса».

Но все это были отдельные попытки осуществить замыслы Петра на сцене — попытки, при этом успешно выполненные на сцене придворного театра царевны Натальи Алексеевны и школьного театра академии, которые не могли быть «всенародными», по своему специальному характеру; всенародный же театр Куншта так и не смог справиться с заданиями Петра по вполне понятным причинам. Наемные артисты принадлежали к той театральной школе бродячих комедиантов, которую еще Шекспир характеризовал в таких чертах: «Какой-

нибудь дюжий длинноволосый детина разрывает страсть в клочки, чтобы греметь в углах райка, который не смылит ничего, кроме неизъяснимой немой пантомимы и крика... Актеры усердно пилят воздух руками и кричат так, как если бы стихи распевал разносчик... В словах, в походке они не походят ни на христиан, ни на евреев, ни вообще на людей, выступают и орут так, как будто какой-нибудь поленщик природы наделал людей, да неудачно: так ужасно подражают они человеку». Тем менее можно было от таких артистов требовать народного театра: не зная русского языка и русских нравов, они не могли проникнуться бытовым содержанием русской жизни и материал для своей игры вынуждены были брать не из русской действительности, а из готового уже репертуара немецкого театра, о котором Вебер дает такой отзыв: «Германский театр в то время был не больше, как сбор плоских фарсов, так что кое-какие наивные черты и острые сатирические намеки совершенно исчезали в бездне грубых выходов, чудовищных трагедий, нелепого смешения романических и вычурных чувств, высказываемых королями или рыцарями, и шутовских проделок какого-нибудь Jean-Potage, их наперсника». Из пьес подобного репертуара и склеивал Куншт свои героические представления на события дня. Кроме того, составленные на немецком языке пьесы приходилось переводить на русский все тем же приказным переводчикам Посольского приказа, которым чужды были и театральная среда, и театральная терминология. Немудрено, что переведенные ими пьесы способны возбудить смех там, где автор их хотел вызвать у зрителя совсем иные переживания. Вот, например, в каких тяжеловесных и не совсем эстетичных выражениях изъясняется в любви нежная парочка, герцог и герцогиня, на сцене «комедийного амбара» на Красной площади: «Удовольствования полное время, когда мы веселость весны без препятия и овощь любви без за-

зрения употреблять могли! Прииди, любовь моя, позволь чрез смотрение наших цветов очеса и чрез изрядное воение чувствования нашего наполнить». «Гансвурст» переводился «заячье сало», «химера сна» в смысле «ночной призрак» преобразалась в «сонную козу», мольеровский «доктор поневоле» (*Medecin malgré lui*) — на приказном языке стал «доктором принужденным» и «*Precieuses ridicules*» перешли в «Драгия смеяныя».

Несмотря на все это, театр Куншта вначале собирал полную залу зрителей, самой пестрой московской публики; не даром билеты того времени были «вне конкуренции»: билеты первого разряда стоили гривну, второго — 2 алтына, третьего — 5 копеек и последнего — алтын. По словам голштинского министра Бассевича, человеку «порядочному» не было смысла посещать этот «варварский» театр, «посещаемый только простым народом и вообще» людьми низкого звания... Подьячим Посольского приказа, которым вверено наблюдение за порядком в театре, много дела. То там, то тут в толпе вспыхивают ссоры. В одном углу кто-то громко жалуется, что у него во время давки обчистили карманы; в другом углу челядник-швед, невзирая на строгое запрещение, курит в «комедийной хранине», расселся с трубкой и пепел с огнем сыплет на пол с великим небрежением. Его обступают ближайшие соседи, подьячий вырывает у него трубку, а он вынул саблю, бранится невежливо и неистово рвется из рук, крича, что ему табак курить никто не закажет».

Что влекло эту публику в «комедийную хранину»? Возможность увидеть царя с семьей и знатных бар, чувство непринужденности, с которым мог вести себя «челядник» в присутствии знатного министра, обилие света от люстр, роскошная обстановка театра и декораций, потасовки заячьего сала с сотрудниками в интермедиях, кое-какие зрительные сценки представления, но едва ли интерес к внутреннему содержанию кунштовской стряп-

ни. Петр и публика заметно охладели к «стараниям» «директора гоф-комедиантов», который, захвативши жалованье, предназначенное труппе, бежал за границу. Через четыре года своего существования «храмина» была разобрана, и декорации ее были куплены с аукциона придворным театром Натальи Алексеевны. Здесь да еще в духовных школах и хирургической академии продолжал теплиться жертвенник Диониса. Дело народного театра не удалось, но театральное семя было брошено на русскую почву и дало пышные ростки уже в 40-х годах XVIII в.

Нам пришлось уже говорить в другой статье, что Петр придавал тенденциозную, педагогическую окраску и военным публичным парадом, и триумфальному въезду, и народным увеселениям, и беспардонным выступлениям своего «всепьянейшего собора»¹. Даже невинные фейерверки у Петра принимали форму двуглавого орла, бросающего смертносую молнию в шведского льва. Мы не говорим уже об изображениях Марсов, Посейдонов и других божеств, подвизавшихся, «по указу Е. Ц. В.», на поприще прославления и пропаганды дел Петра. По словам Юля Юста, все искусства соединились для этой цели во время Петра. Все эти эмблемы, образы и символы, несомненно, ярко запечатлевались в памяти современников. Небезынтересно отметить, что большинство этих эмблем и аллегорий Петровской пиротехники и живописи попало на скромные кремлевские ворота Ростова Великого: здесь мы видим и свинью, нюхающую цветок, с «изъяснением»: «Не по твоим ноздрям дух», и орла, поражающего льва, который успел пошатнуть постамент с польской короной, и льва, повешенного на всеревке, с многоговорящей надписью: «Да знает властительствовати».

В. Уланов

¹ См. мою статью: «Петр и оппозиция».

РЕФОРМА АРМИИ И ФЛОТА ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Стоявшие на очереди вопросы внешней политики, требовавшие разрешения, заставили Рюриковичей и первых Романовых обращать исключительное внимание на организацию армии. Господствующий ее тип в XVII в. определился веком раньше и вполне соответствовал примитивным хозяйственным отношениям, сложившимся в стране. Армия в XVII в. состояла из двух частей — дворянской конницы и стрелецкой пехоты. Первая несла обыкновенно двух родов службу: «полковую» и «городовую». Полковая служба заключалась в систематической охране границ государства, преимущественно южных. Каждое лето, на определенных местах, выставлялись полки дворянской конницы. Полковую службу несли более состоятельные военно-служилые элементы; на менее состоятельных и отчасти отставных служилых людей лежала гарнизонная, «городовая» служба. Дворянская

конница обыкновенно делилась на полки, в состав которых входили землевладельцы одного уезда. Такая иррегулярная армия, при том разнообразно и примитивно вооруженная, годилась для защиты южных границ от татарских набегов, но была мало пригодна в борьбе с более культурными западными соседями. И стрелцкое войско делилось на полки, приблизительно в тысячу человек. В мирное время стрельцы несли в уездных городах гарнизонную службу и занимались земледелием и торговлей. В общем, и это был весьма недоброкачественный военный материал. Правительству новой династии пришлось довольно скоро убедиться в негодности того боевого материала, который представляли собой дворянская конница и стрелецкая пехота. Не имея возможности реформировать радикальным образом организацию армии, правительство новой династии стало пополнять ее кадрами из регулярных войск, обученных по европейскому образцу. Приглашенные иностранные офицеры ретиво принялись за обучение и снаряжение новой армии, и в Смоленском походе 1631—1632 г. в войске Шеина находились «рейтары», конница иноземного строя и пехотные солдатские полки. Численность этой регулярной армии к концу века прогрессивно увеличивалась, тогда как дворянская конница и стрелецкая пехота численно уменьшались. Так, в армии царя Феодора новая конница и пехота составляли около 90 тысяч (29 844 конницы и 59 203 солдата), тогда как на долю дворянской конницы и стрелецкой пехоты приходилось только 60 т. человек. В правление Софьи войска иноземного строя численно увеличиваются еще более. Недаром первый министр правительницы Софьи был противником войска, обученного по русскому образцу, и стоял за введение регулярной армии, обученной европейскому строю. Так, в XVII веке уже чувствовалась крайняя необходимость в реформе армии, и даже наме-

чалось то направление, в каком должна была идти реформа. Необходимо было иррегулярные полки иноземного строя сделать постоянными, не отпускать домой, по окончании похода, для занятия своим хозяйством. Окончательное устройство новой армии относится к эпохе Петра. Она выросла из тех потешных войск, которыми забавлялся Петр в детстве и юности, и окрепла под влиянием той внешней политики, которой держался Петр.

Первое время, после победы над Софьей, Петр все время отдавал своим потешным, устраивая с ними около Москвы маневры, напоминавшие собой в миниатюре настоящие сражения. Так, 4 сентября около Преображенского происходило настоящее сражение: стрелянный стрелецкий полк дрался против Семеновского потешного полка. Одновременно два других стрелецких полка должны были драться друг с другом. Дрались до самого вечера. Только наступившая темнота прекратила сражение. Бой был кровопролитный, много было раненых и обожженных порохом. В октябре 1691 года был большой бой у города Пресбурга. Сам «генералиссимус» Фридрих Ромодановский его защищал. Потешные войска сильно отличились. Но кончился бой для многих очень печально: по словам Петра, «и тот бой равнялся судному дню». Ближний стольник, князь Иван Димитриевич Долгорукий, «от тяжкия своея раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, иде же и всем нам по времени быти». Осенью 1694 года происходили большие маневры у деревни Кожухова. Русская армия находилась под командой генералиссимуса Феодора Юрьевича Ромодановского. Ядро его армии составили потешные полки: Преображенский и Семеновский. Неприятельской армией командовал «польский король», Ив. Ив. Бутурлин. В обеих армиях было 7¹/₂ т. человек. Согласно составленному плану ма-

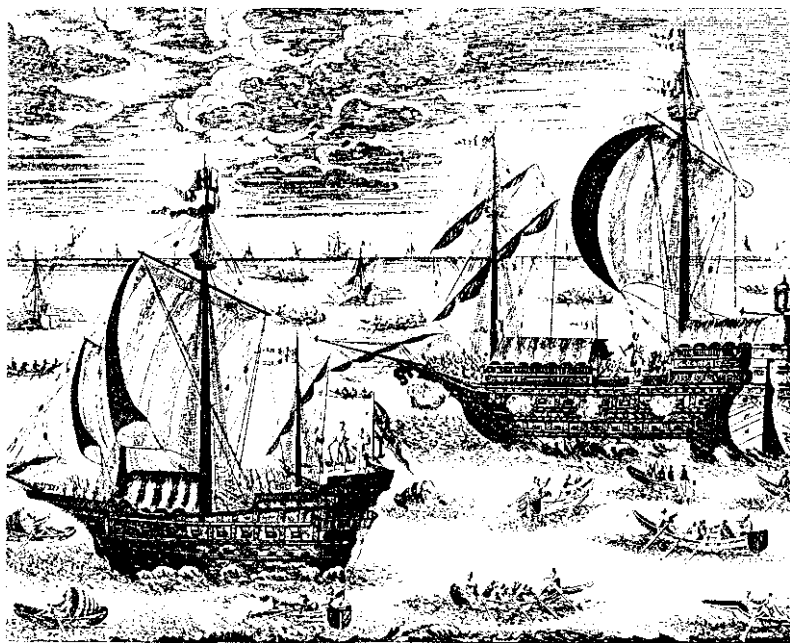
невров, польский король должен был защищать безымянный город. Ромодановский его брал, и, конечно, его штурм окончился удачно. С обеих сторон было немало раненых и убитых. Такими приемами совершалось военное воспитание вновь организованной армии, состоявшей ко времени Азовских походов из 4 полков (кроме двух старых потешных, еще Лефортовский и Бутырский, устроенные по образцу потешных). В Азовском походе эта регулярная армия принимала весьма деятельное участие. Когда у Петра окрепла мысль о необходимости борьбы со Швецией, он в 1699 г. отдал приказ произвести рекрутский набор, достаточный для укомплектования 31 полка в количестве 32 тыс. человек. Благодаря этому, накануне войны он имел в своем распоряжении 33 полка при общей численности в 35—40 тыс. человек. Армия делилась на три корпуса, численностью в 11—12 тыс. человек. К ней надо еще присоединить служилое ополчение в 12 тыс. человек и около 10 тыс. казаков. Новонабранная армия все дни обучалась военному делу, и обучение было настолько удовлетворительно, что один саксонский генерал, видевший эту армию до Нарвского поражения, пришел в восторг от блестящего внешнего вида армии, в особенности пехоты, которая по своим качествам не уступала и немецкой. Конечно, в новой армии было немало дефектов, недоступных для постороннего наблюдателя. Больше всего ощущался недостаток в офицерском составе. Иностранцев не хватало, своих еще не было, а первые не всегда оказывались пригодными к военному делу. Одни были просто «гуляки великие», другие, по словам начальника гвардейского корпуса Головина, за мушкеты взяться не умели». Конечно, такие элементы были попросту удалены Петром из армии. Боевое крещение армии под Нарвой кончилось неудачей. Молодая армия была разбита наголову Карлом XII. Но Нарвское поражение не заставило Петра

отказаться от борьбы со Швещией за берега давно желанного Балтийского моря. С большими усилиями была создана новая армия, постоянно пополняемая новыми рекрутскими наборами. К концу царствования Петра в новой регулярной армии было 126 полков, при общей численности в 200 000 солдат всех родов оружия, и больше 100 тыс. казачьей иррегулярной конницы. И всю эту армию должно было содержать население, и без того доведенное до обнищания узко-фискальной политикой правительства. Так при Петре окончательно была создана регулярная армия.

Образование новой армии совершенно изменило способ ее комплектования. В армии XVII века главный военный контингент составляло дворянство, обязанное личной наследственной службой. Затем вербовались в нее «охотники», а во время войны производился набор «даточных людей» с определенного числа крестьянских дворов.

После войны даточных отпускали домой. Начиная с Петра, укомплектование армии производится исключительно рекрутскими наборами, падавшими на все классы общества. Рекрутские наборы производились в течение всего царствования Петра, но до указа 20 февраля 1705 года не были повсеместными. Только с опубликованием этого указа дело укомплектования армии становится на прочную почву,— армия стала пополняться ежегодными рекрутскими наборами. Заведывание наборами первоначально сосредоточивалось в ведомстве Поместного приказа, а с 1710 г. было передано губернским властям. Поместный приказ посылал в области особых для этого сборщиков. Указ 20 февраля и инструкция, данная сборщикам, определяют те правила, которым они должны были следовать при производстве набора.

По указу 20 февраля, рекруты брались «со всех городов и уездов», «с посадов, с дворцовых волостей», с вот-

Флот Петра I

чинных церковных и «всяких чинов помещиков и вотчинников», «с крестьянских и бобыльских, с задворных и деловых», занесенных в переписные книги 186 года. Нормой сбора было положено 20 дворов. Если количество дворов того или другого владельца не доходило до 20, то несколько малодворных складывались и выставляли 1 рекрута с полных 20 дворов. В рекруты нужно было брать лиц от 15 до 20 лет, холостых «добрых, человеческих и в службу годных». Каждый даточный непременно снабжался необходимым провиантом и амуницией. Что касается обязанностей сборщиков-стольников, то они заключались в следующем: по приезде в назначенное место, стольник назначал несколько пунктов (станций) для сбора, с точным обозначением, из каких городов на какой пункт надо было приводить даточных. Рекруты при-

водились с именными сказками и росписями владельцев о числе дворов. За утайку даточные брались в двойном количестве. На станциях даточные обучались военному строю, а затем, при первой надобности, их отправляли в армию. И последующие наборы производились по правилам 20 февраля 1705 года, впрочем, с некоторыми отступлениями. Так, с 1708 года стали брать в рекруты и женатых, возрастом от 20 до 30 лет. Затем бывали наборы, когда по одному рекруту ставилось с 10 дворов (18 ноября 1708 года). Зато, когда выяснилось истощение народной массы, и недоимка рекрутов прогрессивно увеличивалась, наборы производились с 40 дворов по человеку (15 января 1713 года) и с 75 дворов по человеку (12 февраля 1715 года). Но это было не общее правило, а исключение, всегда оговоренное в указе о производстве рекрутского набора. Производство рекрутского набора всегда создавало немало препятствий для администрации. И население, и землевладельцы принимали все меры к тому, чтобы как-нибудь уклониться от набора. Подавались неверные справки. Указы не действовали. Население разбегалось по лесам. Иногда приходилось устраивать даже целые облавы. Неудивительно, что почти никогда не удавалось набрать того количества рекрутов, которое полагалось по окладу. Временами этот недобор был настолько ощутителен, что новый набор объяснялся необходимостью добрать недобранное количество рекрутов. Но и собранного количества не удавалось довести до места назначения. На станциях рекрутам приходилось жить в весьма антисанитарных условиях. Их плохо кормили, вследствие чего заболеваемость и смертность среди них достигали немалого %. На станциях за рекрутами был организован строгий надзор, но, несмотря на это, бегство стало обыкновенным явлением. Для предупреждения побегов рекрутов с 1712 года заковывали в ручные и ножные кандалы, но затем эта мера

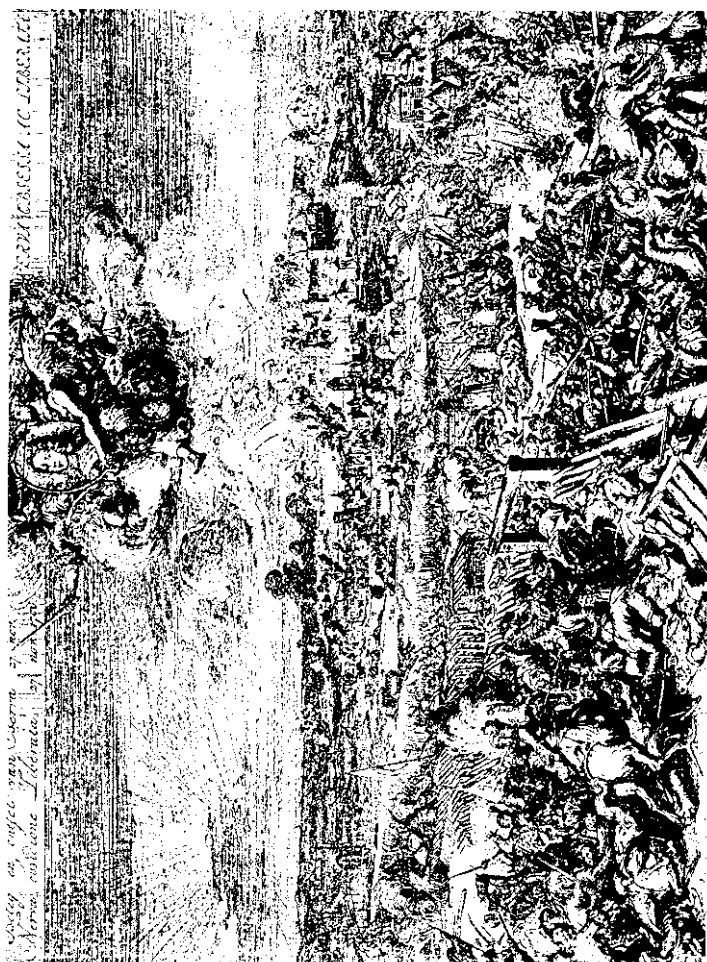
была отменена: на левой руке накалывали крест и затирали его порохов. Для поимки беглых губернское начальство посылало особых сыщиков с отрядами, а иногда присылались и специальные военные отряды. Тогда искание беглых переходило в руки начальника отряда, а губернатор должен был смотреть за тем, «чтобы от того офицера в сыску тех беглых солдат обид и налогов никому не было».

Независимо от расследования официальных лиц, и частные лица должны были доводить до сведения правительства о проживавших у них беглых, под угрозой «жестокое наказания и конфискации имения». Пойманных беглецов приводили в местную губернскую канцелярию и допрашивали, прибегая даже к пыткам. Виновного обыкновенно подвергали смертной казни через повешение, но впоследствии смертная казнь заменена была ссылкой на каторжные работы без срока по отношению к рекрутам, уличенным в троекратном побеге. Для лиц, уличенных впервые или вторично, полагалась ссылка на каторгу на срок и наказание плетью с оставлением в полках по-прежнему. По воинскому уставу 1716 года рекруты, бежавшие вторично со службы, подвергались вырезыванию ноздрей и ссылке на бессрочные каторжные работы, солдаты же подвергались смертной казни. Родственники беглых и виновные в укрывательстве рекрут были подвергаемы денежным штрафам, а в случае несостоятельности — наказанию кнутом. Но и такие жестокие меры не прекратили бегства и рекрутов и солдат. Слишком была тяжела военная служба, к тому же прекращавшаяся только по случаю инвалидности.

Введение регулярной армии значительно увеличило расход по ее содержанию и вынудило правительство предпринять новую финансовую реформу — ввести подушную подать.

Стремление проникнуть к морю, главным образом, к Балтийскому, было давнишним желанием Московского правительства. С этой целью велись войны со Швецией и Польшей, впрочем, кончившиеся неудачно. Была даже попытка обратиться к курляндскому герцогу с предложением за денежное вознаграждение дать разрешение строить и держать корабли в курляндских гаванях. Это предложение потерпело фиаско. Правительству первых Романовых не удалось утвердиться на берегах Балтийского моря, но ему была не чужда мысль о необходимости флота для сношений с Европой. Создание флота относится к эпохе Петра. В необходимости флота последний убедился во время неудачного Азовского похода, так как без флота нельзя было взять сильную приморскую крепость. Не отказываясь от мысли еще раз попытаться взять Азов, Петр, по возвращении в Москву, принялся за огромную работу — постройку флота на суше. Зимой 1695—1696 гг. в Преображенском строились галеры, которые потом были переправлены в Воронеж. Попытка Петра удалась. Выстроенный флот представлял собою довольно грозную силу. С его помощью Петр вторично осадил Азов и, обложив его с моря судами, взял. Завладев Азовом как ключом ко входу в Черное море, Петр решил завести на Азовском море целый флот. Началась усиленная постройка судов на верфях в Воронеже. Так как правительство не располагало свободными деньгами, то постройка кораблей была возложена на купечество, духовных и светских землевладельцев, имевших не менее 100 дворов, имевшие же менее 100 дворов должны были платить полтинные деньги. Для постройки кораблей вышепоименованные лица составляли «кумпанства», товарищества.

В светском «кумпанстве» заключалось 10 000 крестьянских дворов, а в духовном — 8000. Каждое «кумпанство» на свой собственный счет должно было выстроить

Битва при Нарве

12 кораблей; кроме того, посадское население всей России обязывалось построить 12 кораблей. Заведывание постройкой кораблей входило в ведомство Адмиралтейского приказа. В 1700 г. «кумпанства» были отменены. Постройка кораблей всецело сосредоточивалась в руках правительства. Вместе с тем, взамен снятой с «кумпанств» повинности, был назначен новый ежегодный денежный сбор, по 1000 руб. с «кумпанства». Благодаря работам «кумпанств» скоро на Азовском море появился большой флот, и Черное море не раз уже пересекали русские корабли. Но дальнейшее развитие флота на Азовском море было остановлено прутской катастрофой: Азов был возвращен туркам, мелкие суда отвели вверх по Дону, а 4 больших новых суда были проданы туркам. Так Азовский флот прекратил свое существование. С этого момента все внимание Петра сосредоточивается на Балтийском море. Еще до начала войны со Швецией было приказано выстроить 600 стругов по рекам Болхову и Луге, затем уже в начале войны Петр, прекрасно понимая, что без флота нельзя захватить Неву и ее устья, построил верфь на берегу Ладожского озера, и уже в сентябре 1702 г. здесь были спущены 2 фрегата. В 1703 г. Петром строится верфь на берегах реки Свири, покрытых прекрасным корабельным лесом. Здесь было заложено 7 фрегатов и до 30 мелких судов. С основания Петербурга вся постройка кораблей сосредоточивается почти исключительно в Петербурге. По мере развития хода Северной войны количество флота все возрастало. Кроме военных надобностей, флот был нужен, по мнению Петра, для целей торгово-промышленных, так как им обеспечивалась независимость торговли с Западом. К концу Петровского царствования русский флот состоял из 48 линейных судов и 788 галерных и других судов. Организуя флот, Петру приходилось заботиться о снабжении его матросами. Первое время экипаж Азовского

флота состоял исключительно из гвардейских потешных, но затем стали производиться специальные наборы в матросы, которых для обучения отдавали в опытные руки иностранных моряков. Уже в 1700 г. на судах Азовского флота было 1104 матроса, взятых из солдат. Набор матросов 1702 г. дал 1300 человек и 394 добровольцев. Обыкновенно в матросы набирали людей молодых, жителей Поволжья, Поморья и Озерной области. Приглашались также на службу и иностранцы в значительном количестве. Так, в 1704 г. было нанято в Голландии 69 офицеров, 103 унтер-офицера, а в 1707 году в Амстердаме было нанято 1500 матросов. После окончания Северной войны все иностранцы-матросы были уволены, а численность русских матросов равнялась 7205. Морская военная служба была так же тяжела, как и сухопутная. Матросы обыкновенно помещались в трюме, в самых антисанитарных условиях, среди провизии и бочек с водой, дававших течь от качек. Питание матросов было очень плохое. Сплошь и рядом приходилось питаться сгнившими сухарями и пить протухлую воду. Вследствие этого, во флоте часто царили желудочные болезни, и смертность среди него была огромная. По свидетельству одного англичанина-современника, вследствие дурного содержания, русский флот терял вдвое больше матросов, чем иностранный. Вполне понятно, что бегство из флота было так же распространено, как и бегство из сухопутной армии, и никакие жестокие наказания не могли остановить этого стихийного движения.

В. Пичета

ФИНАНСОВАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII ВЕКА

I

Московскому правительству пришлось в течение XVII века вести довольно активную внешнюю политику, разрешать вопросы, оставленные «великой разрухой» в наследие новой династии. Все эти многочисленные, удачные и неудачные войны в финансовом отноше-

нии были очень дорогими для народа и совершенно разорительными для народного хозяйства. Такая интенсивная внешняя политика до крайности напрягла платежные силы населения и заставляла его весь свой доход от труда отдавать в распоряжение государства. Благодаря войнам необычно стремительно растут расходы на военные нужды, и в зависимости от них увеличивается текущий доходный бюджет¹. Так, в бюджете 1701 г. расходы на военные нужды занимают 82,9% всего расходного бюджета. В сравнении с данными 1680 года расход на армию увеличился более, чем в 4 $\frac{1}{2}$ раза (650—700 т. руб.).

Остальные расходы сравнительно с военными расходами занимали в бюджете довольно скромное место. Так, дворцовые расходы поглощали всего только 4,1% расходного бюджета, благотворительность и пенсии — 3,8%, администрация — 1,9%. Но зато и на удовлетворение культурных нужд и потребностей населения не тратилось ни одной копейки. Размеры расходного бюджета по мере развития Северной войны значительно увеличились. По бюджету 1710 года они равнялись 3 834 000 (почти на 1 300 000 больше сравнительно с бюджетом 1701 года), причем по-прежнему на удовлетворение военных нужд шла большая часть бюджета — 3 010 000 руб. (83%). С большим напряжением платежных сил населения правительству Петра удавалось сводить кое-как концы с концами, но и таких форсированных текущих поступлений не хватало, и в 1710 году правительству пришлось иметь дело с настоящим дефицитом на сумму около $\frac{1}{2}$ милл. рублей.

В виду быстро растущих военных расходов правительство Петра было сильно озабочено отысканием средств для их покрытия. В этом отношении финансовая политика первых лет Петровского царствования не

¹ В 1701 году он равнялся 2 995 765 руб.

преследовала никакого систематического плана, а имела в виду только интересы данного момента, стремилась удовлетворить их с помощью тех приемов и средств, которые находились у правительства под рукой. Доходный бюджет 1701 года и последующие за ним составлялись из прямых налогов, обыкновенных и чрезвычайных, и косвенных налогов, составлявших около 40,4% всего доходного бюджета. Кроме того, в состав его входили промысловые сборы, разного рода регалии и монополии. Стремясь найти новые средства для удовлетворения текущих военных расходов, Петр и обратил свое внимание на те объекты бюджетных поступлений, которые находились всецело в распоряжении правительства. Правительство Петра и сосредоточило все свое внимание на регалиях и монополиях. Желая увеличить доходы, связанные с чеканкой монеты, оно приступило к общей перечекежке иностранной монеты в русскую с «наддачей» 10% в сравнении с прежней высокопробной монетой. Ради той же цели оно тщательно скупало хорошую старинную полноценную монету. Выпуская низкопробную монету по той же номинальной цене, сначала получили значительную прибыль и, следовательно, имели все основания быть довольными произведенной финансовой операцией. Так, в 1701 году было выручено благодаря ей 717 744 руб., в 1702 году — 764 939 руб.

Но так продолжалось только два года. Затем эта прибыль начинает медленно падать, и вся финансовая операция кончилась полнейшей неудачей. Эта неудача зависела, конечно, от разных условий: вследствие слабого развития товарообмена шла очень медленно продажа правительственных товаров на ефимки, которые перечекивались правительством, затем почти исчезла из обращения высокопробная старая монета. Ее успели или перечеканить, или население ее тщательно прятало, не желая нести ее на монетный двор для перечекан-

ки. Предпринятая Петром мера временно дала правительству кое-какой доход, но главный недостаток этого мероприятия заключался в том, что этот доход не был постоянным, а всецело зависел от привлечения в страну металлических денег. Неудобство такой перечековки еще сказалось в падении ценности новых денег почти наполовину и увеличении цен на товары в таком же размере.

Затем правительство Петра обратило внимание на промысловые сборы. Старое обложение было значительно повышено; и самое число сборов было увеличено. Для отыскания новых статей было учреждено особое ведомство — ингермандландская канцелярия с Меншиковым во главе. В государственную собственность для обложения оброком были отобраны рыбные ловли, «которые даны помещикам и вотчинникам за службы по жалованным грамотам в вотчины»; отбирались в казну постоялые дворы. Впрочем, впоследствии это распоряжение было отменено. Постоялые дворы были оставлены по-старому в частном владении, только четвертая часть доходов с их эксплуатации поступала в казну. Наложило правительство также свою тяжелую руку и на бани. Сначала предполагалось уничтожить все частные бани и сохранить только одни торговые, чтобы обложить их усиленным промысловым сбором, но даже Петровскому правительству такая мера показалась чрезмерной. Было решено оставить бани в частном владении, только обложив их налогом в размере трех рублей, одного рубля и 15 коп. в зависимости от сословия; обложили особым налогом дубовые колоды, которые шли для гробов, а также мельницы.

Одновременно с этим правительство Петра значительно расширяет сферу казенных монополий: указом 1 января 1705 года была взята в казну соль, после чего ее продажная цена была увеличена вдвое¹. Кроме того,

¹ По 21 коп. за пуд.

к числу казенных товаров были впоследствии отнесены: табак, деготь, смола, сало, рыбий жир — товары все ходкие, большею частью, находившие большой сбыт на заграничном рынке. Наконец, к прежним пошлинным сборам: судебным и печатным, была присоединена еще гербовая. Такими мерами правительству удалось значительно увеличить свой доходный бюджет.

Но как ни эксплуатировало правительство различные статьи дохода, все-таки обыкновенных поступлений не хватало на удовлетворение текущих государственных потребностей. Оно по-прежнему принуждено было обращаться к чрезвычайным налогам, и в этом отношении не было никакой системы. Обыкновенно, как только являлась необходимость удовлетворения какой-нибудь государственной потребности, правительство сейчас же учреждало экстренные сборы. Так возникли драгунский сбор на покупку драгунских лошадей, во время вербовки новых 9 драгунских полков, в размере 242 628 руб., адмиралтейские сборы на починку кораблей, на покупку всяких корабельных припасов и на дачу разным мастерам и матросам, с самого начала ставшие обыкновенными прямыми налогами; вводились сборы на постройку Архангельской крепости. Таковы были элементарные приемы финансовой политики Петровского правительства.

Дефицит 1710 года поставил правительство в серьезное затруднение: под рукой не было средств для его покрытия, а платежные силы населения уже были достаточно напряжены. Чтобы выйти из создавшегося затруднительного положения, Петр предпринял новую перепись населения, в том предположении, что со времен последней общей переписи прошло около 30 лет, и за это время число окладных единиц — дворов должно было, несомненно, увеличиться. Новая перепись была возложена в каждой губернии на губернатора. Ему принадлежало общее руководство переписью. Непосредст-

венное же заведывание переписью было поручено ландрихтерам, но если бы они «за многодедьством во все города» ездить сами не могли, то могли передать переписку тех городов комендантам. Перепись велась очень энергично, но она дала не те результаты, которых от нее ждало правительство. Вместо предполагаемой прибыли населения получилась убыль. Последняя была особенно заметна в северных и средних губерниях, несмотря на то, что они являлись наиболее населенными. Так, в Архангельской губернии убыль населения равнялась 40%, С.-Петербургской — 40,3%, Смоленской — 21,2%, Московской — 24%, Азовской — 12,2%. Наоборот, в Киевской была прибыль населения (2,6%). То же можно сказать и относительно Рязанской (14,8%) и Сибирской (46,9%). Общая убыль населения составила 19,5%, на 153 899 дворов, в сравнении с переписью 1678 года. Конечно, правительство ожидало других результатов.

А между тем убыль населения вполне понятна, если вспомнить те энергические требования, которые предъявляло к нему Петровское правительство. Прежде всего значительная «пустота» дворов образовалась под влиянием тех систематических рекрутских наборов, которые производились в первые 10 лет Северной войны. Таких наборов было шесть, благодаря чему к 1711 году комплект армии достиг 164 000 человек. Благодаря большой смертности на поле битвы, а также от болезней в армии и в рекрутских партиях по пути в армию, рекрутские наборы были особенно тяжелы для населения и немало содействовали его убыли. На последнюю также влияло и отбывание населением натурой работной повинности по постройке укреплений, сооружению новых судов, постройке Петербурга, прорытию Ладожского канала. С 1699 года по 1709, по подсчету П. Н. Милюкова, ежегодно было занято работами не менее 16 754 человека. Вследствие плохих санитарных условий и работы в

нездоровой местности население быстро вымирало. Места умерших занимали новые лица, также обреченные на смерть. Кроме того, население, раздраженное большими финансовыми требованиями, предъявляемыми правительством к плательщику налогов, а также увеличением помещичьих сборов и повинностей, отчасти разного рода народными бедствиями: эпидемическими болезнями, пожарами, неурожаями, бежало на южные и южно-восточные окраины, где не было еще помещиков, куда не проникли еще сборщики, где можно было еще подышать свободным воздухом. Возможны также были и злоупотребления при производстве переписи, в виде утайки дворов. Вот общие условия убыли населения. Несмотря на данные переписи, правительство Петра с ней совершенно не считалось и отдало распоряжение собирать окладные налоги по переписи 1678 года. Остававшемуся на местах населению приходилось платить за опустелые дворы, отчего податная тяжесть, и без того чрезмерно давившая плечи крестьянина, становилась еще невыносимее. Конечно, возвращение к окладным листам 1678 года — это не разрешение того финансового затруднения, в которое попало правительство Петра. А между тем убыль населения, на которую правительство сознательно закрывало глаза, давала себя знать благодаря прогрессивно увеличивавшейся недоимке при сборе окладных и неокладных налогов. Правительство Петра все время чувствует хроническую нужду в деньгах и совершенно не в состоянии удержать равновесие в бюджете, обыкновенно сводившемся с дефицитом.

После Полтавской битвы ход военных действий на театре войны стал менее интенсивным. Петр верил в близкое окончание войны. Тогда же возникал вопрос, как быть с армией, созданной с такими усилиями и с такими колоссальными жертвами со стороны населения. Необходимы были новые ресурсы для ее содержания.

И вот, под влиянием отчаянного состояния финансов и необходимости в будущем содержать армию в мирное время, укрепилась мысль об изменении старой податной единицы «двора» и замене ее «душой», чтобы тем самым всякого плательщика налогов поставить в непосредственные отношения к правительственной власти и сделать невозможным уклонение от платежа налогов. Эта мысль находила себе полное подкрепление в проектах сотрудников Петра, ссылавшихся на французское податное устройство. Пока правительство Петра обдумывало новую финансовую меру, им была предпринята вторая общая перепись населения, названная «ландратской», так как заведывание ею находилось в руках ландратов.

Производство ее было начато в 1716 году. Но и вторая общая перепись не оправдала возлагаемых на нее ожиданий. Ее результаты были в общем так же мало благоприятны, как и перепись 1710 года. Население в общем продолжало убывать, хотя по некоторым губерниям (Петербургской, Московской) была заметна прибыль населения. Но, конечно, для податных целей данные переписи 1716—1718 гг. были еще менее пригодны, чем перепись 1710 года, но зато в тех губерниях, где замечалась прибыль населения, было обнаружено, что рост населения не отражается в такой же степени на увеличении дворов. Бывали и такие случаи, когда замечались общий прирост населения и в то же время убыль дворов; это определенно обнаруживало стремление населения уклониться от обложения посредством увеличения скученности населения двора. Такого рода наблюдения и поторопили правительство с введением подушной подати, которая должна была прикрепить к тяглу всякого плательщика налогов и сделать невозможным уклонение населения от платежа повинностей.

К введению подушной подати правительство Петра приступило еще до окончания ландратской переписи.

Указ 26 ноября 1718 года предписывал приступить к производству ревизии. В том же указе, изложенном, по словам В. О. Ключевского, «с тем торопливым лаконизмом, каким отличался законодательный язык Петра», впервые излагались и главные положения нового податного строя. Указ предписывал, в течение годовичного срока, «взять сказки у всех, чтобы правдивые принесли сколько у кого в которой деревне душ мужского полу, объявля им то, что кто что утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том». Тот же указ затем требует определения, «на сколько душ рядовой солдат с долею на него роты и полкового штата», и по этому расчету «рописать полки по крестьянам»; распределив их, «учинить на каждый полк два комиссара: одного полкового, другого от земли». Обязанность земского комиссара, избранного дворянством, состояла в том, чтобы «в уреченные сроки» собирать с крестьян деньги и отдавать полковому комиссару при всех офицерах.

Этот указ давал только общие указания относительно предстоящей реформы и нуждался в дальнейшем развитии своих основных положений. Только через два месяца указом от 22 января 1719 г. были даны более подробные разъяснения. Прежде всего указ определил точно круг тех лиц, которые подлежали переписи.

Императрица Анна Иоанновна

К ним относились: крестьяне, бобыли, задворные и деловые люди всех владельцев — однодворцы. Вслед за этим постановлением в указе находятся указания относительно порядка подачи сказок: составление и подача сказок в помещичьих имениях была возложена на помещиков, а в случае их отсутствия на приказчиков, старост и выборных от крестьян; выборные старосты и приказчики представляли за своею подписью сказки о дворовых, государевых, патриарших, архиерейских, монастырских и церковных крестьянах. Однодворцы должны были сами подавать сказки о себе и своих семьях. Сказки должны были поступать к губернаторам, а от них вместе с ведомостями в Петербург к бригадиру Зотову, на которого была возложена разработка всех получаемых данных. Для представления сказок был определен годовой срок. За утайку душ приказчикам и старостам грозила смертная казнь, а за тот же проступок со стороны помещиков отбирали у них двойное количество против утаенного числа крестьян. В течение года, несмотря на то, что указ был повторен 4 раза, «ниоткуда присылки» сказок не было, «кроме что из немногих мест присланы». В поданных же оказались «многие неисправы». Видя такое отношение к правительственному распоряжению, Петр решил воздействовать на провинциальную администрацию из центра. В декабре 1719 г. во все губернии и провинции были посланы гвардейские солдаты с строгим поручением: сыскать виновных в промедлении и «держатъ на цепях и железах и не выпуская никуда», пока не подадут требуемых правительством сведений. Одновременно с этим было приказано всем помещикам и вотчинным, как духовным, так и светским, находящимся в Петербурге, немедленно подать сказки о своих душах с угрозой, что в противном случае у них «поместья их и вотчины отписаны будут бесповоротно». Но и этот указ не произвел надлежащего впечатления. Несмотря

на наказания, сказки не подавались, и правительство совершенно не знало, как добиться требуемых сведений. Только к весне 1721 г. стал поступать в Петербург требуемый материал. В нем сразу обнаружилось немало дефектов: была замечена значительная утайка душ, несмотря на строгие за нее наказания. Видя, что строгость мало помогает делу, правительство решило на время отказаться от нее и отменило все наказания за утайку в случае представления таких сведений до 1 сентября 1722 г. (указ 28 февраля 1722 г.). Не ожидая особенных результатов от опубликования этого указа, правительство само приступило к проверке результатов ревизии. Ревизия была возложена на губернаторов и воевод. Они должны были объездить подведомственные города и села и проверить данные ревизии. Указом Синода местному духовенству предписывалось оказывать всевозможное содействие, «ибо оное дело особливо государственное нужное и не на краткое сочиняется время». Результаты предпринятой ревизии скоро обнаружались: по подсчету П. Н. Милюкова, в шести губерниях (Азовской, Киевской, Московской, Нижегородской, С.-Петербургской и Смоленской) по поданным сказкам приходилось 2 625 842 души. Ревизия обнаружила утайку 452 448 душ. В общем по предварительному подсчету правительства количество крестьян и дворовых равнялось 5 милл.; так как на содержание армии требовалось 4 милл. руб., то раскладка на одну душу должна была равняться 80 коп. Выяснив размеры оклада на одну душу, правительство приступило к распределению полков по дистриктам, из которых каждый должен был содержать один полк. С этой целью в каждую губернию было послано по одному генералу или штаб-офицеру. Согласно инструкции, посланные генералы и штаб-офицеры имели право произвести проверку переписи и в случае обнаружения утайки по сравнению со сказками, поданными до 1 фев-

раля 1722 г., наказывать виновных. Посланные военные принялись деятельно за исполнение возложенного на них поручения. Не обращая внимания на жалобы населения, которому посланные отряды чинили сплошь и рядом «великие обиды и разорения», ревизоры удачно для правительства выполнили возложенное на них дело.

В 1724 г. проверка сказок была окончена и дала несколько неожиданные для правительства результаты, во всяком случае доставившие ему истинное удовольствие. Численность всего крестьянского населения равнялась 5 401 042 души, а с посадскими, записанными в ревизские сказки в 1721 г., доходила до 5 590 458. Насколько были неточны данные первой ревизии и проверка ее губернаторами и воеводами, можно судить на основании того, что в вышеназванных шести губерниях, после ревизии губернаторов, была обнаружена значительная утайка душ, составлявшая 41,2% всего населения.

Окончательный подсчет населения в 1724 г. дал возможность понизить предварительный восьмигривенный подушный оклад до 74 коп. При этом на посадских и на государственных крестьян к первоначальному окладу 80 коп. было прибавлено еще 40 коп. оброчных денег взамен тех платежей, которые помещичьи крестьяне отдавали своим владельцам. Так подушная подать установила новую единицу обложения и одновременно окончательно прикрепила население к тяглу. Введением подушной подати было приведено в исполнение давнишнее желание московского правительства, чтобы каждое лицо, способное служить государству, стояло к нему в непосредственном отношении, приняв на себя ту или другую прямую государственную повинность, и чтобы в государстве не оставалось избытых, т. е. лиц, свободных от таких повинностей. Так правительство и уловило плательщиков, и нашло деньги, необходимые на содержание армии.

Введение подушной подати имело огромное значение для государственного хозяйства. Благодаря ей по бюджету 1724 г. окладной доход государства увеличился до $8\frac{1}{2}$ милл., причем одна подушная подать давала 4 671 107 р., т. е. 54,1%. Таким образом, совершенно изменился характер бюджета. Раньше в нем доминировали косвенные налоги, кабацкие и таможенные сборы, теперь же, наоборот, первое место заняла подушная подать, тогда как косвенные налоги заняли в нем второе место, составляя только 2 128 122 р., т. е. всего 25%. Введение подушной подати очень тяжело отразилось на податном населении. По словам современников, новая подать была вдвое тяжелее прежних налогов, что отчасти зависело от способа ее раскладки. Ревизская душа была прежде всего счетной единицей. Количеством душ определялись размеры налога, падавшего на помещичью деревню, на общину государственных крестьян и на посадское население. Как и в XVII веке, назначенный правительством оклад развертывался самой общиной между отдельными хозяйствами в зависимости от состояния того или другого хозяйства. Но обыкновенно в государственных и посадских общинах и в помещичьих имениях наличность населения была в действительности меньше записанной в ревизские сказки. Особенно значительна была убыль населения на севере и в центре, благодаря большой смертности и хроническому бегству крестьян. Оставшееся же на местах население должно было вносить «подушные» за ушедших и умерших, что и вызывало справедливые нарекания и недовольство налогоплательщиков. Помимо этого, новая подать оказала сильное влияние на общественные отношения, так как она уничтожила свободное состояние некоторых классов населения, расширив сферу крепостного права и усилив при этом власть помещика.

II

Вечная погоня Петра за деньгами и прогрессивный рост недоимок заставляли его, помимо всяких теоретических соображений, принять ряд мер к подъему производительности народного хозяйства. Выколачивая из кармана народа последнюю копейку и напрягая до крайности платежные силы населения, Петр, однако, прекрасно понимал, что таким форсированным способом, конечно, невозможно поправить финансы страны, и что для этой цели необходимы развитие производительных сил страны и подъем производительности народного труда. Прекрасно понимая, что богатство страны заключается не в наличности металлической монеты, различными насосами втягиваемой в государственную казну, а в планомерном развитии производительных сил страны, Петр на практике свел свою экономическую политику только к одному денежному интересу и, преследуя эти цели, довел крестьянское население России до полного разорения, хотя и сознавал, что крестьянская масса — основной плательщик налогов, с которым нужно обращаться чрезвычайно осторожно, «понеже поселяне суть артерия государства, и как через артерию, т. е. большую жилу, все тело человеческое питается, так и государство поселянами. Чего ради надлежит оных беречь и не отягощать через меру»... Расходясь с меркантилистами в понимании народного богатства, Петр на практике приближался к ним и, принимая ряд мер к поднятию туземной индустрии, не столько заботился об увеличении платежеспособности населения, сколько об изменении торгового баланса в благоприятную для России сторону. Последнее условие и заставило Петра строго придерживаться протекционизма в своей торговой политике как единственного средства привлечь в страну возможно большее количество звонкой монеты, необхо-

димой для удовлетворения текущих государственных потребностей. Считая крестьянское население основным плательщиком налогов, Петр интересовался деревней лишь настолько, насколько подъем сельскохозяйственной техники увеличивал количество сырья, предназначенного на вывоз и на удовлетворение потребностей фабрик и заводов, ибо через увеличение вывоза сырья мог измениться торговый баланс в положительную для России сторону. С этой целью им было издано несколько указов о применении более усовершенствованных сельскохозяйственных орудий,— впрочем, фактически не исполнявшихся, хотя и суливших большие кары за их невыполнение. Заботясь о снабжении мануфактур необходимым сырьем, Петр намеревался принудительным способом развить на юге овцеводство, приплод от которого поступал бы в собственность, а шерсть обязательно продавалась бы на суконные фабрики. Устройство конных заводов должно было освободить государство от крымских татар, у которых приходилось покупать лошадей для нужд армии. В интересах увеличения вывоза Петром настоятельно рекомендовалась культивировка льна и конопли, а также на юге табаку для прекращения ввоза последнего из Турции. Нет никакой необходимости в подробном перечислении всех родов и видов технических растений, рекомендуемых Петром для культивирования. Все они должны были удовлетворять или нуждам фабрики, или потребностям внешнего рынка. В общем можно сказать, что все правительственные распоряжения Петра в области сельскохозяйственной техники прямо или косвенно имели в виду только международный товарообмен и намерение повернуть его в сторону, более благоприятную для страны. Достигнуть последнего только и было возможно при условии развития крупного производства, необходимость которого сознавалась еще в XVII в. Посещение Западной Европы и впечатления, вы-

несенные от знакомства с промышленным состоянием европейских государств, усиленно подталкивали в этом направлении мысль Петра. О том же говорили и проекты Федора Салтыкова, указывавшего на необходимость развития крупной индустрии как «прибыточного государству дела», и записка барона Любереса, развивавшего в ней все основные положения европейского меркантилизма и доказывавшего необходимость перехода к крупному производству с точки зрения указанной экономической доктрины. В продолжение всего царствования Петра правительство проявляло усиленную деятельность по открытию новых фабрик и заводов. Открывались фабрики: суконные, шелковые, шпалерные, ковровые, полотняные, бумажные, шляпные, волосяные. Устраивались также селитренные, пороховые и пушечные заводы. В Приуралье и Олонецком краю были открыты медные, железные, чугуноплавильные заводы. По мере хода Северной войны деятельность этих заводов развивалась все больше и больше, благодаря спросу со стороны армии на продукты горнозаводской работы. Особенно заботилось Петровское правительство о развитии суконной промышленности, фабрикаты которой до сих пор большею частью привозились из-за границы. У Петра все время было сильное желание одеть русскую армию в сукно туземного производства, но достигнуть этого ему так и не удалось до конца его царствования. Принимая ряд мер к развитию национальной индустрии, правительство высокими таможенными ставками стремилось обеспечить себя от конкуренции с продуктами европейской промышленности.

Несмотря на активное вмешательство правительства в насаждение крупной промышленности, последняя не только не врезывалась клином в экономическую жизнь страны, а всецело вытекала из предыдущего экономического развития.

Россия XVII века — страна по преимуществу земледельческая. Только в некоторых районах, где для этого создались благоприятные условия, развилась кустарная промышленность. Во многих местностях эта домашняя промышленность достигла довольно больших размеров. Намечался даже переход к более крупным формам производства. Кустарь XVII века не работал непосредственно ни на рынок, ни на заказчика, а продавал все скупщику. Несмотря на все неблагоприятные для торговли условия, скупщики в убытке не были, и некоторые из крупных торговцев (гостиная и суконная сотни и особенно гости), по свидетельству Котошихина, вели торговлю на сотни тысяч рублей (1 миллион на наши деньги). Несомненно, скупничество способствовало накоплению торгового капитала у частных лиц, но долгое время капитал был скрыт от постороннего взора и обыкновенно лежал без приложения, где-нибудь спрятанным в земле. Конечно, царившие в XVII веке беспорядки, произвол и хищничество таможенных чиновников, также чрезмерная финансовая эксплуатация самого правительства создавали такие условия, при которых накопленному капиталу было выгоднее оставаться без приложения и быть скрытым где-нибудь в подполье. Трудно судить о возможных размерах накопления капитала. Слишком отрывочны сохранившиеся факты. Тем не менее все же можно думать, что местами накопление капитала достигало значительной суммы. И правительство чувствовало, что в руках отдельных лиц могут быть большие капиталы. Поэтому в начале Северной войны был издан суровый указ, запрещающий прятать деньги в землю: «кто станет в земле деньги хоронить, а кто про это доведет и деньги вынет, доносчику из тех денег треть, а остальные на государя». Все торговые и промышленные люди должны были сообщить правительственным агентам об имевшихся в их распоряжении средствах. Но

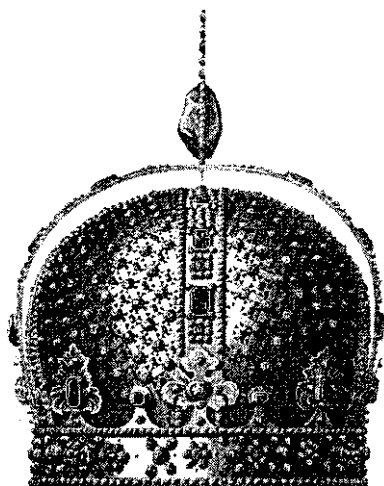
правительственный указ не произвел надлежащего впечатления. Заинтересованные лица утаивали средства или показывали совершенно неверные цифры.

Только впоследствии стали открыто показывать капиталы, когда явилась возможность весьма выгодного их приложения к обрабатывающей промышленности, а дарованные правительством льготы защищали капиталистов от царившего произвола и хищничества администрации. Правда, правительство Петра, для открытия фабрик давало частным лицам беспроцентные ссуды, но в сравнении с количеством фабрик общее число получивших было незначительно, да и размер правительственных субсидий не поражает своей грандиозностью. Не имея собственного капитала, было невозможно открыть фабрику. Кроме того, открывались фабрики и на одни собственные средства, без всяких правительственных субсидий. Следовательно, фабрикантами могли быть только лица, располагавшие кое-какими капиталами. Действительно, на шелковые мануфактуры компании Шафирова учредители истратили капитал в 57 830 руб., дополненный впоследствии приглашенными в компанию купцами на сумму 23 000 руб.; на устройство полотняной мануфактуры Тамеса было затрачено 46 700 руб.; на устройство игольного завода Томилина и Рюминых 33 т. руб., а на полотняную фабрику Гончарова был затрачен капитал в 142 т. рублей. Приведенные цифры в достаточной степени иллюстрируют все вышеуказанное. Большею частью заводчики и фабриканты были из среды прежнего торгового класса. Правда, встречались в их среде и титулованные люди, принявшиеся за промышленную деятельность в надежде на большой дивиденд, но они совершенно в ней растворялись. В общем, в руках дворянства находилось очень ограниченное количество фабрик. На основании этих данных можно с уверенностью утверждать, что Петровская крупная

индустрия не так уже оторвана от предшествовавшей ей стадии экономического развития страны. Торговый капитал, накоплявшийся годами, был налицо. Государство лишь дало усиленный толчок для его приложения. Купечество же оценило выгоду приложения нового капитала и в общем отнеслось в высшей степени сочувственно к промышленной политике Петра.

Можно отметить также связь с XVII веком и в другом отношении: кустарная промышленность определила районы будущей крупной промышленности. Уже в XVII веке можно отметить крупный металлургический район в Новгородской земле, в области старых пятин: обонежской и водьской, а также в уезде Устюжны Железнопольской, в Приуралье, около Тулы, где уже в XVII веке была попытка построить казенные заводы. Далее, вся местность около Ярославля была уже издавна центром производства полотен и холстов на небольших станках в крестьянских избах. Кроме того, в Москве устраивались и более крупные, самостоятельные предприятия: шелковые, суконные. Правда, они находились не в особенно цветущем состоянии, но все-таки фабрики не погибли, поддерживаемые частным спросом и казенными заказами.

Поставив себе широкую задачу — поднять производительность народного труда и направить его на новые, незнакомые

*Корона
императрицы Анны Иоанновны*

еще промыслы, Петр усиленно заботится об изучении природных богатств России, нуждавшихся в обработке, но пока лежавших в земле, так как «до настоящего времени без всякого прилежания исканы», а между тем «наше российское государство перед многими иными землями преобилует и потребными минералами и металлами благословенно есть». Петру нужны были на удовлетворение казенных нужд и минералы, и металлы. В течение всего царствования, по его уполномочию, разыскивали во всей стране руду и минералы. Заботы Петра в этом направлении не прошли бесследно. Иностранцы нашли горный хрусталь и камень сердолик, краску-марену, торф, каменный уголь. Были открыты залежи медной руды в Кунгуре, а в Нерчинске — серебряной. Открытие последней было особенно важно. Это давало возможность перейти к чеканке собственной монеты. Были открыты залежи селитры. Начали устраивать селитренные заводы, а раньше не хватало селитры на выделку пороха, приходилось и в этом зависеть также от иностранцев.

Первоначальная обработка металлов, минералов и сырья не могла быть произведена местными силами. Для этого требовались достаточно обученные рабочие. Петр и вызывает иностранцев, стараясь сманить их большим жалованьем в далекую Россию. В большинстве случаев иностранцы соблазнялись заманчивыми обещаниями и ехали в Россию. Кроме исправной уплаты жалованья, им гарантировались свобода выезда и беспошлинный вывоз своего имущества. Если иностранец открывал фабрику, ему обыкновенно давалось на некоторое время разрешение на беспошлинную продажу своих изделий, изготовленных на его фабрике. Разрешалась беспошлинная выписка инструментов и сырого материала для нужд фабрики. Приезжие иностранцы должны были обучить своему ремеслу и русскую рабочую молодежь, большею частью пригоняемую на фабрику принудитель-

ным путем. Так, в 1711 году был издан Петром указ «прислать из церковников, служек монастырских и из их детей сто человек, которые были бы лет по пятнадцати или двадцати и умели бы писать, чтобы идти им в учение к мастерам разных дел». Иностранные мастера должны были «обучать русских людей без всякой скрытности и прилежно».

Национализируя крупную промышленность, правительство поощряло ее разными облегчениями и льготами. Благодаря последним, представители индустрии заняли довольно привилегированное положение. Это отчасти и тянуло капиталы в промышленность. Так, посадские освобождались от всех государственных и местных служб; для фабрикантов, заводчиков и их семей, рабочих устанавливалась особая подсудность по гражданским делам в лице мануфактур- или берг-коллегии. Некоторые из фабрикантов были подсудны непосредственно Сенату. Все эти льготы избавляли фабрикантов и заводчиков от злоупотреблений местной юстиции.

Во главе новооткрытых фабрик и мануфактур была поставлена мануфактур-коллегия. В ее ведомстве сосредоточился высший надзор по управлению и надзору за фабриками. Мануфактур-коллегия должна была следить, чтобы в открытых фабриках строго соблюдались изданные правительством регламенты и узаконения. Кроме того, та же коллегия должна была принимать всякого рода меры к дальнейшему открытию новых фабрик, при этом ей рекомендовалось действовать «не только одним предложением, но и принуждением, и вспомогать наставлениями и всякими способами, чтобы всяких чинов и народов люди с вящей охотой и безопасно в компанию вступали». Но устройство таких торгово-промышленных компаний шло очень туго, купечество не решалось вступать в акционерные компании и приняться за несколько необычный для него способ ведения дел.

Все-таки понукания правительства не прошли бесследно: так, образовались компания для выделки шелковых материй с складочным капиталом в 88 000 руб., товарищество Тамеса для выделки полотняных изделий с капиталом в 46 700 руб. К сожалению, совершенно неизвестна внутренняя организация такого рода товариществ. Замечая со стороны купечества отрицательное отношение к «компанейскому» способу ведения торгово-промышленных дел, Петр устраивал компании и принудительным способом, вводя в их состав «капитальных» людей. Устройство такого рода компаний было не без убытка для казны: обыкновенно участники компании получали от правительства денежные субсидии. Кроме того, с них слагались разного рода недоимки. Так, компании шелковых изделий была выдана субсидия в 45 672 руб.; другие компании получали несколько уменьшенные суммы от 30 000 до 15 000 руб. Иногда таким компаниям передавались фабрики, совершенно оборудованные казной, за что они были обязаны платить в казну известный процент. Деятельность торгово-промышленных компаний находилась под бдительным контролем правительства. Никакие переустройства в хозяйстве компаний не допускались без соответствующего разрешения мануфактур- или берг-коллегии.

С открытием фабрик и заводов возникал серьезный вопрос о снабжении их рабочими, требования на которых было крайне трудно удовлетворять. Правда, фабриканты получили право нанимать русских и иноземных мастеров, платя им «за труды достойную плату», но это позволение несколько не разрешало возникшего рабочего вопроса. Ведь фабрики могли бы быть снабжены рабочими руками в достаточном количестве только при условии свободного отхода населения на фабрики. Но последний не мог получить широкого распространения, так как вся страна находилась в рамках крепостного хо-

зайства, не допускавшего свободного отхода населения. Правда, в самой стране было немало так называемых «гулящих людей», которые могли бы приложить свой труд к фабрично-заводскому производству, но эти пока еще не закрепощенные элементы были мало расположены к труду и предпочитали бродячую жизнь трудовой. Кроме того, сама организация труда требовала продолжительной первоначальной выучки и долговременного пребывания на фабрике. В этом отношении для Петровской фабрики несвободный труд был предпочтительнее свободного.

Забываясь об открытии новых фабрик и заводов, Петр принимал ряд мер для обеспечения их необходимыми рабочими руками, идя и в этом отношении по стопам своих предшественников, только, согласно практике европейского меркантилизма, придав этим мерам больше системы и однообразия. Считая фабрику учреждением не столько частным, сколько государственным, Петр признавал необходимым скорейшее удовлетворение ее нужд. С этой целью правительство поспешило использовать тот элемент, который был у него под руками, но который сидел без дела. Это были разного рода преступные элементы, разбросанные по тюрьмам. Петр и стал посылать их на фабрику в виде наказания: так, в 1699 году тюменскому воеводе было предписано назначать на работу на кирпичных заводах «татей, мошенников и пропойц», сковывая по два человека шейным и ножным железом. Посылались также на работу и воры, а на полотняных фабриках и заводах можно было встретить «винных баб и девок», отправленных туда в виде наказания. Кроме того, на фабрики посылались лица, занимавшиеся нищенством, публичные женщины, несовершеннолетние преступники, дети солдат и из воспитательного дома, военнопленные. Так фабрики принимали характер исправительного заведения. Считая

фабрику государственным учреждением, Петр смотрел на труд как на вид повинности. Иногда к фабрикам и заводам приписывались целые села, загонялись на фабрику «гулящие люди» с превращением их в состояние вечно-отданных людей с передачей своего состояния потомству. Так, к девяти пермским заводам было приписано 25 т. крестьян. Фабрикант Тамес получил к своим полотняным фабрикам село Кохму в Шуйском уезде с 641 крестьянским двором. Указом 10 февраля 1719 года предписано было отослать на полотняные фабрики Андрея Турчанинова с товарищами «для пряжи льну баб и девок, которые, будучи на Москве из приказов, также и других губерний по делам за вины свои наказаны». Указ 1721 года — это сепаратное распоряжение — сделалось общей мерой, предписывая отправлять виновных женщин на работу на компанейские фабрики, на известный срок или пожизненно, по усмотрению мануфактур- или берг-коллегии.

Таким образом, класс фабричных рабочих слагался из самых разнообразных элементов: беглых крестьян, бродяг, нищих, проституток, преступников. Каковы бы ни были его размеры, однако нужда в рабочих руках не была удовлетворена. Это и заставило Петра законом 18 января 1721 года разрешить фабрикантам покупать к фабрикам и заводам переселенные деревни. Впрочем, последние становились собственностью учреждений, а не лиц, и отчуждение крестьян без фабрики было строго запрещено. Получением права приобретать крестьян фабрика нашла, наконец, желанный контингент рабочих рук. Наконец фабрики получили право не выдавать беглых, составлявших значительный контингент рабочих рук.

К концу царствования Петра общее количество фабрик достигло до 200. Многие из них дали хорошие результаты, хотя было немало и мертворожденных. Соб-

ственно говоря, достигли известных результатов только те производства, зачатки которых были еще и раньше. Так, в хорошем состоянии находилась металлургическая промышленность: достигли относительно большого развития заводы в Олонецком крае, тульские, казенные и частные заводы Демидова и Баташева и в особенности заводы по обе стороны Урала: по верховьям Камы и рек, входящих в систему Оби. По данным 1718 года здесь был выплавлен 6641 пуд чугуна, из числа которых 87% пало на долю частных заводов. Весь же чугун шел преимущественно на нужды армии и флота. Нельзя не отметить также относительно большого развития суконной промышленности, хотя Петру так и не удалось одеть армию в русское сукно. Хороших результатов достигло и полотняное производство. По словам Берхгольца, на фабрике Тамеса, где работало около 100 ткацких станков, готовились все сорта полотна, от грубого до самого тонкого, скатерти и салфетки, тик, толстые и тонкие цветные носовые платки, тонкие канифасы. В очень хорошем состоянии находилось производство бумажных и парусиновых тканей, выделка которых была столь успешна, что Петр с удовольствием замечал, что они «яко близко к голландским». Но целый ряд фабрик, в особенности выделявавших предметы роскоши, находился в очень жалком состоянии, хотя и был защищен тарифами. То же можно сказать и относительно шапочных, кружевных, иголочных и некоторых других фабрик. Кроме того, крайняя и стеснительная регламентация промышленности иногда прямо-таки содействовала полному разорению населения. Так, стремясь вытеснить с русского рынка европейское полотно, Петр издал ряд указов, которыми запрещалось выделять узкие сорта полотна. Население, конечно, не могло обзавестись соответствующими станками, и без всякой выгоды для государства погибло сильно развитое кустарное произ-

водство. Так погибло кустарное производство полотен у Архангельска.

Забываясь о национализации крупной промышленности, Петр обратил особенное внимание и на внешнюю торговлю, стремясь поставить ее в наиболее благоприятные условия к внешнему товарообмену. В этих целях внимание Петра было обращено на устройство путей сообщения. Заметив, что летом речные пути удобнее сухопутных, Петр задался целью устроить целую систему искусственных водных путей; они должны были удовлетворять двум целям: улучшить сообщение между Петербургом и внутренними областями, а также соединить Балтийское и Каспийское моря в надежде на захват в будущем в свои руки транзитной торговли с Азией. Считая, что для развития торговых сношений Балтийский путь был удобнее и естественнее, Петр строит Петербург и затем стремится сделать его центром вывозной и ввозной торговли, хотя для этой цели ему пришлось совершенно убить торговое значение Архангельска, куда в большом количестве приезжали русские и иностранные купцы и где были устроены всевозможные склады и магазины. Так, в 1710 году было запрещено вывозить хлеб через Архангельск и ввозить через него шелковые изделия. В 1713 году было запрещено возить в Архангельск и Вологду пеньку и нефть и, кроме того, предметы государственной монополии: икру, клей, поташ, смолу, ремень. Все это было повелено возить на Петербург. Затем, корабли, присылаемые для нагрузки товаров в Петербурге, платили только 3%, а не 5%, как это было в Архангельске. Наконец, указ 1718 года требовал, чтобы русские купцы $\frac{2}{3}$ товаров отправляли на Петербург, причем с товаров, предназначенных для вывоза, не бралось никаких пошлин на внутренних заставах. Наконец еще раньше, в 1717 году, именитые архангельские купцы были переселены в столицу, чем и был нанесен оконча-

тельный удар Архангельску. Все эти меры превратили Петербург в центр европейской торговли. Но Петр придавал также большое значение и Каспийскому морю, которое было очень удобно для развития торговых сношений с Азией. По мысли Петра, Азия должна была стать центром для сбыта туземных фабрикатов. Отсюда его планы о торговле с Индией через Хиву и Бухару, отсюда его постоянные наблюдения за Азией и стремление более точно разузнать об ее богатствах. Недаром Петр послал в Хиву целое войско, лишь услышал о золотых приисках. Впрочем, эта попытка потерпела решительную неудачу и только обострила отношения Хивы к России. Тогда Петр обратил внимание на Персию, и русскому резиденту Волынскому было приказано хлопотать о том, чтобы вся торговля шелком-сырцом шла через Россию, а не на Алеппо и Смирну. Когда же в Персии вспыхнул бунт, и в Шемахе и Дербенте были ограблены русские купцы, Петр сделал попытку захватить берег Каспия от Баку до Дербента, но его преемники не сумели оценить значение Каспийского моря для торговли и возвратили все завоевания.

Мечтая о более выгодных условиях для отечественной торговли и о завоеваниях рынка, Петр заключал с державами торговые договоры, которые должны были определить взаимные условия товарообмена. Так, в 1689 году был заключен договор с Пруссией, а девять лет спустя — с Данией. В 1710 году состоялось соглашение с Данцигом. Далее были заключены трактаты с Мекленбургом, Францией, Голландией. Ништадтский мир повлек за собою сближение Швеции и России. Кроме того, за границей учреждались консульства и торговые агентуры. В конце царствования Петра все торговые договоры, заключенные раньше, потеряли свое значение с введением обязательного для всех держав таможенного тарифа 1724 г. Это был тариф резко покровительствен-

ного характера, величина которого соизмерялась со степенью внутреннего производства и возрастала соответственно размерам производства. Так, если производство относилось к импорту, как 1:3, то и пошлины составляли $\frac{1}{3}$ цены. Следовательно, если размеры производства равнялись ввозу, то последний запрещался. Меркантилистическая политика Петра не достигла своих целей. Правда, Петр своей энергией пробудил отчасти дух предприимчивости, но эмансипировать страну от иностранцев в области торговли и промышленности так ему и не удалось. Страна по-прежнему вывозила за границу сырые продукты, а взамен этого получала готовые фабрикаты, платя за них большие таможенные пошлины. Попытки завоевания иностранных рынков кончились ничем: несмотря на покровительственную политику, Россия по-прежнему оставалась очень отсталой страной в экономическом отношении, и, конечно, ей было невозможно выдержать конкуренцию с Западом, а ведь из-за последней интересы народной массы приносились в жертву фискальным интересам и привилегиям компанийщиков.

В. Пичета

ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ (1725—1762)

I. Основные явления эпохи и отношение их к реформам Петра Великого

Эпоха Петра Великого приучила Россию к сильным впечатлениям, от которых у современников кружилась голова и мутилось сознание. Но наступивший затем тридцатисемилетний период царствования «десцендентов» императора Петра и царя Иоанна был в истории русского самосознания эпохой не только «дворцовых переворотов», но и нескончаемым рядом переворотов в области политических представлений, национального сознания и социально-правовых отношений, под влиянием быстро сменявшихся разных «отменок», «обманок», «людо-

дерств» и взаимоистреблений. В это время порой и железная эпоха Петра казалась, блаженной памяти, золотым веком, вызывающим вздохи. В самом деле, на протяжении 37—38 лет шесть царствований женщин и детей по возрасту или по духовному развитию, часто с спорными правами на престол и еще с более сомнительными средствами достижения его; с головокружительными переменами и колебаниями в курсе национальной, государственной и международной политики, с бессистемною ломкою правительственных учреждений, не говоря уже об ослепительных карьерах разных «припадочных» и «случайных» людей, на глазах современников проделывавших свой путь из конюшен, лакейских и с клиросов к ступеням трона, чтобы затем под грохот барабанов и с позором взойти на эшафот или, в лучшем случае, трагикомически променять роскошные апартаменты своих дворцов на тесную хижину Березова, Пелыма или на каземат тюрьмы.

В этом хаосе трескучих переворотов, ставивших в тупик бесхитростного современника и наложивших осо-

Князь Ф. Ю. Ромодановский

бый отпечаток на государственных людях того времени с чрезвычайно гибкой моралью и соответственно подвижной физиономией,— в этом хаосе, может быть, недостаточно для современников, но с очевидностью для потомков, выделяются основные явления эпохи, главные течения вихреобразной жизни, на которые разлагается каждый из моментов этой эпохи. Это, во-первых, дворцовые перевороты, во-вторых, фаво-

риты и временщики, управлявшие именем царствовавших детей и женщин, в-третьих, возникновение над системой правительственных учреждений таких органов управления, которые отражали в себе большую или меньшую степень полноты верховной власти, то ограничивая последнюю на законном основании, то фактически заменяя ее, в силу неопытности и бездеятельности носителей власти (я разумею Верховный Тайный Совет, Кабинет министров, Конференцию); четвертым, проходящим чрез всю эпоху явлением представляется процесс раскрепощения шляхетства от службы и, как обратная его сторона, развитие практической и юридической стороны крепостного права; наконец, бросается в глаза разорительная и совершенно бесплодная для интересов России и иностранная политика, в которой Россия принимает громкое и кровопролитное участие в раздиравших в это время Европу войнах за наследство и выравнивание границ.

Все эти явления в значительной степени обусловливались в области политической, с одной стороны, как это было отмечено еще кн. Щербатовым, «действием недостатка основательных законов» по вопросу о престолонаследии и выступлением на политическую арену самого сильного в экономическом, военно-организационном и культурном отношении сословия — шляхетства, поднявшего свой властный голос под давлением своих сословных интересов там, где бездействовало право; в области социально-экономической изменения происходили в зависимости от интересов командующего сословия столько же, сколько под давлением крайнего истощения народного и государственного хозяйства.

Но и эти силы, и обусловливаемые ими явления теснейшим образом вытекают из событий и реформ царствования Петра Великого как из своего истока. Война из-за берегов Балтийского моря, напрягшая до последней степени военные и хозяйственные силы и средства стра-

ны и сообщившая необычайно напряженный и беспорядочный ход реформаторской деятельности Петра, с расширением нашей западной границы до ее естественного предела, потеряла свой прежний смысл цели, для которой все было сделано средством по воле Петра. С прекращением Петровских войн вопросы внутренней жизни страны выступили на первый план и заставили обратить на себя тем большее внимание, чем больше они приносились в жертву завоевательной политике Петра и связанным с нею реформам.

Таким вопросом оказался прежде всего вопрос о престолонаследии. Для Петра, не щадившего ни себя, ни подданных для проведения в жизнь новых начал государственной жизни, было не все равно, кому передать продолжение своего дела вместе с тронem России. Петр развязал свою «волю монаршую» для избрания достойного продолжателя своих замыслов, принеся в жертву этим замыслам взрослого наследника престола и узаконенный традицией порядок престолонаследия по наследству и избранию, но жертвы оказались, по непонятной случайности, напрасными: воля его оказалась на последнем слове недосказанной, и Россия очутилась и без наследника, и без законного руководства к избранию его.

Созданная почти непрерывными войнами регулярная армия во главе с дворянскою гвардией, с прекращением войны, вышла за пределы своего обычного назначения и, с одной стороны, поставила уже для Петра трудную экономическую задачу о содержании праздных полков за счет народного труда в мирное время, а с другой стороны, и объединенное в гвардейских полках дворянство, сильное своей боевой организацией и командующим положением в армии, а также своею сравнительной обеспеченностью и культурностью, с прекращением войны могло свою энергию направить по линии наименьшего

сопротивления сословных интересов, вмешавшись для этого в ранее заповедную для нее область политических вопросов в их приложении к русской жизни, благо политическая «конъюнктура» втягивала эту силу, даже вопреки ее сознательному стремлению, в область, где сила должна была диктовать вместо замолкшего с Петром права. Сила эта не сразу формулирует интересы той среды, из которой она выросла, не разрывая с нею связи: трудно было сословию, слепо действовавшему четверть века под команду неумолимого «воителя», обдумать свои интересы и выставить строго сформулированные требования: вначале гвардия пойдет по инерции под привычную команду знакомых старых соратников, во имя интересов семьи страшного гипнотизера, против, может быть, законных выступлений старых бояр, «не в авантаже обретавшихся» при Петре. Только через 5–6 лет она сознает свою силу и возможность пользоваться ею не по команде старших соратников, в их пользу, а по сознательному расчету в интересах той самой среды, из которой выходила гвардия, связанная с нею экономическими и культурными интересами. Только тогда, оглядываясь без страха на время Петра, ставшее невозвратным прошлым, уверенное в своем командующем настоящем, дворянство предаст испепеляющей критике дела Петра и властно скажет власти, не чувствующей под собою твердой правовой почвы: «После того, как иностранцы внушили Петру I, что войско следует держать всегда, в мирную и военную пору, мы не знали покоя. Для удовлетворения самолюбия государя и его близких слуг разоряют насмерть наших крестьян, да и мы сами должны многие годы кряду жить вдалеке от своих домов и семейств, входить в долги, между тем отдавать поместья в варварские руки наших приказчиков. Для нас не нужно новых завоеваний, от которых нет пользы, а много хлопот. Земля наша такая обширная, а нивы такие плодот-

родные, что ни одному дворянину не с чего голодать: сиди он только дома да смотри за своим хозяйством»¹. С этими речами Петровской гвардии должны будут согласиться и зависимые от нее наследники Петра: содержать армию и дворянство военное в полках нелегкое дело, когда платежные силы страны и народное хозяйство оставлены Петром в таком виде, что страшно подумать. Может быть, горькою истиной звучали для преемников Петра подслушанные Фоккеродтом слова его гвардии: «Петр I поступил бы гораздо умнее, если бы миллионы людей, которых стоила шведская война и основание Петербурга, оставил за сохою дома, где недостаток в них слишком чувствовался»... И наследникам Петра только и оставалось следовать повелительным советам его гвардии: распускать помаленьку служилое дворянство в его поместья, чтобы тем держать его не против себя, сократить дефициты бюджета, особенно тяжелого для народа в военной его части, а кстати в лице помещика заполучить опытного руководителя и ответственного сборщика податей в уступленном ему разоренном и обезлюдевшем сельском хозяйстве, с предоставлением помещику безграничного права распоряжения личностью и трудом тяглица-земледельца. Эти же соображения, вытекающие из дефицитов, как показателей полного расстройства государственного и народного хозяйства, побудят преемников Петра упростить созданную Петром сложную систему управления, непосильную для казначейства настолько, что допетровская система управления превращается в глазах реформаторов этой эпохи в идеальную панацею всех недугов управления.

¹ Фоккеродт.

II. Дворцовые перевороты

Если для Петра Великого было не все равно, кто будет его наследником, то и русское общество в его разных сферах проявляло живой интерес к тому же вопросу. «Духовники» Преображенского приказа и Тайной канцелярии не один раз выслушивали признания от своих клиентов поневоле на тему о правах на престол первой семьи Петра от Евдокии Лопухиной и о неодобрении «воле монаршей» по данному вопросу. Следственное дело царевича Алексея Петровича показало Петру, что вопрос о престолонаследии представлял для его подданных не только академический или праздный интерес обывательской болтовни, но становился для некоторой части подданных вопросом деятельных выступлений, знаменем, объединявшим вокруг себя оппозицию, в рядах которой числились «знатные персоны» духовного и светского общества. Жестокий разгром партии Алексея не доказал оппозиции внутреннюю «Правду воли монаршей», заставивши партию старины, сочувствующих Алексею и его незамысловатой программе, глубже замкнуться в себе и в одиночку вынашивать свои заветные надежды, которым как бы благоприятствовали неудачи династических замыслов Петра, потерявшего двух сыновей от Екатерины, для которых он, по-видимому, рассчитал путь к трону гибелью Алексея. С их смертью для Петра династические его замыслы были расстроены настолько, что даже он, умевший не задумываться перед решительными шагами, так и не использовал изданный *ad hoc* закон о назначении себе преемника, по своему усмотрению: не из кого было выбирать лица, которому было бы по плечу завершение основательно разрушенной, но далеко не достроенной храмины русского государства Петровской конструкции. Выбор был качественно не богат: женщина или ребенок? Но едва ли Петр

Император Петр II

склопился в пользу ребенка-внука: ведь это сын ненавистного Алексея и, конечно, наследник упований оппозиции: недаром же дети Алексея были при Петре в таком загоне, который не позволял сомневаться в решении Петра отстранить потомство Лопухиных от престола. Конечно, дело не в лице и поле, а в неукоснительном желании лица продолжать начатое по выяснившемуся уже плану и духу

реформы; это доступно было и женщине, располагающей кадрами «птенцов» Петровской школы. Но имя этой женщины-наследницы так и не начертила ослабевавшая от страданий рука Петра. И вопрос о престолонаследии был сведен с его правового основания: недописанное Петром имя в фразе: «все отдать...» должна была продиктовать организованная сила, так как закон безмолвствовал, а обычай в подобных случаях спрашивать совета всей земли как-то никем даже не вспомнулся в день смерти Петра, хотя некоторые соборные избрания XVII в. едва ли были по существу отражением мнения земли более, чем обстоятельства провозглашения Екатерины I императрицею. Правда, мы не видим в последнем случае руководящей роли иерархов церкви, может быть, потому, что Синод менее всего мог в глазах паствы играть роль «освященного собора» с патриархом во главе; не видим мы здесь представителей торгового класса,

но зато непрошеное, хотя и решающее участие в провозглашении Екатерины гвардии, этого организованного «выбора» из дворянства, едва ли на каком-либо избирательном соборе полнее отражало мнение служилого сословия, чем теперь; выступают в старой роли влиятельных руководителей избрания и те сотрудники и советники Петра, которые в царствование последнего играли роль думной знати XVII в., входившей в лице Боярской думы одним из неперенных и самых авторитетных элементов в состав собора; привыкшие распоряжаться под команду Петра, его сотрудники теперь выступили в привычной роли разгадчиков недосказанной Петром мысли, которую тем не менее необходимо было развить в духе его намерений, правда, уже не в силу страха взыскания с его стороны, а под влиянием честолюбия и инстинкта самосохранения, заговорившего с тем большею силой, что против властного голоса истолкователей воли Петра выступили теперь с традиционной осанкой тени прошлого величия, остатки думной знати, которые хотя при Петре и «не в авантаже обретались», но не были окончательно затерты его властным игнорированием, и теперь, несмотря на свою малочисленность, заявили о себе с тем большею уверенностью и авторитетом, что чувствовали под собою сочувствие много выстрадавшей при Петре оппозиции, сильной своею затаенной ненавистью

Княжна М. А. Меншикова

и неизвестностью, освободившейся теперь от страха пред бездыханным Петром. «Кн. Д. М. Голицын с товарищи» (Долгоруким, Репниным и П. М. Апраксиным) были страшны для сторонников Петра не только своим прошлым в качестве вождей оппозиции: «Петр хоть умер, да страх его остался»; они страшны были своим будущим, в качестве сторонников кандидатуры ребенка Петра, единственно законного наследника угасающего императора, который, устранивши сына Алексея, не успел отстранить в силу закона внука своего, «на стороне которого», по словам такого знатока тайных помыслов русского народа, каким был П. А. Толстой, начальник Тайной канцелярии, станет часть шляхетства и большая часть подлого народа. «Голицын с товарищи» готовы во имя своего будущего пойти на компромисс в истолковании воли Петра Великого: объявить Петра Алексеевича императором, а его мачеху, Екатерину Алексеевну, регентшей, при сотрудничестве Сената. Но могли ли «птенцы Петра» ограничиться этой «помазкой по губам»? Для Меншикова, Толстого, Ягужинского, Головкина и др. слуг Петра нужно было играть «ва-банк»: ведь наивно было рассчитывать, что сын не отомстит им, цепным слугам Петра Великого, за вынесенный ими смертный приговор отцу, царевичу Алексею; регентство Екатерины их не спасет: оно временно, да к тому же и непрочное: «Это распоряжение (о регентстве Екатерины) произведет междоусобную войну,— ответил Толстой на предложение Голицына,— потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государя; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станет на его сторону, не обращая никакого внимания на регентство».

Другое дело, если Екатерина станет при их содействии полновластною государыней, с правом назначать себе наследника: ее интересы, безопасность и судьба тес-

но связаны с судьбою, интересами и дальнейшей карьерой ближайших слуг Петра; они вместе могут управлять во имя заветов Петра; опираясь друг на друга, они не только удержат власть, но и безопасность, так как провозглашение Петра Алексеевича императором грозит Екатерине с семейством не меньше, чем им,— по меньшей мере заточением в монастырь: об этом не преминули обмолвиться сторонники сына царевича Алексея. С другой стороны, и Екатерина, обязанная только им и безопасная только их поддержкой, будет во всем послушна им,— и при ней «птены Петра» развернут крылья пошире, чем при Петре. За Екатерину стояли и члены Синода. Только власть, продолжающая направление Петра Великого, даст им прежнее место в церкви, возвращение к старине было бы равносильно если не замещению Синода патриархом, который не может быть из членов непопулярного Синода, то по меньшей мере преследованию особенно выдвинувшихся при Петре Великом архиереев. Из них, в частности, Феофан Прокопович и Феофан Яновский ничего не могли ждать доброго от правительства внука Петра Великого,— первый потому, что своим авторством «Правды воли монаршей» участвовал в деле отстранения царевича Алексея, а, следовательно, и его сына от престола, а второй за бестактную ревность к реформе Петра. Таким образом, направление царствования Петра Великого связывало в солидарную группу его вторую семью с сотрудниками его реформы светской и духовной, которые к тому же в момент смерти Петра занимали самые ответственные и командующие посты, не говоря уже о том, что большинство сенаторов и генералитета, будучи людьми новыми, обязанными своим возвышением только Петру и потому благодарные ему и его семье, не могли рассчитывать на прочность своего положения при восстановлении допетровского значения родовитой титулованной и думной знати. Опасение

все потерять с воцарением Петра или возможность удерживать за собою самое влиятельное положение при воцарении Екатерины придавали особую энергию сторонникам Екатерины, в рядах которых к тому же были выдающиеся способности, отмеченные гением Петра, и, что главное, привычный для подчиненных гипноз власти, столь необходимый в данный момент для мобилизации инертной силы в пользу своего дела.

Впрочем, что касается военной силы, особенно гвардии, то про безучастность ее к происходящему говорить нельзя: гвардия обожала своего императора, всегда близкая к его обаятельной личности, всегда уважаемая им и пользующаяся его чрезвычайным доверием; конечно, интересы близких людей Петра Великого были не безразличны для гвардейцев, и особенно не могли быть они равнодушны к интересам жены своего императора, не раз оказывавшей услуги и протекцию обращавшимся к ней. Не обошлось дело и без искусственного привлечения гвардии и армии на сторону Екатерины и ее сторонников. Было выдано жалованье части войск, не получавшей его около 16 месяцев, обещаны награды; находившиеся на работах войска были возвращены в столицу под предлогом молиться за своего императора. Военщина в сущности и придала аргументам сторонников Екатерины решающий голос. В залу заседания, где вельможи обсуждали вопрос о преемнике Петру, незаметно вошли гвардейские офицеры, которые хотя и стояли почти у дверей, но не стеснялись громко выражать свое мнение по поводу мудрых речей сановников, недвусмысленно грозя голову проломить боярам, если они осмелятся отстранить государыню от престола; те же офицеры вошли к императрице и клялись пожертвовать за нее своею жизнью; в довершение всего под окнами дворца, где происходило совещание, раздались барабаны, и присутствующие увидели оба гвардейские полка во

дворе. Фельдмаршал Репнин, сторонник кандидатуры Петра, с гневом спросил: «Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?» «Я велел им прийти сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя!» — ответил фельдмаршалу Бутурлин, подполковник гвардии, личный враг Репнина.

После таких доказательств от барабана спор о правах мог иметь чисто академический интерес, и предложение Толстого считать Екатерину императрицею на основании акта коронования ее как символического выражения воли монаршей о назначении ее наследницей, было принято единогласно, одними с восторгом, другими — скрепя сердце. Но последние, с избранием Екатерины, еще не все потеряли: будущее не ускользало от них, так как Екатерина была в годах, а вел. кн. Петр с каждым годом будет укреплять свои позиции в правовом сознании общества, как и в своих собственных глазах: ведь на его стороне право, непоколебимое в общественном сознании, право неосуществленное, могущее стать законным знаменем для всякого рода недовольных нового царствования. С избранием Екатерины дело партии старины не гибло, а отсрочивалось до более благоприятного момента. А благоприятный момент наступил уже в царствование Екатерины I: в лагере победителей начался раскол. Птенцы Петра сплотились пред общей опасностью и возненавидели друг друга, когда стали делить добычу. Начал с неумеренных требований Меншиков, делец, преуспевавший больше наглостью, чем талантами, в нападении на казенную собственность не меньше, чем на врага, умевший оказать действительно важную услугу лицу, но вместе с тем находивший случай вовремя напомнить об этой услуге и заодно уже подсказать и достойную степень награды за нее. За Екатерину он действовал напролом, главным образом, потому, что его

судьба и карьера были неразрывно связаны с нею, дважды обязанной ему: за сближение с Петром Великим и теперь за возведение на престол. Успех их общего дела вскружил голову Меншикову, который обнаглел от открывшейся возможности всего требовать за услугу. Его не только освободили от следствия, которое грозной тучей нависло над ним пред смертью Петра: ему простили наложенный на него штраф в сотни тысяч; он фактически руководил растерявшеюся государыней; но этого для Меншикова было мало: он стал домогаться титула владетельного герцога Курляндии, настаивал почти властно на получении чина генералиссимуса, доказывая при этом, с циничной откровенностью, что этот чин столь же справедливая награда для него, сколько и необходимый шаг для укрепления верховной власти: «Я прошу (звания генералиссимуса) не для себя, но для самодержавной власти вашего величества», значилось в его прошении: ведь это почти угроза!

Если так говорит Меншиков с верховной властью, то чего же можно ожидать от него в обращении с товарищами и подчиненными? Своим высокомерием при обсуждении государственных дел он приводит в бешенство Ягужинского, который публично в соборе обращается с жалобой к гробу Петра, говоря, что Меншиков обижает, и нет на него управы.

Он издевается над самим Сенатом, заставляя его потратить часы на обсуждение вопроса, чтобы в конце обсуждения объявить Сенату волю государыни, предпринявшей вопрос до обсуждения в Сенате в пользу мнения Меншикова: оскорбленные сенаторы грозят бойкотировать Сенат, где равный им член диктует свою волю.

Основание трона Екатерины даст трещину. Противники не дремлют; пошли слухи о безволии Екатерины пред временщиком; заговорили о новом Годунове: слухи находили отзвуки не только в среде старой оппозиции,

но поддерживались и обиженным Меншиковым. Сам Феофан Прокопович не без злорадства звонил об опасности от «малконтентов». «Ныне многие негодуют, особенно за светлейшего князя (Меншикова), что ее величество изволила вручить ему весь дом свой, и Бог знает, что будет далее. Подождать малость, в скором времени у нас произойдет что-нибудь великое; про ее императорское величество говорят и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотреть строя, и в то время чуть ее из ружей не убили дважды, и пулею убило человека, который был от нее в полусажении; из чего видно, что многие ее величеству не благоприствуют; только один, кажется, верен — Толстой, но и тот, как все вознегодуют, к ним же приклонится: и то захотелось ей жеманиться, да отнюдь не пристало, потому что вот какие на нее замахи; а воинство муштровать есть на то генералы, а не ее дело»... Между тем и «воинство» не совсем было надежно: выстрелы в сторону императрицы на параде могли быть случайностью; но грозною тучей стояла на горизонте южная армия под командой популярнейшего генерала кн. М. М. Голицына, на все смотревшего глазами своего старшего брата кн. Д. М. Голицына, вождя старой партии и сторонника вел. кн. Петра.

До Тайной канцелярии дошли недвусмысленные слухи, что сторонники Петра собираются по ночам, агитируют в его пользу; австрийский двор благоприствует загово-

Княжна М. А. Меншикова

ру, так как австрийскому императору желательно было видеть своего внука на троне соседнего государства, в поддержке которого австрийский дом нуждался в наступающем для него династическом кризисе. Гр. Толстой, «умная голова» Екатерининской партии, не на шутку обеспокоился: барометр Тайной канцелярии показывал надвигающуюся грозу, предотвратить которую дыбой и вискою казалось невозможным. Нужно было спасти так глупо ускользающий выигрыш, хотя бы ценою уступок побежденной партии.

Февральский указ 1726 года об учреждении Верховного Тайного Совета был тою отдушиной, чрез которую должно было, по мысли его учредителей, без взрыва выйти накопившееся недовольство, так как в этом Совете, взявшем действия верховной власти под свою опеку, получила свой авторитетный голос и оппозиция в лице кн. Д. М. Голицына; на равных же правах с Меншиковым вошли сюда товарищи его по выступлению 1725 года (гр. Толстой, ген.-адм. Апраксин, канцлер Головкин и поднимающаяся вторая «умная голова» Остерман). Партия старины могла теперь считать себя, по крайней мере, временно удовлетворенною: с нею считаются, ее слушают; довольны были и «товарищи» Меншикова, который теперь под их бдительным надзором не мог вызвать носительницу верховной власти ни на какую вопиющую бестактность, так как третьим пунктом одобренного императрицей устава предписывалось «никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном Совете совершенно не состоялись»... Не мог особенно печаловаться и Меншиков, потому что с учреждением Верховного Тайного Совета суживалась сфера его атак на высшие правительственные учреждения: то, что он раньше достигал столкновениями и влияниями в Сенате, в трех автономных коллегиях (военной, морской и иностр. дел), теперь он может проводить чрез один

только Совет, имея на своей стороне председательницу его, Екатерину, и разделяя товарищей.

Здесь, в Верховном Т. Совете, Меншиков сделал такой маневр, который ему едва ли когда удавался на поле брани: он изменил своей партии, стоявшей за Екатерину и ее дочерей, и перешел на сторону Голицына, вождя партии в. кн. Петра. Этот ход, поразивший его не совсем покорных друзей, попытавшихся взять его под надзор, был не только актом мести со стороны Меншикова, но и естественным выводом из создавшихся к этому времени «конъюнктур». Это был ход в сторону наилучшего обеспечения личных интересов Меншикова.

Со смертью дряхлеющей Екатерины опять должен был стать на очередь вопрос о престолонаследии: совершить новый обход прав в. кн. Петра в пользу одной из дочерей Екатерины представлялось теперь делом крайне рискованным: его партия достаточно показала свою силу только попыткой произвести движение в царствование, как-никак, все же законно вступившей на престол государыни. Силу прав в. кн. Петра признавали теперь даже искренние приверженцы второй семьи Петра Великого. Теперь настала очередь и для них искать компромисса для примирения интересов этих двух семейств. Остерман предложил план, который был более остроумен, чем практически возможен, и только характеризовал затруднительное положение господствующей партии: он предложил женить внука Петра от первой семьи на дочери Петра Великого от второй жены, на Елизавете. Екатерина с заклятыми врагами в. кн. Петра, в числе которых был гр. Толстой, создавала более приличный выход из затруднительного положения. Она всюду выдвигала как свою опору голштинского герцога, женившегося на старшей дочери Петра, Анне. По всем видимостям, последней с ее «десцендентами» и хотела передать трон; но эта комбинация, кроме ее непрочной

Император Петр II

сти, во всяком случае не могла улыбаться Меншикову, хотя бы потому, что, возводя Анну, он загребал бы своими руками жар для герцога голштинского, его наперсника, Бассевича, что не входило в личные планы временщика; а возможный неуспех дела выдавал Меншикова с головою партии в. кн.; итак, уже связь с голштинцами создала Меншикову в подпольных кругах репутацию Годунова. Не лучше ли переменной фронта

стать на верный путь, благо на него толкал «оракул» Остерман и к нему приманивал австрийский посол Рабутин, обещавший Меншикову первый освободившийся в империи фьеф за радение племяннику цесаря? Датский же посланник только и мечтал об этом, потому что для Дании, отнявшей у Голштинии Шлезвиг, было бы сущей бедою, если бы русский престол очутился в руках голштинского дома. Так мало терял и так много приобретал Меншиков, изменяя своей партии. За него теперь могла ухватиться партия Голицына, его поддерживал теперь увидевший в нем «умницу» Остерман: они втроем составляли половину Верховного Тайного Совета, а если принять во внимание безответность пред временщиком благодарной Екатерины, то нам вполне понятным станет, почему Верховный Тайный Совет, направленный против Меншикова, превратился в игрушку в его руках. «Что ж вы молчите,— говорил гр. Девьер Толстому,— Меншиков овладел всем Верховным Тайным Советом».

«Меншиков что хочет, то и делает,— жаловался на временщика его старый товарищ Бутурлин,— и меня, мужика старого, обидел, команду отдал мимо меня младшему... и откуда он такую власть взял!»

Старые друзья предупреждали Меншикова против союза с старыми врагами: «Так-то он знает, кто ему добро делает,— говорили они,— уж не думает ли он того, что кн. Д. М. Голицын с братом и кн. Б. И. Куракин и их фамилия допустят, чтобы он властвовал; напрасно он думает, что они ему друзья; как только великий князь вступит на престол, то они скажут Меншикову: «Полно, миленький, и так ты нами долго властвовал,— поди прочь!»

Но Меншиков знал, что делал и с кем имел дело. Он даром не привык оказывать услуг и за поддержку партии Голицына потребовал неслыханной награды — согласия на брак своей дочери с в. кн. Петром. Стать зятем и опекуном юного императора, законного наследника престола,— это значило много более, чем рассчитывать на скромную благодарность герцога голштинского в рискованной борьбе за его интересы. При таком обороте дела и новые друзья не осмелятся сказать: «Поди прочь!»

Но как отнесется к этому проекту своего друга и благодетеля Екатерина: ведь от нее еще зависит многое, ведь во имя ее последнего распоряжения может подняться гвардия, ласкаемая в течение всего царствования ее. Формальная санкция проекту необходима: уступит ли она по привычке назойливым домогательствам временщика, в ущерб интересам своей семьи, вопреки лелеянным собственным планам насчет голштинской фамилии? Для Меншикова во всяком случае это была сторона наименьшего сопротивления. К старым услугам, за которые Екатерина была обязана благодарностью, он присоединил новую, «фамильную»: уступил ей выходца из Польши Сапегу, присваивавшегося к дочери Меншикова, для родственницы Екатерины, Скавронской, и за эту ве-

ликодушную уступку потребовал награду, тоже семейного характера, — в виде согласия императрицы на брак пока еще только великого князя Петра с своею дочерью. Екатерина не имела сил отказать властным требованиям временщика, несмотря на коленопреклоненные просьбы и протесты плачущих дочерей. Затем оставалось вырвать у умирающей Екатерины согласие, под угрозой переворота, на провозглашение Петра своим «сукцессором», с поручением опеки над ним Верховному Тайному Совету, вкупе с обеими цесаревнами и герцогом голштинским, который, впрочем, еще до подписания императрицей этого завещания выслушал от Меншикова приказ собираться в Голштинию, получив в виде отступного миллион рублей, впрочем, со сдачей в 80 тыс. Меншикову. 7-го мая 1727 г. воцарился Петр II.

С его воцарением, казалось, повторялась старая страница истории России в малолетство Грозного: именем малолетнего царя управляют лица, овладевшие волею малолетнего государя, причем над интересами государства, даже над интересами партий, торжествуют узкие интересы торжествующих фамилий; заодно начинаются отношения, которые впоследствии хорошо охарактеризовал современник этих событий: «русским мясу не надо: они друг друга едят!»

Первым завладел волею юного императора Меншиков: он уже при Екатерине безраздельно командовал в Верховном Тайном Совете, который потому не был тронут Меншиковым, оставившим, с внешней стороны, все в старом виде. Впрочем, Меншиков не утерпел — назначил-таки себя генералиссимусом, чего тщетно добивался в два предшествующие царствования; а затем перевел своего нареченного зятя к себе в дом, чтобы руководить его воспитанием и заодно сподручнее управлять его именем. Связавши свои личные семейные интересы с интересами верховной власти, Меншиков посмотрел на

задачу управления не взглядом наемника и карьериста, а государственного человека, для которого интересы империи и императора стали личным делом. Привычною рукою он вершит дела России, с большой осторожностью выбирает себе помощников из среды старых дельцов и новых союзников; по-отечески серьезно, хотя по-фельдфебельски грубо принимается он за воспитание императора, поручивши ближайшее заведывание этим делом мастеру на все руки Остерману. Тщетно последний рекомендовал Меншикову менее принудительное отношение к воспитанию Петра, «чтобы не вдруг очень на него налегать», — Меншиков был педагогом Петровской школы, и терять времени не любил. Больше того, во имя будущих интересов своего зятя и настоящих нужд России Меншиков пресекал такие порывы своего воспитанника, которые составляют слишком интимную и даже хорошую сторону детской души: Меншиков отдалял Петра от его сестры и тетки Елизаветы Петровны, отменял распоряжения Петра, посылавшего этим лицам подарки из лично ему принесенных денег, грубо выбрасывал из дворца слуг, приобретающих привязанность Петра, и все это сопровождал скучной моралью в том смысле, что государь, мол, молод, цены деньгам не знает, истинную оценку людям давать не может и т. д. В результате — охлаждение Петра к своему ментору и навязанной Петру невесте поневоле. Охлаждение это стал поддерживать в своем питомце и Остерман, испытывший уже за это время властный тон временщика. С другой стороны, удары Меншикову готовили новые друзья — Долгорукие, влиявшие на императора чрез юного гофмейстера царя, Ивана Долгорукого, который своими забавами и рассказами ввел Петра в ту желанную для ребенка область, какой он был лишен суровым режимом Меншикова.

Меншиков, отделивший теперь свое дело от интересов партий, раньше его поддерживавших, все свое влия-

ние мог обосновывать на солидарности своих интересов с интересами императора; но интересы императора слишком расходились с суровыми требованиями Меншикова, и нареченный тесть сразу потерял под собою опору и встретил злорадствующие или равнодушные лица, когда юный государь отвернулся от него. Меншиков пробовал найти опору у новых союзников — Голицыных, но они были бессильны, да и не расположены особенно поддерживать временщика; не помог генералиссимусу и его чин: гвардия не пошла бы за своим привычным командиром против законного государя. И падение Меншикова, оформленное Верховным Тайным Советом, было встречено всеобщим сочувствием.

Начался поход между «фамилиями» и «персонами» с целью овладеть несовершеннолетнею волею Петра. Самыми испытанными и традиционными доброжелателями Петра II были Голицыны; но они слишком серьезно смотрели на задачи воспитания государя и обязанности управления; они не лучше Меншикова отнеслись бы к свободе воли императора; к тому же они ближе других стояли к Меншикову, и даже, как рассказывают, фельдмаршал кн. М. М. Голицын пытался замолвить за сверженного временщика на аудиенции у переживавшего дни свободы императора. Выбор императора на Голицыных пасть не мог, а овладеть его волей вопреки его воле значило последовать по стопам Меншикова. Свои явные симпатии Петр делил между Остерманом, умевшим «не вдруг очень налегать на него», и Долгорукими, очень умевшими потакать запросам юной природы Петра. Дело не обошлось без столкновений между Остерманом и Долгорукими. Петр, несмотря на свой возраст, сумел развести друзей, предоставивши Остерману дела, а Долгоруким — себя. Поступок может казаться даже мудрым: им как бы примирились две враждующих партии: немецкая и старорусская, если бы только Долгорукие

Князь В. Л. Долгорукий

стремились стать проводниками программы своей партии. На самом деле они пародировали шаги Меншикова вплоть до обручения Петра с княжной своей фамилии, не умея в то же время возложить на себя по-меншиковски ответственность по воспитанию Петра. «В действиях Долгоруковых этой эпохи,— говорит один из потомков этих Долгоруковых,— не было иных побуждений, кроме личных, эгоистических, имевших

целью разбогатеть, удалить от двора всякое влияние, кроме своего, и пользоваться жизнью и ее наслаждениями, нисколько не считаясь с правами и достоинствами ближнего. Единственная их заслуга в том, что они не были жестоки; за исключением трагической истории Меншикова, все преследования и изгнания этого царствования отличались мягкостью, и ни одно имущество, кроме имущества Меншикова, не было конфисковано». Зато чванство их доходило до глупости. Оно приняло особо отталкивающие размеры во время обручения Петра II с Екатериной Долгоруковой. «Каждый Долгоруков выражал свою радость по-своему,— пишет П. В. Долгоруков,— в зависимости от своего ума с большей или меньшей заносчивостью: Алексей Долгоруков (отец невесты), всегда и во всем глупый, заставлял гостей своих целовать себе руку!» Даже желания старорусской партии начать реставрацию разрушенных Петром Великим институтов старины Долгорукие извращали примесью к этим пар-

тийным планам своих фамильных интересов. По словам цитированного автора, умнейший из Долгоруких, видный дипломат времени Петра Великого, кн. В. Л. Долгорукий, «при помощи... иезуитов затеял цепь интриг, из которых самой крупной был план восстановления патриаршего сана с тем, чтобы возвести в этот сан кн. Якова Петровича Долгорукова, круглого дурака, которым надеялись вертеть по желанию»... Насколько своею погоней удовлетворять инстинктам Петра II Долгорукие отвлекали его от серьезных занятий, видно из найденного в фамильных бумагах кн. Долгоруких списка охотничьих поездок Петра II: «С февраля 1728 до ноября 1729 г., в течение 21 месяца — 243 дня, т. е. 8 месяцев, не считая мелких охот в 2 и 3 дня. — «Где же тут думать об учении и о занятиях государственными делами? Члены дипломатического корпуса почти не видели государя и очень на это жаловались».

Простуда во время охоты и смерть четырнадцатилетнего императора в тот самый день, когда назначена была его свадьба с княжною Долгорукой, была не только достойным возмездием для обезумевших от фавора Долгоруких, но и громовым ударом, глубоко потрясшим разные слои русского общества, для которых были небезразличны перевороты на троне. Событие произвело тем более сильное замешательство и волнение, что к нему никто не был подготовлен: ведь таким далеким казался жизненный путь четырнадцатилетнего императора, что и в голову никому не приходило думать о пресмнике ему; если поспешили со свадьбой, то это было сделано по воле самого императора, который хотел «рыцарски» браком прикрыть ожидаемые результаты своих отношений к «государыне-невесте». Замешательство усиливалось еще от того, что со смертью Петра II прекращалась прямая мужская линия Романовых на русском престоле, завешания император не оставил, а в силу сфабрикованного Долгорукими завешания откровенно не верили они сами.

Два несложных вопроса стояли на очереди, ответ на которые никому не был ясен: при сомнительности права разных членов династии, кто же имеет наибольшие права на престол; а с другой стороны, кто имеет право взять на себя ответственность разрешить династический вопрос? При всеобщем замешательстве, казалось, так естественно взяться за это дело Верховному Тайному Совету, формально опекавшему и фактически управлявшему Россией при юном императоре; но избирательных и учредительных прав Совету никто не давал; Совет и сам, очевидно, это понимал, когда самовольно увеличил свой состав двумя влиятельными в армии фельдмаршалами, кн. М. М. Голицыным и кн. Долгоруковым, бывшими, к слову сказать, подполковниками обоих гвардейских полков, и искал впоследствии санкции своему решению в «согласил собравшихся чинов». Если Верховный Совет и взялся за решение этого дела, то были, по крайней мере, хоть кто-нибудь в нем подготовлен к выяснению упавшего с неба вопроса, причем такого выяснения, которое бы вызвало сочувственную поддержку в командующих классах встревоженного русского общества? — всдь только в этом случае можно было им надеяться на приемлемость своего решения. Описание заседания Верховного Тайн. Совета не только ответит нам на вопрос о подготовленности отдельных его членов, но и о тех кандидатурах на престол, которые всплыли тогда, так сказать, на скорую руку. О совещании этом так рассказывает кн. П. В. Долгоруков, на основании письменных фамильных преданий¹.

Пока Остерман хлопотал с приготовлением тела своего царственного воспитанника, члены Верховного Тайного Совета удалились во внутренние покои на пред-

¹ Нужно заметить, что в этом заседании Совета присутствовало четыре Долгоруковых. Кроме того, цитируемый рассказ не противоречит другим известиям, примиряя их разногласия.

Князь И. А. Долгорукий

варительное совещание о преемнике. «Пошли просить и Остермана, но тот пришел только на минуту и со своей обычной тонкостью заявил, что он, как иностранец, не считает себя в праве принимать участие в совещании, в котором будут располагать короною Российской империи, прибавив, что подчинится мнению большинства, и ушел к телу императора. Верховники разместились вокруг большого стола под председа-

тельством старого канцлера Головкина, кашлявшего, дрожавшего и боявшегося остановиться на каком бы то ни было решении. Правитель дел Верховного Совета, Степанов, готовился писать протокол... Заседание вел кн. Д. М. Голицын. Смысл его речи был следующий: несколько часов перед тем угасла мужская линия императорской династии; законных наследников у императора Петра I больше нет; считаться с его незаконными детьми нечего; завещание Екатерины недействительно; Екатерина сама, как женщина низкого происхождения (выражения его были крайне резки), не имела права занимать престола, и тем менее располагать российской короною; завещание покойного императора (в пользу «нареченной невесты»), только что предъявленное, фальшиво. Здесь В. Л. (Долгоруков) хотел его перебить, но фельдмаршал Долгоруков остановил его, заявив, что завещание это действительно фальшиво, что справедливее было возвести на престол царицу Евдокию (Лопухину): фельдмаршал был личный

друг царицы и предан ей всецело. Голицын продолжал. Довод в пользу Евдокии он отклонил, заявив, что, отдавая должное достоинствам царицы, он не может не признать, что она только вдова государя, тогда как есть дочери царя Ивана, за коими все законные права. Выбор Екатерины Ивановны затруднителен: он признавал за ней все достоинства, но супруга ее считал злым и опасным глупцом. Кандидатура герцогини Анны Иоанновны, по его мнению, была наиболее желательна. Кн. Василий Лукич (Долгорукий) поспешил согласиться. Он был одно время резидентом в Митаве, был в течение нескольких недель очень близок с герцогиней и надеялся, возобновив дружбу, подчинить ее своему влиянию. Совет согласился на избрание Анны Иоанновны. Тогда Голицын заявил, что на ком бы выбор ни остановился, «надобно себе полегчить», чтобы воли себе прибавить. Осторожный Василий Лукич усомнился: «Хоть и зачнем это, но не удержим». «Неправда, удержим!» — воскликнул Голицын и стал настаивать на составлении «пунктов», которые и были написаны на следующее утро под диктовку Д. М. Голицына и вошедшего в его мысли В. Л. Долгорукого, и состояли в обещании Анны не вступать в брак и не назначать себе наследника, а также в содержании Верховного Тайного Совета «в восьми персонах и без одного согласия: 1) ни с кем войны не вчинять, 2) миру не заключать, 3) верных подданных никакими податями не отягощать, 4) в знатные чины... выше полковничья ранга, не жаловать, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного Тайн. Совета, 5) у шляхетства живота, имени и чести не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать...» и т. д. «А буде чего по сему обещанию не исполню, — должна была заключить свое обещание Анна, — то лишена буду короны российской».

Сказанное вполне рисует нам роль Д. М. Голицына на знаменитом заседании Верховного Тайного Совета в ночь с 18 на 19 января 1730 г. В то время, когда одни

«дрожали» от страха пред определенными решениями, другие неуверенно предлагали свои кандидатуры, третьи сомневались в своих способностях довести дело до конца, четвертые вовсе уклонялись от опасной чести вершить судьбы русской короны и, во всяком случае, вначале все «брели врозь», один только голос зазвучал уверенно и убежденно, отбрасывая с дерзкою смелостью одни кандидатуры и быстро объединяя мнения на своем предложении с такой неотразимой силой, что, по словам очень осведомленного Маньяна, на предложение Голицына все единогласно воскликнули: «Так, так! Нечего больше рассуждать,— мы выбираем Анну!» Не без продуманной связи этой кандидатуры, неожиданной для всех, включая и самое кандидатку, стояло второе предложение Голицына об ограничении самодержицы в пользу верховников: чтобы в два заседания в течение одной ночи объединить собрание с разными фамильными притязаниями на одном решении, и не только огорошить головокружительным и крайне рискованным проектом, но и заставить принять и подписать его, для этого нужно было явиться в собрание с вполне разработанным планом действия, с продуманными речами и с всесторонне взвешенными интересами и переживаниями своих товарищей. Такие нервизирующие перспективы пережил хотя бы один Василий Лукич Долгорукий во время речи Голицына,— от роли временщика у трона племянницы до положения подделывателя завещания, а отсюда к перспективе фаворита при когда-то благосклонной кандидатке и до влиятельного положения в олигархическом учреждении, где половина членов будет одной его фамилии! Или эта резкая реплика в непередаваемых выражениях по адресу «незаконных детей Петра I», вызванная напоминанием архиеп. Феофана о завещании Екатерины в пользу малолетнего герцога голштинского и его тетки в. кн. Елисаветы Петровны,— разве не рисует нам Голицына

идушим напролом с сознанием правоты своего дела, неуверенности окружающих и продуманности «конъюнктур» этого для всех неожиданного выступления?

Кн. Д. М. Голицына мы уже встречали в царствование Екатерины и ее преемника. Строгий сторонник «законной семьи» Петра Великого, он стал открыто во главе немногих против Екатерины I при ее воцарении, вызвал панику в рядах господствующей партии в царствование Екатерины и достиг одной только своей угрожающей, но непроявленной открыто оппозицией создания Верховного Тайного Совета, который, может быть, организован был не без его руководства, и, одинокий представитель своей партии в Совете, он перетянул временщика на свою сторону и достиг торжества законного наследника Петра I; но и тут успехами дела жизни его воспользовались другие выскочки, способные идти на все, лишь бы добиться фавора, а чрез него — власти. Уязвленный в своих вельможных чувствах, поруганных еще при Пестре I и игнорируемых в два следующих царствования, кн. Д. М. Голицын задумывался, конечно, не один раз над порядками своей родины и не один раз сравнивал их с порядками других стран, именно тех, где вельможность играет роль не столь унижительную, как в России, и по праву рождения, как и по дарованиям вершит дела государственные, не допуская верховную власть злоупотреблять ее болезнями и слабостями — фавором и произволом. Эти мысли могли попутно рождаться в голове кн. Д. М. Голицына, когда он в роли президента камер-коллегии приспособляет «по своему соображению» пункты шведского регламента областного и центрального управления, если они были «несходны с ситуацией сего государства». Недаром он приказал перевести для личного употребления с шведского языка все материалы по государственному праву Швеции, которые удалось достать, по поручению Петра Великого,

гамбуржцу Фику. Не один раз этот республиканец на службе у самого неограниченного монарха, каким был Петр Великий, являлся в дом своего непосредственного начальника Д. М. Голицына, чтобы за трубкой табаку, попросту, без чинов, побеседовать с ним, столпом старобоярской партии, «о старой и новой истории, также о различиях между религиями». Не только практика, но и теория западной политической мысли и государственного права занимали ум «не обретавшегося в авантаже» при Петре вельможи. В его знаменитой архангельской библиотеке находилось 334 названия книг только «на российском языке — исторических, гражданских (т. е. политических) и прочих светских рукописных, которые вошли в реестр, при конфискации имущества Д. М. Голицына; но, кроме того, при описи его имущества было «отобрано книг голландского, шпанского, аглинского и швецкого языков, из которых имеющиеся при разборе книг переводчики объявили, что они показанных языков не знают»; небезынтересно отметить, что на «вышний суд», сооруженный над Д. М. Голицыным, было доставлено одних только сочинений Макиавелли — 16 книг, Баккалили — 4; были здесь также и менее крамольные сочинения Томазия, Гроция и Локка. Эта справка лучше всего объясняет нам как подготовленность и находчивость Д. М. Голицына в то время, когда смерть Петра всех его товарищей выбила из колеи, так и то, почему продиктованные им «кондиции» ограничения Анны Иоанновны являются простым сколком с шведских государственных актов 1720 года, в той их части, где они воспроизводят долю конституционного участия шведского государственного совета в верховной власти. Швеция при посредстве Фика дала не только абсолютному Петру I образцы центрального и областного управления подданными, но и его подданным при содействии того же Фика показала способ ограничения оставленной Петром власти для своих не совсем счастливых преемников.

Но если сказанное объясняет нам блестящий успех выступления кн. Голицына в Верховном Тайном Совете и в приемной курляндской герцогини Анны Иоанновны, то для выяснения конечной неудачи этого выступления мы должны будем обратиться к иным сферам русской жизни.

Весть о решении Верховного Тайного Совета избрать императрицею Анну Иоанновну вызвала почти единодушное одобрение. Но ограничительные «затейки» и «обманное ловительство» верховников, как называли современники «кондиции», вызвали если не всеобщий протест, то испепеляющую критику, исходящую из разных партийных соображений, которые быстро наметились в то время, не без влияния этих «затеек». В Москву в то время съехалось все, что было в России выдающегося в чиновном титулованном и служилом мире на предполагаемую свадьбу императора в тот самый день, когда его не стало. Съехавшиеся со всех концов России чины вместе с московскими обывателями и явились случайно выразителями того мнения земли, к которому в XVII в. специально обращались в аналогичных случаях. Решение верховников естественно и поступило на суд служилой России, собравшейся в первопрестольной.

Отношение к кондициям расслоило чиновный и служилый люд на группы, выставившие наряду с критикой плана верховников и свои положительные программы, отвечающие их групповым и социальным интересам.

Явно наметилась партия неограниченного самодержавия, враждебная по принципу «затейкам» верховников. Ее лозунгами было: «Старое и от прародителей воспрнятое государства правило удержать непременно». Под этим знаменем объединились довольно пестрые элементы. В числе их стали родственники и фамильные доброжелатели Анны Иоанновны, думавшие при ее самодержавном управлении выдвинуться в качестве родст-

венников и ближайших доверенных лиц; таковы: Салтыковы, Ромодановские, родственники Анны по женской линии, и их приятели Трубецкие, Головкины и пр. «Хмурились иностранцы и немцы» русской службы при вести о «затейке». Это была партия, которая ничего доброго не ожидала для себя от ограничения самодержавия учреждением, в состав которого входило 6 лиц, принадлежавших к двум вельможным фамилиям, известным своєю оппозицией к «немецкому» направлению предшествующих царствований. Для них было важным симптомом, что в число верховников попало только два «птенца Петра»: Остерман и Головкин, и господствующая при Петре и Екатерине I партия становилась в еще более ограниченное положение, чем партия старины при Екатерине I: Головкину и Остерману не па кого было опираться в своих выступлениях в Совете, и положение их было там крайне непрочное: одна «помазка по губам» из милости, которая всегда может быть смелена на гнев. Немудрено, что Остерман с Головкиным были в самом Верховном Тайном Совете ненадежными приверженцами его «затейки», естественными вождями «немецкой партии». Раздававшиеся в это время речи против направления Петровских дел всю вину сваливали на немцев: «После того, как вы, иностранцы, внушили Петру I, что войско следует держать всегда, нам нечего помышлять о покое... Старинные цари поступали с побежденными, как с побежденными, делили между дворянством их земли; а на место того ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами». Такие речи запугивали и, во всяком случае, не располагали иноземцев в пользу верховников, столпов русского вельможества с его московскими традициями. Недаром осторожные верховники старались успокоить эту «немецкую» партию заявлением, что «лифляндцы и эстляндцы, как шляхетство, так и гражданство, будут со-

держаны равною ее импер. величества милостью, как и российское, и во всем поступаться будет по их правам и привилегиям; также и к прочим иноземцам, которые теперь находятся и впредь будут находиться в русской службе, иметь почтение и склонность ко всякой любви и по контрактам жалование будет неотъемлемо».

Но если «хмурились» лица, которые не ожидали для себя от «затейки» верховников ничего доброго в будущем, то тем более враждебна была им группа влиятельных лиц, которая так или иначе уже потерпела от верховников или не получила ожидаемого. К числу таких относится третий фельдмаршал кн. Трубецкой и бывший обер-прокурор Петровского Сената неистовый Ягужинский, которые очень рассчитывали попасть в Верховный Совет и до этого сочувствовали «прибавке воли» боярству, но когда очутились за бортом командующего учреждения, то всеми силами души возненавидели верховников и их «затейку». В числе недовольных по фамильным счетам были Антиох Кантемир и гр. Матвеев, первый из ненависти к Голицыным, лишившим его наследства, второй — оскорбленный временщиками Долгорукими.

Синодальное духовенство во главе с Феофаном Прокоповичем также враждебно относилось к «кондициям», отчасти по соображениям принципиального характера. С торжеством Голицыных и Долгоруких синодальному строю грозила опасность: мы уже говорили о проекте Долгоруких восстановить патриаршество; партия старины не могла забыть участия Феофана Прокоповича в отстранении семьи Алексея от престола, заодно трактовала его как еретика и лютера, продавшего церковь; кн. Д. М. Голицын не скрывал своего презрения к духовенству за его радение Екатерине I и дочерям Петра Великого.

Естественно, синодальное духовенство не могло сочувствовать возвышению верховников и всеми силами постаралось провалить их «обманное ловительство»,

тем более, что в его руках были сильные средства противодействия. Феофан служит молебен и как бы по традиционной форме всенародно молится за «самодержицу» Анну; поднимает целую бурю из-за перемены формы присяги, готовый с амвона отказаться приводить народ к присяге по нововымышленной верховниками небывалой формуле; в преподнесенной Анне речи, которую произнести ему не позволили верховники, Прокопович умиляется милостью Божией, награждающей императрицу за перенесенные ею «страх, тесноту и неслыханное гонение от неблагоприятных рабов и всецело безбожных злодеев». Строгий контроль, которым верховники стремились изолировать Анну от приверженцев ее самодержавия, духовенство использовало как агитационное средство против «замах» верховников: «Смотрите,— говорили они,— она никуда не показывается, народ не видит ее, не встречает радостными криками; кн. Василий Лукич стережет ее, как дракон; неизвестно, жива ли она, и если жива, то насилу дышит... Сим и сим подобные, когда везде говорено,— рассказывает сам Феофан о своей агитации,— у другой компании (приверженцев самодержавия) ревность жесточала, воспламенялась; видать было, что нечто весьма страшное умышляют»...

Больше того, Феофан ухитрился провести самого «дракона», когда передавали Анне записки от ее приверженцев, в преподнесенных ей часах.

Но главную силу этой «другой компании» составляло враждебное верховникам настроение части гвардии.

Прошло то время, когда гвардейские полки воодушевленно шли за своими привычными вождами на защиту интереса семьи обожаемого императора. Теперь самые недалекие из гвардии видели, как использовали выступление гвардии в свою пользу честолюбцы и ничтожества, бывшие при Петре Великом «не в авантаже», а теперь незаконно и нагло третирующие полки и их

офицерство, уважаемые самим великим императором. Свежо еще было у всех на памяти, как в день обручения Петра II с княжною Долгорукой фаворит кн. Иван Долгорукий дал приказ подполковнику Юсупову ввести целый батальон Преображенского полка в Лефортовский дворец для предотвращения ожидаемых протестов, и Юсупов, позволявший себя третировать и отзывавшийся на грубый окрик Алексея Долгорукого — «Эй, ты, татарин!» — поторопился исполнить незаконное требование фаворита без разрешения фельдмаршала, старшего подполковника полка.

Н. Б. Долгорукова вспоминает, как в день встречи Анны часть гвардейцев кричала ей вслед, узнавши в ней невесту фаворита Ивана Долгорукова: «Прошло ваше время,— теперь не старая пора!»

Гвардия против Долгоруких, из которых 3 заседало в Верховном Совете, а между тем верховники четвертым пунктом «кондиций» вырвали у Анны согласие, чтобы «гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного Тайного Совета». Если верить Лефорту, гвардия ясно высказалась против «затейки». Фельдмаршал кн. В. В. Долгоруков предложил Преображенскому полку присягнуть государыне и Верховному Тайному Совету, но получил ответ, что если он будет настаивать на этом, то ему ноги переломают... Едва ли только одни обиды, полученные гвардией от верховников, отбрасывали ее во враждебный верховникам лагерь. Были и более глубокие основания противиться ограничительным попыткам Голицыных и Долгоруких; возражения военщины ясно формулировал Волюнский: «Боже сохрани, чуть не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий,— писал казанский губернатор,— и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнева идолопоклонничать и милости у всех искать: один будет миловать, а другие,

на того ярясь, вредить и губить станут»... Олигархия вредна и для военного успеха: «Не допусти, Боже, если при власти верховников война у нас будет»: где потребно сосредоточение власти, там будут руководить многие: в распоряжениях «голосов сообразить никак невозможно будет, и что надобно сделать и расположить в неделю, того... в год не сделают».

К тому же, при правлении знати, шляхетству грозят несправедливые налоги и поборы: «что положено будет (подати или рекрут), то будет на главных в доимках (недоимках), и мы, средние, одни будем оставаться в платежах и во всех тягостях». Опасения эти разделялись более или менее всем шляхетством и, следовательно, служилым цветом его — гвардией.

Поддержка самодержавия против «затейки» верховников вытекала из чувства самосохранения всех перечисленных групп, сильных своим опытом и поддержкой гвардии.

Но ограничительная попытка верховников не встретила поддержки и в тех кругах чиновного люда и шляхетства, которые в принципе были не против ограничения самодержавия.

Что ни говорят в защиту широких конституционных планов верховников, но даже самые талантливые их адвокаты согласны в том, что их конституционный проект был строго олигархическим: верховная власть ограничивалась только восемью лицами, из которых 6 были представителями двух вельможных фамилий; уступки, сделанные ими впоследствии, не говорят еще о широте и искренности их конституционных замыслов, во-первых, потому, что они сделаны после того, когда верховники убедились, что арестами и застрачиванием противной партии не запугаешь, а, во-вторых, предоставленное генералитету, шляхетству, духовенству и купечеству влияние на управление и законодательство было чисто совещательным, и притом без всяких гарантий.

Конституционалисты из генералитета и шляхетства ставили верховникам в упрек прежде всего узурпацию последними учредительных прав, с игнорированием мнения «общенародия»: «Хотя бы (верховники) полезное нечто усмотрели, однако ж скрывать то перед другими, а наипаче и правительствующим особам (Сенату) не сообщать — неприятно то и смрадно пахнет».

Еще более «смрадно пахло» для Сената и генералитета то обстоятельство, что по проекту верховников ограничение самодержавия направлялось в пользу только 8 знатных персон, не прибавляя ни капли «воли» генералитету и другим «правительствующим особам». Как и следовало ожидать, генералитет в своем конституционном проекте, принадлежащем перу известного историка инженера Татищева, потребовал включения в состав ограничивающего самодержавие учреждения генералитета и вообще высших чинов: на место Верховного Тайного Совета должен был, по проекту Татищева, стать Сенат в числе 21 члена, включая сюда и наличный состав Верховного Совета, — это «вышнее правительство». Для занятия «внутренней экономией» организуется «нижнее правительство» из 100 членов. Соединение того и другого образует «вышнее собрание», которое ведает важнейшими вопросами государственной жизни (война, провозглашение государя и т. д.). Выборы в эти собрания, как и на высшие должности, происходят в «вышнем собрании» при участии всех генералов или всех президентов коллегий, смотря по характеру замещаемой должности. Проект этот явно выражает узкие интересы того круга, из которого он вышел — высших государственных чинов, генералитета и Сената. Он одинаково «скверно пах» как для верховников, растворяя их «право» в массе «правительствующих особ», так и для среднего шляхетства, которое отстранялось генералитетом и высшими чинами даже от того влияния на дела государ-

ственного управления, какое уступалось ему верховниками. Немудрено поэтому, что шляхетство выступило со своим проектом, в котором «Верховный Совет» состоял из 21 члена, Сенат оставлялся в его подчиненном положении; для обсуждения дел высокой государственной важности организуется особое собрание из «вышнего правительства» — Сената, генералитета и шляхетства. На высшие государственные должности выбирает особое сточленное собрание, куда входят генералитет in corpore и представители от шляхетства.

И проект генералитета, и проект шляхетства согласны в одном: в уничтожении Верховного Совета в его настоящем виде и в расширении его состава в пользу генералитета и шляхетства. Выше уже было сказано о неудовлетворительности уступок, какие делали верховники своим оппонентам слева, и Верховный Тайный Совет должен был таким образом отстаивать свое положение и против конституционалистов, и против партии самодержавия: он не выдержал, когда эти два лагеря объединились в борьбе против верховников, и Анне не представилось большого труда разорвать ту ограничительную грамоту, которую она недавно добровольно подписала, тем более, что все группы, на которые распалось ограничительное направление, представили взаимно исключающие друг друга проскты, следовательно, не удовлетворить ни один из них значило удовлетворить всех, поскольку ни одна группа не получала предпочтения; с другой стороны, все партии, на которые распалось все мыслящее и сильное в это время, в своих desiderata выставили удивительно согласное требование, удовлетворение которого, не посягая на прерогативы самодержавной власти, было вполне в ее воле и силе и явилось бы наградой за восстановление самодержавия, вырванного верховниками «обманным ловительством», по убеждению большинства участников события: я разумею служеб-

ные и сословные привилегии шляхетству, сводившиеся по требованию всех проектов 1) к сокращению срока государственной службы, первоначально пожизненного, 2) к отмене ненавистного закона о единонаследии и 3) к заведению Шляхетского корпуса, откуда дворянские дети выходили бы в службу в офицерских чинах. Анна в течение своего царствования удовлетворила это единодушное желание разных степеней шляхетства и чинов, как удовлетворила другое единодушное требование тех же групп и партий в области политической — уничтожила Верховный Тайный Совет, поставивши на его место Сенат из 21 члена с правами подчиненного императрице высшего правительственного учреждения империи.

Происшедшее во дворце в 1730 г. 25 февраля, когда Анна Иоанновна разорвала подписанные ею «кондиции», нашло себе образную оценку в устах все потерявшего кн. Д. М. Голицына: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными. Знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела, — так и быть: пострадаю за отечество; мне уже немного остается, а те, которые заставляют меня плакать, будут плакать долее моего».

Голицыну не нужно было быть пророком, чтобы предсказать правду царствования Анны и бироновщины: для этого нужно было помнить прошедшее, знать русскую среду, ее нравы и характер внезапной самодержицы. Анна Иоанновна, столь неожиданно для всех, не исключая самой себя, получившая корону русской империи ценою ограничения власти предшественников, и еще неожиданнее одним движением своих рук разорвавшая «кондиции», достигла восстановления самодержавия не в силу какой-либо придворной интриги, ни тем менее в силу своих личных планов и способностей, а по обстоятельствам, на первый взгляд, крайне курьезного свойства. Благородное шляхетство, испугавшись перспективы иметь «восемь тиранов вместо одно-

го деспота» и не сумевши занять место в приготовленной для них другими трапезе, предложило Анне неограниченное самодержавие в благодарность за «милостивое» с ее стороны согласие ограничить самодержавную власть своих предков. Так и говорилось в шляхетской петиции, приподнесенной Анне 24 февраля: «Ваше императорское величество всемилостивейше изволили... наше прошение об лучшем утверждении и пользе отечества... подписать, в знак нашего благодарства всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные предки имели».

Анна исполнила просьбу своих подданных. Для совершения этого акта государственной важности ей даже не потребовалось с кем бы то ни было советоваться: это был с ее стороны столь же непосредственный поступок, как и то, что она при встрече с гвардейцами в виде монаршей ласки собственноручно поднесла им по чарке водки и провозгласила себя их полковником, на радости свидания забывши, что делать этого она не смела в силу 4 пункта «кондиций». Все это поступки, которые смог бы совершить и блаженной памяти родитель ее, царь Иоанн Алексеевич, и совсем не ее вина, что эти бесхитростные поступки имели важные государственные последствия для дела, на которое кн. Д. М. Голицын потратил столько усилий и забот. Дело тут, как мы знаем, не в личности Анны Иоанновны, которая не была слишком сложною натурой. До нас дошли две ее характеристики, набросанные современниками по первому впечатлению в разные периоды ее жизни. В 1724 г. герцог голштинский сделал в Петербурге Анне Иоанновне визит, и бывший при этом камер-юнкер Берхгольц, большой мастер метких характеристик, рассказывает: «Она (герцогиня курляндская) приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить вино, как обыкновенно здесь водится. Герцогиня — женщи-

Императрица Анна Иоанновна

на живая и приятная, хорошо сложена, не дурна собою и держит себя так, что чувствуешь к ней уважение». Через 6 лет, из окна дворца, уже императрица Анна Иоанновна произвела на кн. Н. Б. Шереметеву, невесту И. А. Долго-рукого, совсем другое впечатление: «Во дворце, в одной отхожей комнате, я сидела, где церемонию видела, — рассказывает Наталья Борисовна. — Она (Анна Иоанновна) шла мимо тех окон, под которыми я была, и тут последний раз видела, как мой жених командовал гвардией; он был майор, отдавал сй честь на лошади. Подумайте, каково мне глядеть на сие позорище! И с того времени в жизни своей я ее не видала. Престрашного была взору. Отвратное лицо имела; так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста»... За шесть лет едва ли Анна могла так измениться, имея всего 37 лет от роду: думается, что в этой характеристике из окна много субъективного, наваянного последующими для Н. Б. несчастьями, связанными с именем Анны: здесь больше впечатления от ее царство-

вания, чем от ее вида; но ее богатырская неуклюжая фигура и грубый мужской голос произвели сильное впечатление даже и на гвардейцев, встретивших ее в одной из подмосковных. Это была грубая, тяжелая натура, к тому же не смягченная ни сердечным отношением к себе в детстве, ни последующею жизнью в Курляндии. Мать ее, властная, вздорная ханжа и злой человек, деспотически обращалась с нею и совершенно серьезно прокляла ее за отношения к Бестужеву-Рюмину, ставшему необходимым молодой вдове курляндского герцога. Брак по политическому расчету державного дяди, а не по внутреннему влечению, не принес счастья Анне, да к тому же был непродолжителен. Затем началось горькое вдовье положение, с опасением, что в Курляндии поляки отберут ее столовые имения, с грубым невниманием со стороны родственников в России; а тут еще бестактное вмешательство петербургского двора в ее личную жизнь (отозвание от нее Бестужева), запрещение выйти замуж за Морица Саксонского, кандидата в герцоги Курляндии, косые взгляды и резкие намеки. Приходится пред всеми заискивать, всем угождать, писать к «неблагодарным рабам» раболепные письма. «Вашей светлости многие милости ко всем людям показаны,— писала Анна Меншикову, ставшему нареченным тестем Петра II,— также и государыня матушка, и все мы много от вашей светлости одолжены. И с покорностью прошу вашу светлость: как прежде я имела вашей светлости к себе любовь и милость, тако и ныне, и по нынешнему с вами свойству меня не оставить, но содержать в милости и протекции». Но «неблагодарный раб» даже не отвечает на это искательство: Бестужева не возвращают. Курляндская вдова заместила опустевшее место Бироном; в отместку Бестужев «чрез свою диспозицию разорил» свою покровительницу: «подлинныя доказательства мои... на вдовьи маятности (маетности) тайно утащил»... «Неблагодар-

Э. Бирон

ный раб» в Петербурге свергнут; но на его место другие; и пронырливый Бирон старается задобрить новых фаворитов, но как? Бирон, при встрече с кн. Ив. Долгоруким в Москве, обещал ему сыскать породистую собаку; по возвращении в Митаву двор Анны только и был занят исполнением этого обещания: «Доношу вашему высочеству,— пишет Анна в кн. Наталье Алексеевне,— что несколько собак сыскано, а прежде

августа послать невозможно: охотники рассказывают, что испортить можно, если в нынешнее время послать. И прошу ваше высочество донести государю братцу о собаках, что сысканы и еще будем стараться». Затем неожиданное счастье: предложение стать русской императрицей, но вместе с тем новое унижение: ограничивают не только власть, но и личную жизнь: детей от Бирона взять можно, но самого Бирона ни в каком случае! Больше того, Василий Лукич, перед сообщением важных вестей из России, не только предложил Бирону выйти из кабинета, но собственноручно вытолкнул его, когда Бирон не послушался. И после всех этих оскорблений — неограниченная власть вместе с ожесточением против «неблагодарных рабов»! В 37 лет характер сформировался, привычки сложились: от всего веет жестокостью, грубыми вкусами и бессердечностью: ни одной черты женственности... Анна, сделавшись неожиданно императрицей, устроила свою жизнь согласно со своими тайны-

ми желаниями. Больше всего, кажется, любила Анна охоту, не ту охоту, которая воспитывает художественные чувства и доводит охотника царя Алексея до лиризма в его трактате о соколиной охоте, а охоту в смысле убийства беззащитного животного.

Говорят, что у Анны во дворце стояло всегда заряженное ружье, из которого она стреляла из окна в пролетавших птиц. «С.-Петербургские Ведомости» с умилением сообщали, что 14 марта 1737 г. «Е. И. В., Все милостивейшая Государыня, изволила потешаться охотой на дикую свинью, которую изволила из собственных рук застрелить». В заведенном при Зимнем дворце охотничьем манеже в течение 3 месяцев было убито: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волк, 374 зайца, 68 уток и т. д. Стрельбой же Анна занималась в знаменитом манеже Бирона, где она также ездила верхом, не столько из любви к верховой езде, сколько из желания не расставаться с Бироном, который отдыхал от общества Анны с лошадьми в манеже, часто вслух жалуясь на свой плен.

Любимым времяпрепровождением Анны было послеобеденное время, когда она вполне становилась собою — в своем свободном шлафроке, с головою, повязанною по-крестьянски красным платком, ложилась она на кровать и после часового отдыха, открыв дверь в соседнюю комнату, кричала фрейлинам, из знатных, титулованных фамилий: «Ну, девки, пойте!» Не прочь была она позабавиться кривлянием шутов и послушать болтливую рассказчицу. Сохранилось письмо Анны, в котором она приказывает «поискать в Переяславле из бедных дворянских девок или из посадских, которые бы похожи на Татьяну Новокшенову, а она, как мы чаем, что уже скоро умрет, то чтобы годны были ей на перемену; ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые бы были лет по сороку и так же бы говорливы, как та Новокшенова или как были княжны Настасья и Анисья». К таким забавни-

Принцесса Анна Леопольдовна

цам Анна даже проявляла несвойственную ей заботливость и предупредительность: «у вдовы Загряжской живет княжна Вяземская, девка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтоб она не испужалась: объяви ей, что я беру ее из милости, и в дороге вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: как сказывают, что она много говорит». Анна тешилась иногда комедиями, но из них наибольшее удовольствие она испытывала от тех, где потасовки и драки составляли главные действия, и ее грубый хохот был достойным поощрением придворных лицедеев. Впрочем, подобные действия Анна допускала не в одном театре: с снисходительной улыбкой она следила, как «шумный» Ягужинский отчитывал непристойными словами корректного Остермана и на жалобы последнего оправдывала Ягужинского «шумством». И затем тот же подагрик Остерман, корчась от боли, но с приятным лицом, должен был проделывать замысловатые «па» перед веселой императрицей. Вкусы и привычки, как видим, не говорят о мягкости натуры и изысканности вкусов. Отсюда естественный шаг к непризнанию за человеком его человеческого достоинства. Как бы желая отомстить «неблагодарным рабам», унижить родовитую знать за «дерзкие обманки» и «ловительства», Анна превращала титулованных сановников в форменных шутов: таковы кн. Н. Ф. Волконский, кн. М. А. Голицын (внук В. В. Голицына, любимца Софьи), гр. А. П. Апраксин. Голицын был насильно разведен и женат на уродливой камчадалке в Ледяном доме. Своеобразная благодарность роду Д. М. Голицына за мысль возвести Анну на престол! Равнодушная к делам веры, Анна не прочь была прикрывать ревностью к православию дикие сцены мести родне «неблагодарных рабов». Ссылая в деревню семью кн. С. П. Долгорукова, который не принимал участия в событиях, предшествующих воцарению Анны, последняя призвала жену этого князя и стала упрекать ее

за принятие католицизма. Когда княгиня нагнулась, чтобы, согласно этикету, поцеловать государыне руку, та дала ей сильнейшую пощечину, осыпала ругательствами и закончила «аудиенцию» словами: «Пошла вон, мерзавка!» Применение рукоприкладства, впрочем, не ограничивалось титулованными особами. Персоны царствующего дома не были изъяты от него. Анна, объявивши наследником своим будущего сына Анны Леопольдовны, озаботилась затем о подыскании мужа для матери еще незававшегося императора, и нашла такого ей супруга, к которому Анна Леопольдовна с первой же встречи почувствовала физическое отвращение. Всю ночь после свадьбы новобрачная провела одна в Летнем саду, и фрейлины видели в полуотворенную дверь, как императрица била по щекам свою племянницу. Этим же свойством души Анны Иоанновны объясняются жесточайшие казни ее царствования, отличающиеся своим обилием так же, как и варварскою изысканностью в жестокости. Сравнительно «милостивым» наказанием считались при Анне урезывание языка, вырывание ноздрей, кнут. Осужденных на смерть, особенно по политическим делам, предварительно заставляли пожелать поскорее умереть: не ограничивались страданиями в восстановленном застенке, под руководством Ушакова, опытного ученика кесаря Ромодановского и П. А. Толстого; лицам, выходившим из застенка с вывихнутыми руками, с окровавленной спиной, сначала отрубали висевшие плетью руки, и только после этого сажали на кол или обезглавливали, часто только за то, что эти лица, состоя в высших чинах, осмеливались не соглашаться со взглядами «великолепного» Бирона, из «курляндской каналы» превратившегося в вершителя судеб России. Слово «политическая смерть» при Анне перестало быть фигуральным выражением: ссылаемых в Сибирь, с лишением всех прав, предварительно уродовали и давали

им другое имя и фамилию, чтобы никогда их нельзя было после узнать и восстановить в правах. Да и сами ссыльные упорно умалчивали о своих прежних титулах, так как хорошо знали Анну, которая, не довольствуясь сравнительно мягким наказанием по первому суду, отдавала уже наказанных новому розыску, с обычно роковым для них исходом: судьба Долгоруких была у всех на виду. Прапорщик Семеновского полка А. Я. Шубин, первая «пассия» Елизаветы Петровны, был сослан с переменной имени и в изуродованном виде в Камчатку. Рассказывают, что Елизавета по воцарении вспомнила о своем возлюбленном и приказала возвратить его. Посланный за розыском Шубина семеновский офицер Булгаков объехал все тюрьмы Сибири и пришел в отчаяние: следы Шубина пропали. В одном из острогов, в присутствии арестантов, Булгаков с горечью заметил: «Что же скажу я государыне Елизавете Петровне?» — «Разве теперь вступила на престол Елизавета Петровна?» — спросил кто-то из толпы арестантов. «Да. А что?» — «Это я, Шубин», — воскликнул арестант, до сих пор не признававшийся в своем настоящем имени.

Анне никто не отказывал в природном уме, но проявлялся он слишком неуклюже и в неотшлифованных образованием формах. Она, например, могла писать своему резиденту руководящую инструкцию, в которой все стороны дипломатических сношений обозначались местоимением «он» и «они», неизвестно к кому относимых, а бедному резиденту легче было расшифровать перехваченное им письмо другого резидента, чем написанную по-русски инструкцию своей государыни. Впрочем, ума у Анны хватало, чтоб при случае искусно выйти из нежелательного положения или ловко воспользоваться выгодой момента. Канцлер Головкин поднес Анне орден св. Андрея; Анне не понравилось получение этого ордена от члена Совета, когда она считала себя в праве на этот орден как императрица: «Ах, правда, я и позабыла на-

деть его», — как бы спохватилась Анна и приказала кому-то из своей свиты прикрепить этот орден, не допуская сделать это члену Совета.

Ловким маневром оправдала Анна свое решение разорвать подписанные ею «кондиции». Получив петицию шляхетства о восстановлении самодержавия, Анна с недоумсвающим видом обратилась к Долгорукому: «Как, разве пункты, поднесенные мне в Митаве, составлены не по желанию целого народа?» «Нет!» — завопили вместо Долгорукого сторонники самодержавия. «Так, значит, ты меня, кн. Василий Лукич, обманул!..» Ну а с вырванными обманом обязательствами можно свободно не считаться! Впрочем, ума этого все же не хватало у Анны настолько, чтобы не брезговать нелепейшей лестью, которую ей расточали придворные панегиристы. Анна с большим удовольствием слушала составленную в честь ее кантату, где говорилось между прочим: «Сколько благих деяний совершено божественной Анной... Благодаря ей германцы, галлы, британцы и бельгийцы спокойно благоденствуют. Радость и величие твоих подданных делают решение затруднительным, могут ли они сравниться с пылкой любовью, которую питает к тебе твой непобедимый народ. И ничего более? Но слишком затруднительно перечислить славные деяния великой императрицы — так же, как нет возможности счесть звезды на небе... Моя смелость потерпела аварию среди океана ее добродетелей. Солнце не нуждается в похвалах: божественная Анна — также!» И эта «божественная Анна», которая не так давно ставила себе в заслугу, что отыскала наконец породистых собак для Ив. Долгорукого, теперь со слезами умиления слушала песнь о своем величии, как и восторженное перешептывание придворных, похожее на иронию: «как он (автор) хорошо понял императрицу, как верно очертил ее характер и царствование». Может быть, в глубине души и сомневалась Анна в искренности

этих воскурений, но не находила в себе достаточно такта, чтоб не обращать внимания на мелочи, которые могли набросить тень на ее мнимое величие. Известно ее злое и мелочное письмо к казанскому архиерею: «Пресвященный архисерей, письмо ваше мы получили, в котором пишешь, что ты прискал туда в самый Благовещеньев день и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуем, что научил нас здесь, в Петербурге, знать, в котором числе оный день бывает; а мы до сих пор еще не знали, но уповали, что то как в Казани, так и здесь в одно время прилучается». Еще менее умела Анна оценивать искренние чувства и честную откровенность подданных. Анна приблизила было ко двору одного из младших птенцов Петра В.— Румянцева, давши ему чин подполковника гвардии; но Румянцев, искренний патриот и прямой солдат, не поладил с немцами, и Анна стала упрекать его в неблагодарности и сообщила, что из подполковников гвардии она переведет его в президенты финансовой коллегии. Румянцев в порыве обиды сказал, что он всегда был и будет верным солдатом, но ничего не смыслит в финансах и тем более не сможет выдумывать средств для удовлетворения небывалой роскоши двора. Анна вспылила — покорная ей юстиция вынесла честному человеку смертный приговор, замененный, впрочем, ссылкой в казанские деревни.

При надменности и высокомерии, Анна была непостоянна и скрытна. По выражению лица ее трудно было судить об ее искренних чувствах и мыслях. Частые беседы Волынского с Анной в качестве кабинет-министра навевали на него безотрадные мысли насчет женского пола: «Правду пишут о женском поле,— думал вслух Волынский,— что нрав изменчивый имеет, и когда женщина веселое лицо показывает, тут-то и бойся скрытого в сердце ее гнева... Вот гневается,— восклицал Волынский, переходя от женского пола вообще к Анне Иоанновне,— ино-

гда и сам не знаю, за что; надобно ей суд с грозою и милостью иметь, а то-то и беда — иногда так, иногда сяк, и ничего постоянного нет; и в самых государях то худо, ежели скрытность бывает». Были две причины этого непостоянства Анны, первая — это слепое подчинение воле Бирона, который мог заставить Анну перерешить любое дело, вырвать у нее любое решение: известно, с какой неохотой и слезами пожертвовала она Волынским в угоду Бирону; с другой стороны, скрытность была выражением недоверия Анны к ее «неблагодарным рабам». Личный секретарь ее, Эйхлер, жаловался на «пребезмерну подозрительность ее, что во всех без причины сомневается; как бы кто верен ни был, без подозрения миновать не может, и Бог знает, как угодить стало»... Эта подозрительность и недоверие к людям — естественный вывод из опыта жизни Анны: с ними она взошла на русский престол, и царствовала она, не доверяя ни «неблагодарным рабам», ни управляемой ею России. Это же чувство недоверия толкнуло Анну в объятия немцев-высочек, личная судьба которых была тесно связана с ее судьбою: им поэтому можно было доверять, на них можно положиться во всем, для них можно пожертвовать всем. Эти настроения и выводы и составили лейтмотив царствования Анны Иоанновны со всеми мрачными сторонами ее жизни, — с фавором Левенвольдов и Биронов, с преследованием всего русского и самостоятельного, с тяжелыми и жестокими жертвами России в пользу немецкого направления и презрительным недоверием к народу и его национальным представителям или тем, кто казался такими. В общем, в лице Анны Иоанновны на русском престоле царствовала женщина с типичными чертами крепостницы-помещицы, каких было немало в это время в разных углах крепостной России: без уменья управлять крепостным хозяйством, с врожденным недоверием к производителю труда и капитала и со слепую

верою в пройдоху-приказчика, сумевшего к тому же втереться в личное расположение вдовы-хозяйюшки. Немудрено, что в этой крепостной усадьбе зарождались враждебные чувства между угнетасмыми и угнетателями, и в ответ на истязания конюхов крепостной люд отвечал если не разгромом самой крепостницы, то ненавистью и насилиями к приказчикам и их семьям. Павшие жертвами этих истязаний в конюшнях, застенках или на эшафотах превращались в глазах угнетателей в героев, погибших за смелое дерзание против насильников за народное дело, за угнетенных и оскорбленных. С таким именно ореолом сошли с эшафота в память потомства все эти загубленные Анною и Бироном Долгорукие, Голицыны, Волынские, генералы и архиереи, попы и простые солдаты, сболтнувшие неосторожнее слово, забывшие «помолобствовать в табельный день» или носившие в мыслях действительные планы освобождения родины из-под немецкого приказчичьего засилья, или просто виновные в поступках, ничего общего с антинемецкими направлениями не имеющими. Результаты анненского управления лучше всего учли устами Менгдена приказчики-немцы пред смертью хозяйки: «Если герцог Бирон (после смерти Анны) регентом не будет, то мы, немцы, все пропали!» Но Анна завещала Россию Бирону по настоянию двух-трех немцев да их русских креатур, радевших Бирону за милость или страх перед неизвестностью. Анна накануне смерти подписала составленное Остерманом завещание, а на другой день после ее смерти 18 октября 1741 г. уже был опубликован написанный Бестужевым, врагом Остермана, устав о регентстве Бирона, а в нем говорилось, что «по всемилостивому матерному милосердию к империи» императрица до 17-летнего возраста наследника-внука, младенца, поручала Россию «регенту государю Эрнсту-Иоанну, владеющему светлейшему герцогу курляндскому, лифляндскому и

семигальскому, которому... (дается) полная мочь и власть управлять... все государственные дела». «Небось!» — подбадривала Анна оторопевшего немного Бирона, когда он обнаруживал естественное смущение пред сказочной и жуткой для него перспективой. Да и кого было бояться? Все, что оставалось от Петровской России сильного, влиятельного и опасного в среде русских государственных людей, было погублено, сослано, терроризовано. Остались креатуры вроде Бестужева и кн. Трубецкого да робкие вельможи, как кн. Черкасский, служивший национальной декорацией для лицедеев немецкой трагикомедии; гвардия на первое время не поднимет руки на регента, управляющего именем законно-назначенного императора; ее можно задобрить милостями, льготами, денежными наградами, а потом раскассировать по провинциальным полкам, заместивши ее полками из разночинцев. Среди со-немцев хотя и есть враги и ненавистники (Остерман, Миних), но они слишком умны, чтобы не понять, что раздробленность опасна для всех одинаково. Оправившийся от первого смущения Бирон стал уверенно у кормила правления, тем более, что протестов не было: таков был гипноз восстановленного и укрепленного при Анне самодержавия. Спокойствие рождало веру в право делать именем императора в пеленках все,— даже грозить его родителям участием царевича Алексея Петровича: ведь если царствующий император-отец мог лишить престола и жизни бунтаря-сына, то и, наоборот, царствующий сын может сделать то же с интриганом-отцом: довод, каким привели отца Иоанна VI, Антона Ульриха, в такой трепет, что он не только отказался от своих происков против Бирона, но с испугу наговорил на себя, чего и не было: с отцом, который, по выражению Миниха, был «ни рыба, ни мясо», покончили, а мать, Анна Леопольдовна, была не опасна: ведь она так неумна и дика!

Но у подданных есть своя логика, отличная от правительственной: она заговорила и теперь. Если темная Русь и Петра В., прирожденного государя, обратила в немца и в наваждение, то теперь открыто, на глазах у всех, воцарился немец, «лютер», достигший власти позорными средствами. Уж если признавать младенца Иоанна законным государем, то не Бирону, совершенно чужому для царствующего младенца, а родителям последнего следовало бы управлять его именем, — такова политическая традиция и логика естественных семейных отношений. К тому же, пошли слухи про подложность указа Анны о регентстве Бирона. Кабинет-секретарь Яковлев, «надевая худой кафтан, хаживал собою по ночам по прешпективной (Невскому проспекту) и другим улицам и слышал, что в народе говорят о том (регентстве Бирона) с неудовольствием, а желают, чтобы государственное правительство было в руках у родителей его императорского величества».

В гвардии тоже начиналось опасное брожение против Бирона. Гвардейцы открыто говорили: «Теперь нечего делать, пока матушка-государыня не предана земле; а там, как вся гвардия соберется, то уж»... Брожение парализовалось отсутствием вождя и неуверенностью в сочувствии лиц, близких к императору. Поручик Преображенского полка Ханыков, встретившись с сержантом Алфимовым, заговорил: «Что мы сделали, что государева отца и мать оставили? Они, думаю, на нас плачутся, а отдали все государство какому регенту? Что он за человек?»

Милости и награды Бирона только усиливают в гвардии мысль о неуверенности положения регента: заискивает, следовательно, не тверд. Меры недоверия к гвардии раздражают ее. Только глупые не могли не понять цели образования при Анне Иоанновне третьего гвардейского полка — Измайловского, в который рядом с русским дворянством наполовину вошел всякий сброд,

стянутый из Курляндии, Эстляндии и немецких областей. Ходят слухи, что Бирон желает преобразовать гвардию: ему не нравится, что в ней рядовые из дворян,— их можно определить офицерами в армейские полки, а их место заполнить рекрутами. Неспроста и теперь призвали в столицу шесть армейских батальонов и 200 драгун. Правда, Миних пытался позолотить пилюлю, говорил, что гвардейцы служат только высочайшим особам, и призывом армейских солдат регент только желает облегчить гвардейцев. Миниху не верят. Регент чувствует, что из-под его ног ускользает почва: он мрачен и нервничает,— его никто не поддержит в случае смелого выступления против него. Смельчак нашелся. Если гвардейскому поручику было неизвестно, «угодно ли будет» матери императора свержение Бирона, то фельдмаршал Миних наверняка знает, что это так же ей угодно, как для него, Миниха, выгодно: свержением Бирона он не только сведет счеты с давнишним недоброжелателем, но и сам займет его место: благодарные родители, к тому же неспособные без руководителя управлять, признают за Минихом, доблестным генералом, уложившим сотни тысяч русского войска на ненужные «взятия» Хотина, Очакова,— признают за ним право на положение Бирона, если не формальное, то фактическое. С горстью гвардейцев, даже непосвященных в свои замыслы, Миних проникает в

Принц

Антон-Ульрих Брауншвейгский

покой герцога; последний, увидя у своей кровати адъютанта Миниха, Манштейна, кричит: «Караул!» «К вашим услугам я привел много караульных», — иронизирует Манштейн: гвардейцы ловят «его высочество» под кроватью, вдоволь наминают ему бока, затыкают рот платком, и закутанного в одеяло выносят в караульную, чтоб отсюда отправить подальше от трона и власти. Анна Леопольдовна провозглашается правительницей, Антон Ульрих — генералиссимусом; Миних в звании первого министра становится фактическим правителем государства, игнорирующим как «генералиссимуса», так и своих товарищей со-немцев. За Бирона никто не вступился: переворот был совершен против похитителя прав родителей младенца императора, — переворот этот был даже популярным; но популярен ли был сам Миних, обвиняемый в бессердечном обращении с солдатами, жертвовавший тысячами их в заведомо безнадежных и неподготовленных боях? — гвардия во всяком случае не стала бы за него, если бы против него высказались «родители» государя. Для свержения Миниха не потребовалось даже мобилизации гвардии: он пал вследствие недовольствия генералиссимуса, которого откровенно презирал, и от интриг Остермана, который не мог терпеть над собою героя столь опереточного переворота: простой отставки, прочитанной на площади с барабанным боем, было достаточно для устранения Миниха от дел, которыми теперь завладел на момент Остерман, превратившийся на языке иностранных посланников в «царя всероссийского», на самом деле вынужденный начать сложную сеть подготовки в регенты Антона Ульриха, вместо ускользавшей из-под его влияния «правительницы» Анны.

Но в то время, когда немцы, захвативши власть именем младенца, последовательно подставляли друг другу ножку, для очищения места у трона, почва под самым тронном грозно колебалась. С свержением Бирона не бы-

ло свергнуто ненавистное немецкое засилье: на место Бирона стал Миних, которого сменил темный интриган Остерман; а тут уже открыто афишировался новый Бирон в лице графа Линара, одинаково опасного по личным свойствам как для Остермана, так и для надежд русского шляхетства на восстановление национального правления.

Права младенца Иоанна можно было сделать знаменем для борьбы с узурпаторами, но когда ненавистнейшие из них удалены, то для людей, страдавших от немецкого засилья, права эти могли показаться не столь бесспорными; времена Петра с его немецким направлением казались теперь золотым веком русского национализма, и имя Петра и его потомства стало знаменем национального движения против направления онемечившихся потомков царя Ивана Алексеевича: Петр поменялся ролью с своим братом в лице своих потомков и казавшийся немецким оборотнем в глазах современников вырос в памяти ближайшего поколения как национальный герой, заслуги и права семьи которого должно охранять благодарное потомство от неведомо откуда налетевшей стаи хищников.

Уже при воцарении Иоанна VI некоторые отказывались присягать ему и Бирону под тем предлогом, что «государством повелено править... герцогу курляндскому, а орел летал да соблюдал все детям своим, а (ныне) дочь его оставлена: император Петр первый соблюдал и созидал все детям своим, а у него, государя, осталась дочь цесаревна Елизавета Петровна, и надобно ныне присягать ей государыне-цесаревне. О том между собою говорили лейб-гвардии Преображенского полка солдаты, идучи от присяги». Речи эти, впрочем, не были новыми теперь. Я уже говорил, что загубленные Бироном и Анной Долгорукий и Волынский стали в глазах современников и потомства мучениками национального дела;

любопытно отметить, что в народе и за границей их жестокую казнь объясняли попыткой этих лиц произвести переворот в пользу Елизаветы, хотя доподлинно известно, что, напр., Долгорукие не были приверженцами Елизаветы, даже, наоборот, очень непочтительно отзывались о ней. О дочери Петра, обойденной верховниками из-за ее рождения до брака, вспомнили очень скоро, когда национальное чувство народа была поругано, и национальное движение стало в воображении современников очень рано связываться с именем приветливой, веселой и забытой дочери Петра, Елизаветы. Теперь симпатии гвардии были всецело на ее стороне. Елизавета была лично хорошо известна гвардейцам: у многих из них она крестила детей; гвардейские офицеры бывали у нее на веселых вечерах.— Придворные правительницы являли: «У цесаревны Елизаветы ассамблеи для преображенских солдат». Для двора правительницы не было секретом, что по свержении Бирона «три гвардейские полка шли ко двору в убеждении, что императрицею будет провозглашена их матушка Елизавета Петровна; тот же дух оказался в гарнизонном полку на Васильевском острове и в Кронштадте: здесь опасались восстания, потому что солдаты кричали: «Разве никто не хочет предводительствовать нами в пользу матушки Елизаветы Петровны!»¹. Сама Елизавета не стремилась к перевороту, но обстоятельства принудили ее к тому. Швеция, желая воспользоваться слабостью и непопулярностью носителей власти в России, нашла удобным моментом дать реванш России за приобретения Петра. Франция гнула в том же направлении, и настолько откровенно и настойчиво, что ее представителя Шетарди решили выслать из России. Швеция и Франция начали действовать во имя прав потомства Петра Великого, надеясь провес-

¹ Соловьев. «Ист. Росс.», XX, 124—170.

ти войну против России при сочувствии русских: распускали даже слух, что в шведском войске — внук Петра, сын голштинского герцога. Сама Елизавета будто бы просила гвардейцев не убивать ее племянника и раздавала деньги солдатам. Все это становилось известным правительству, и все это становило Елизавету в невозможное к нему положение.

До Елизаветы дошли слухи, как она сама об этом рассказывала, что правительнице Линар предложил допросить Елизавету о сношениях с Швецией и потребовать у нее отречения от престола. «Но в этом случае,— говорит Елизавета,— правительница оказалась рассудительнее их: «К чему это послужит,— отвечала она со вздохом,— разве нет там чертенка (герцога голштинского), который всегда будет мешать нашему спокойствию». Пошли слухи, что Елизавете грозит замужество с братом Антона Ульриха или яд... Гвардейцы волнуются, требуют у Елизаветы разъяснений, просят наставлений, что делать, ловят ее в парке с изъяснением готовности действовать за нее.

Правительству ясно, что против Елизаветы трудно что-либо предпринять, пока ее блюдет гвардия. Решено отправить гвардию сражаться против шведов, объявивших войну за права Елизаветы. Опасность минуты сознается гвардией не менее, чем Елизаветой. Друзья советуют приступать, пока не поздно: трон или монас-

*„Ich bin, meine Rechte, nicht, was ihr, ihr
ich Peter, der Sohn des Königs, der
ich in Elisabeth, der Kaiserin,“*

Государственный переворот

25 ноября 1741 г.

тырь,— предупреждали друзья, которым тоже представлялись — награда или пытки. Но никто из этих друзей не мог взяться за роль, которую разыграл Миних в пользу Анны Леопольдовны: «Дело требует немалой отважности, которой не сыскать ни в ком, кроме крови Петра Великого»,— поощряли Елизавету ее маленькие друзья, врачи, певчие из малороссов, учителя танцев, дипломаты, пока еще будущие, но ни одной воинственной фигуры. «Геро», как звали «друзья» Елизавету, решилась на подвиг, и даже вооружилась: надела кирасу поверх обыкновенного платья. С крестом в руке вместо меча явилась дочь Петра в казармы Преображенского полка и обратилась в гренадерской роте, бывшей уже в готовности, несмотря на второй час ночи, с речью: «Ребята, вы знаете, чья я дочь,— ступайте за мною!» «Матушка, мы готовы, мы их всех перебьем»,— лаконически объяснились в своих нравах и чувствах участники переворота. «Если будете так делать, то я с вами не пойду»,— осадила гренадер Елизавета, только что давшая клятву не проливать крови в свое царствование. Заговорщики уничтожили барабаны и шли пешком к дворцу, чтоб не произвести шума: солдаты шли так быстро, что «Геро» отставала, и ее понесли на руках. Внешний караул и стража дворца с восторгом склонились пред «освободительницей». Анна Леопольдовна спросонку не поняла столь раннего визита Елизаветы и на ласковое предложение последней: «Сестрица, пора вставать» довольно неприветливо удивилась: «Как, это вы, сударыня?» Стоявшие за «сударыней» внушительные гренадеры были молчаливым ответом на недоумение правительницы, которая стала умолять о пощаде себе и близким. Елизавета даже прослезилась и в своих санях отвезла правительницу в свой дворец вместе с малюткой-императором; туда же были свезены и сономцы (Миних, Остерман, Левенвольд и пр.), еще накануне точившие друг против друга зубы, а теперь очень

помятые непочтительными гренадерами. Сенаторы и именитые петербуржцы были пробуждены задорным стуком в окна и двери в неурочный час: «Просили явиться во дворец к государыне Елизавете Петровне». «Кто это сделал? Как это сделано?» — спрашивали друг у друга вельможи, и многие шли со страхом во дворец за ответом. Там царила радость. Господа положения, тоже от радости, издевались над оторопевшими вельможами и поцелуями старались загладить свою бестактность. Переворот не сопровождался жестокостями: немцев поугаляли на эшафоте смертною казнью, на которую были они столь щедры в свое время, и разослали в далекие северные и сибирские города. Может быть, к лучшему для них: расхोdivшиеся волны национальной победы могли бы кончиться печально для немцев вообще, если бы среди них оставались наиболее ненавистные: и без того все были в страхе пред недвусмысленными угрозами солдатчины. Особенно распустились участники переворота, получившие вместе с чинами и наградами право быть безнаказанными в своих выходках, подчас хулиганских. Некоторые из них не только афишировали торжество национализма,— это было естественно, но были не совсем скромны в выражении сознания своей преторьянской силы: «Теперь нет лиц знатнее нас, а другие знатны до тех пор, пока мы этого хотим».

Елизавета была вынесена на трон поднимавшимся национальным движением под давлением антинародного правительства. Дочь Петра Великого была знаменем этого движения, и характер переворота обязывал его «Геро» удовлетворить наболевшему народному чувству: царствование Елизаветы будет национальным, возвращением к поруганному недавнему прошлому. Елизавета сгоряча готова уничтожить следы двух предшествующих царствований, считая законным только то, что было сделано властью при Екатерине I и Петре II; все последую-

щее было объявлено вне закона; но скоро выяснилось, что так торжествовать победу нельзя: месть мертвым, падшим затрагивала интересы живых и сильных, и прежде всего дворянства, ergo-гвардии, которая была мало виновата в злоупотреблениях Бирона, Остермана и других. Ограничились возможным: уничтожили монеты с персоной Иоанна VI, сожгли присяжные листы, вырезали из церковных книг «известные имена», запретили ввоз книг из-за границы, упоминающих об этих особах, и проч. Занялись реставрацией Петровских учреждений, о чем еще будет речь ниже.

С торжеством Елизаветы не только было вновь поднято направление Петра, но и восстановлены права его семьи, которая имела в это время двух представителей: кроме дочери, Елизаветы, в Голштинии жил внук Петра, тот самый «голштинский чертушка», который не давал покоя обеим Аннам. Согласно завещанию Екатерины I, престол должен был перейти сначала к старшей ее доче-

ри, Анне, с ее «десцендентами», и только за неимением последних к Елизавете с ее «десцендентами». Следовательно, «голштинский чертушка» из своего далека мог беспокоить не одних только потомков царя Ивана, но и самое Елизавету, которая решила назначить его своим преемником, что примиряло с нею возможных сторонников голштинской семьи и обеспечивало, на основании закона «о воле монаршей»,

Император Иоанн Антонович

престол за императорской линией тем более, что Елизавета отказалась от мысли иметь собственных «десцендентов». С восшествием на престол Петра III снова нависла над Русью опасность немецкого засилья, снова и в последний раз дворянская гвардия, уязвленная в своих национальных традициях, произведя переворот, на этот раз не в пользу наследственных прав лица популярной семьи — такого лица уже не было, а в пользу лица, наиболее подходящего для интересов командующего класса: не беда, что за этим лицом не было никаких прав: дворянская гвардия на ярких примерах прошлого убедилась, что чем меньше прав имеет лицо на престол, тем большая награда участникам переворота в его пользу. Опыт прошлого и на этот раз не обманул гвардию, поднявшую на трон Екатерину II: недаром ее царствование считается золотым веком дворянских привилегий и крепостного права.

III. Высшие органы управления

После кипучей и разносторонней реформаторской деятельности Петра Великого как-то странным кажется, что наследники его уже на другой год после его смерти спрашивают у своих советников: 1) «Каким образом облегчить крестьянство в подушных деньгах? 2) Из каких доходов добавить снимаемую с крестьян сумму, необходимую для поддержания армии? 3) Как рассмотреть штат? 4) Как исправить денежное дело? 5) Юстицию? 6) Торговлю?»

«Исправить денежное дело, торговлю, юстицию» — исправить то, на что было затрачено Петром Великим столько энергии, средств и сил, исправить дело жизни Петра! И что всего любопытнее, эти вопросы задавались не только на другой год после смерти Петра, но

занимают они мысль государственных людей второго, третьего, четвертого и пятого царствований после Петра. Так долго не могла оправиться Россия от потрясений Петровского царствования, так мало ценили и ждали ближайшие преемники Петра «плода добра» от его реформ в настоящем и будущем, такую трудную задачу оставил Петр своим наследникам! Это и естественно. Последним ведь Петр оставил основательно «разрушенную», но далеко незавершенную «храмину». Интенсивная и всеобъемлющая реформаторская деятельность Петра была оборвана на том моменте, когда до завершения и плодотворных следствий этой деятельности было еще далеко, а силы и средства были истощены до последней степени (недоимки, бегство крестьян, дефициты), и все были утомлены и угнетены от этого безостановочного галопа Петровских реформ. Мы видели, как опереживали потребности жизни все то, что делалось Петром для их удовлетворения, и как через это самые преобразования казались неудовлетворительными¹ при всей их тяжести для народного благосостояния. Отсюда вместе с реформой росли и недоверие к ее смыслу, сомнение в ее необходимости и разочарование в полезности: столько было затрачено сил и средств, и никакого облегчения, никакой видимой пользы в настоящем (слава и приобретения Прибалтийского края считались малоценными), а в будущем — новые усилия и жертвы для поддержания этого колоссального сооружения Петровских рук. И никого, кто бы на месте Петра, с его верой в преобразования, с его энергией, талантом и неоспоримой властью, подобно ему, вдохновлял одних, подгонял других, находил удачных заместителей третьим, и всех вместе объединял бы в дружной, хотя бы и подневольной работе. Менее всего были пригодны к этой роли преемники

¹ См. мою статью: «Устройство управления при Петре Великом».

Петра Великого вплоть до Екатерины II. О детях по возрасту или по развитию (Петр II, Иоанн Антонович, Петр III) и говорить нечего. Не могли поднять бремя Петра и взрослые женщины, царствовавшие в это время. Екатерина I, хотя в глазах ее сторонников и «приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны», но на деле, по меткому выражению С. М. Соловьева, была «выющим растением, достигшим высоты благодаря только тому великану лесов, около которого обвивалось; великан сражен — и слабое растение разостлалось по земле». Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями; но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности начинания и направления. В этом отношении место Петра Великого в ее царствование осталось незамещенным¹.

Не могла заменить собою «мужескую персону» и мужественная Анна, которая, по мнению современников, «как есть персона женская, к так многим трудам неудобна; пачеж сй знания законов не достает»; кроме того, по мнению цитируемого автора, Татищева, «ее величеству неугодно (будет) самой законы сочинять». Затем, как мы видели, и по направлению своему, и по окружающим ее влияниям Анна сознательно не могла быть продолжательницей дел Петра Вел. По-видимому, в последнем смысле полную сй противоположность представляла Елизавета, дочь Петра, достигшая престола в результате движения во имя забытых и поруганных Петровских традиций. Восстановление дел Петра и его «указов и регламентов» стало лозунгом ее царствования. Но дочь Петра Великого по части трудоспособности и инициативы правления скорее походила на мать, чем на отца. Заявив-

¹ Соловьев. «Истор. России». XVIII, 279—280 стр.

Императрица Елизавета Петровна

ши в начале царствования о самостоятельном заведывании делами в порядке верховного управления, Елизавета впоследствии в одном проекте указа созналась, что «напротиву того,— не всегда указы к подписанию нашему подносимы и подписываемы могут с такою скоростью, какой случающиеся дела и соизволения наши, всегда ко пользе государства и подданных касающиеся, иногда требуют». И в самом деле, Елизавета не связывала себя назначением определенного времени для приема министров, канцлера, иностранных дипломатов: для доклада неотложных дел нужно было, чрез «припадочных людей», добиваться аудиенции, когда императрица была свободна от придворных увеселений и личных дел. Один посланник объяснял неуспех порученного ему дела «недосугом» императрицы: «Нездоровье молодого фаворита (Шувалова) перешло в ревматизм, которым всецело теперь заняты заботы и мысли двора».

Министры Елизаветы могли поспешно заключать с соседями очень выгодные договоры, имеющие важное влияние на судьбы Западной Европы, но вся поспешность и важность их парализовались неимением времени у Елизаветы подписать их: «В продолжение нескольких месяцев,— отвечал английский министр на тревожные запросы из Лондона,— императрица не могла найти свободной минуты, чтобы заняться делами». Одной из существенных черт в характере Елизаветы, отличавшей ее от отца, была нерешительность: «Несмотря на то, что большой труд убедить в чем-либо ее величество, очень легко помешать ей выбрать решение. Все ее министерство, соединенное вместе, может с трудом сделать первое (т. е. заставить принять решение), и самый слабый успевает легко сделать второе (т. е. отменить решение)».

И «птенцы Петровы» после его смерти не устояли на страже дел своего учителя и командира. Сильные его волей и доверием, они энергично творили «дело послав-

шего их», под непосредственным его руководством, под страхом ответственности перед ним и гипнозом личности этого человека. Со смертью Петра не изменились его «птенцы» в своих талантах, энергии и опыте, но дело Петра, бывшее их делом, не нашло в них преданных продолжателей и защитников. Они сильны и даже блестящи как исполнители чужой воли, но оказались совершенно бездейственными как инициаторы и самостоятельные деятели в духе реформ, может быть, по привычке работать под команду, развивать мысли, родившиеся в другой голове. Трудно было им теперь не только поддерживать колоссальное здание Петра, но еще энергически, вопреки течению, продолжать его дело по собственному плану, применяясь к требованиям жизни и «ситуациям сего государства». Да и то сказать — утомились они вместе с Россией и не прочь были отдохнуть, так как к этому отдыху клонили и затишье на границах, и слишком истощенный запас народной энергии, и, наконец, доставшаяся в руки власть, при слабости носительницы ее. Немудрено, что «птенцы» Петра первые стали критиковать то дело, которое их выдвинуло, но к которому у них теперь было мало внутренних побуждений. К тому же, доставшаяся власть стала источником разъединения и борьбы, разделивши старых сотрудников на заклятых врагов, кончивших взаимоистреблением и очищением места для старой оппозиции (Голицыны, Долгорукие), для пришельцев (немцы), или для деятелей второй величины (Остерман, Волынский, Бестужев-Рюмин и друг.). Не было воли, которая бы, как при Петре, подавляла своекорыстные порывы всех этих деятелей, и дело Петра было променено ими на личные делишки и домогательства фавора. Известен афоризм гр. Завадовского, что в России «от самой кончины Петра I, во все времена властолюбные люди, пользуясь доверенностью государскою, стремились к тому, чтобы им, а не местам властвовать».

Правда, Петр, кроме отдельных выдающихся лиц, посвященных в свое дело (Меншиков, Ягужинский, Толстой, Головкин и др.), взрастил целое учреждение, которому доверял управление Россией и разработку разных сторон своего преобразования, за личным отсутствием или недосугом. Я разумею Правительствующий Сенат¹. Но это учреждение, при всей его «высокой доверенности», слишком привыкло при Петре действовать под его непосредственным водительством и личным надзором (непосредственно или через генерал-прокурора), чтобы после Петра могло заменить его в инициативе и направлении творческой деятельности правительства. Кроме того, Сенату принадлежала власть исполнительная, в пределах узаконенных уже норм управления, распоряжения и суда; участие же в порядке высшего руководства и направления жизни государства Сенат принимал только по особому указанию носителя верховной власти; и на деятельность этого рода Сенат не только не имел права, но и возможности, по заваленности делами текущего управления. В самостоятельном учреждении с такою компетенцией сам Петр чувствовал потребность. В его мемориях читаем: «О коллегии такой подумать, которая б смотрела, что исправить, переменить, оставить, вновь сделать, начениши от порядков прибыли, даже до чистоты и украшения во всем государстве».

Если при Петре Великом, непосредственно ведавшем этой стороной управления, чувствовалась потребность в подобном учреждении, то тем более в нем была неотступная нужда, когда на месте Петра стали дети и женщины, с властью, но без способности целесообразно воплотить ее в жизни государства.

Это пустое место в действительности и заполнялось рядом сменявшихся учреждений, которые замещали со-

¹ См. о нем выше в моей статье: «Устройство управления при Петре».

бою верховную власть, то ограничивая ее юридически (Верх. Тайный Совет), то действуя именем верховной власти по особому доверию последней (Кабинет министров, Конференция), но в обоих случаях составляя, по выражению одного проекта времен Елизаветы, тот «интервал между государем и правительством», в котором чувствовалась непосредственная нужда в течение всей этой эпохи. Краткий очерк этих учреждений выяснит их настоящую роль.

Обстоятельства возникновения Верховного Тайного Совета и характер этого учреждения, растворившего, так сказать, в себе верховную власть, выяснялись уже выше. В своего рода объяснительной записке, составленной членами Верховного Тайного Совета в виде «мнения не в указ», но утвержденной Екатериной, говорится: в виду того, что «ее величество во оном Тайном Совете первое президентство сама управляет», то он тем менее «за особое коллегіум или инако почтен быть (т. е. считаться) может, понеже оный токмо ее величеству ко облегчению в тяжком бремени ее правительству служит, все дела скорее отправлены и решены, и более, нежели от одного, к ее величества безопасности и государства приращению рассуждение иметь то будет, дабы толь безопаснее высоким ее именем указы выходили». Это учреждение не только не может приравняться к коллегиям, но становится и над самим Сенатом, который ставится в равное положение с тремя первыми коллегиями (военной, адмиралтейской и иностранной), получает от Совета «указы», а с ним сносится «доношениями», и впредь будет именоваться не «Правительствующим», а «Высоким Сенатом». Со стороны последнего дело не обошлось без комической демонстрации: «К вновь назначенному в Совет (для «закрепы» его протоколов) В. П. Степанову приехал на дом экзекутор Сената Елагин и пытался возвратить ему присланный в

Сенат именной указ об учреждении Совета. Так как-де сенаторы его принять и «по оному чинить» исполнения не могут «для того, что прислан к ним указ, велено Сенату быть в прежнем состоянии и достоинстве». Степанов, конечно, не принял от Елагина возвращаемого Сенатом именного указа, ссылаясь на то, что указ этот сама императрица «апробовать изволила», а того указа, на который ссылается Сенат в своем возражении, он не знает, почему и предлагает Елагину отправиться с ним к тем особам, «которые тот подписали». Далее между Степановым и Елагиным произошла сцена, мало соответствующая достоинству тех учреждений, от имени коих оба они действовали. А именно, когда Степанов предложил Елагину отправиться с ним к членам Верховного Тайного Совета, Елагин объявил, что «ему ни к кому ехать не велено, а велено отдать указ ему, действительному статскому советнику, и ежели он (Степанов) его (указ) не примет, то он (Елагин) его положит. И действ. ст. сов. паки ему (Елагину) сказал, что он указа весьма принять не может, и ежели он оставлять (указ) будет, то он, действ. т. сов., ему (указ) за пазуху положит. И... экзекутор... принужден тот указ паки отвезть и положить на стол в Сенате». Потребовалось для успокоения Сената передать волю императрицы через ее кабинет-секретаря, и потом лично на словах, «дабы по тому указу поступали и более ее величество о том не трудили»¹. Так было «укращено» взрощенное Петром учреждение его преемницей и ближайшими сотрудниками (Меншиковым, Толстым) по соображениям политическим (уступка партии Голицына) и временщичеству Меншикова столько же, сколько и по выяснившемуся пробелу в системе управления, по смерти Петра Великого. В царствование Петра II, особенно после падения Меншикова и до уничтожения кондиций,

¹ «История Правит. Сената за 200 лет», т. 1, 362 стр.

власть Верх. Т. Совета была исключительной, и в области управления не встречала законного противодействия.

Императрица Анна, уступая давлению давшей ей самодержавие силе, по уничтожении Верховного Тайного Совета, восстановила Сенат в его прежнем значении «на таком основании и в такой силе, как при дяде нашем, Петре Великом, был», и, введя в число 21 его члена всех верховников, сообщила Сенату такой блеск и величие, каким он никогда не обладал. Но в таком своем значении Сенат не мог долго оставаться при Анне: он был опасен для ее только что восстановленного самодержавия и неудобен для того направления, какое придавали царствованию Анны ее друзья из немцев.

В таком виде Сенат был, по справедливому замечанию А. Н. Филиппова, только «временной уступкой шляхетским желаніям, с одной стороны, и отражал в себе лишь затруднительность положения нового правительства, с другой. «Верховные господа», как и другие «знаменитости эпохи», «были первоначально введены в Сенат только потому, что на первых порах не нашлись еще, что с ними делать, или же не желали некоторым из них показывать своей немилости»¹. Но безнаказанный разгром целой фамилии кн. Долгоруких, из которых трое заседали в Сенате, был только началом разгрома и самого Сената. Князь Голицын сам манкировал заседаниями в Сенате, что ему потом и было поставлено в вину. Выбывают скоро из Сената Ягужинский, Остерман и другие, получая новое назначение. Наконец, так торжественно возродившееся детище Петра, получившее свою силу от непосредственного общения с верховной властью, опять оттесняется «интервалом между государем и правительством» в виде Кабинета министров из доверенных императрице и Бирону лиц. Учреждение это бес-

¹ «История Правит. Сената за 200 лет», т. I, 484 стр.

шумно выступает на государственное поприще, с внешней стороны ничего не отменяя и не изменяя, точь-в-точь как всемогущий его творец Остерман, который от всего отрекся в течение четырех царствований, и тем не менее на все влиял в значительной степени.

В первые полтора года царствования Анны Кабинет существовал в качестве личной канцелярии императрицы, и только с 18 октября 1771 г. он объявляется не «во всенародное известие», а только «в пристойных местах, куда надлежит» (т. е. в правительственных учреждениях). В качестве учреждения, возникшего «для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел, к собственному (ее величества) решению подлежащих, кабинет трех министров (Остермана, Головкина и Черкасского) докладывал императрице поступавшие в него дела и сообщал в соответствующие учреждения, не исключая и Сената, именные указы и резолюции, а также требовал от них объяснения и справки. Распоряжаться от своего имени кабинет не мог, хотя фактически все эти именные указы и резолюции проходили уже в это время чрез руки Кабинета министров. Только в июне 1735 г. Кабинет министров получает право издавать указы, которые, при условии подписи их тремя министрами, приравнивались к именным указам, и в силу этого не только фактически, но и юридически превращается в высший орган управления, разделявший с верховной властью ее права, по доверенности последней. В таком виде он просуществовал до воцарения Елизаветы Петровны. Менялись в нем лица, пользующиеся большим или меньшим доверием обладателей верховной власти, но внешнее положение его оставалось неизменным при Анне так же, как в регентство Бирона и Анны Леопольдовны: недаром вступившей на престол Елизавете Кабинет министров представлялся «сочиненным в равной силе, как был Верховный Тайный Совет,— токмо имя пе-

ременено»... Разница, конечно, была, и весьма существенная: Совет действовал совместно с верховной властью, как учреждение, ограничивающее ее в силу основного закона, и далеко не по доброй воле носительницы этой власти; Кабинет же, имея одинаковую с Советом компетенцию, свои полномочия основывал на доверии и доброй воле неограниченной монархини. Но это не помешало обоим названным учреждениям высоко стоять над системой подчиненных им правительственных учреждений, включая сюда и Сенат.

При Елизавете Петровне в области верховного управления в общем наблюдается как бы повторение явлений предшествующего царствования. Вначале, как и следовало ожидать, торжественное восстановление учреждений Петра Великого. Елизавета объявляет своему Кабинету, составившемуся при ней в первые дни царствования, свое «намерение, чтоб правительство возобновить на том фундаменте, как оно было при жизни... Петра Великого, и для того бы Сенату быть в такой силе, как онный в то время был, и ее императорское величество сама своею высочайшею особой присутствовать в нем намерение свое имеет»... Но последнее намерение не часто осуществлялось, и чем дальше, тем реже, за недосугом личных дел, увеселений и богомольства благочестиво-веселого двора Елизаветы. Это не мешало Сенату в первую половину царствования Елизаветы играть действительно видную роль в управлении, настолько видную, что для иностранцев казалось даже, что русскому самодержавию грозит опасность со стороны Сената. Шведский министр Руденшильд утешал Фридриха Великого в таких выражениях: «Как ваше величество, так Швеция должны радоваться, что правление России в руках Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при Кабинете, который давал большую силу самодержавию».

Впрочем, «недосуг» императрицы заниматься делами часто парализовал деятельность этого на взгляд могущественного Сената не меньше, чем Елизаветинских министров и дипломатов, и Правительствующему Сенату приходилось умиленно и униженно просить секретаря личного кабинета Елизаветы, И. А. Черкасова, уловить минутку для доклада сенатских дел и напомнить о неотложности некоторых резолюций, но часто вотще были их старания и просьбы. Это обстоятельство во всяком случае ставило Кабинет Елизаветы и «припадочных» к ней людей в тот «интервал между государем и правительством», который естественно образовался при бездеятельности императрицы. Но дела могли так тянуться только при медленном и спокойном темпе первой половины царствования Елизаветы. Начавшаяся при ней война за австрийское наследство, втянувшая и Россию, заставила заполнить этот интервал более деятельным и полномочным учреждением, чем Кабинет.

На этом настаивают Бестужев-Рюмин и вороха экстренных дел, оставшихся без движения в кабинете. 14 марта 1756 г. созвана была во дворце «Конференция» из десяти самых близких к императрице лиц и министров. Лично присутствовавшая на этой Конференции императрица «объявить и приказать соизволила, чтобы для произведения с лучшим успехом... весьма важных дел и для скорейшего исполнения монаршей воли и повелений собираться нижеподписавшимся в каждой неделе по два раза — по понедельникам и четвергам на Конференцию при дворе». Самостоятельных полномочий и компетенции не было определено для этого учреждения, как и для Кабинета министров в 1731 г.: Конференции предоставлено было право сноситься со всеми учреждениями и лицами «рескриптами» от имени верховной власти, хотя бы эти рескрипты и не были подписаны императрицей; причем Сенат не был подчинен

Конференции, оставаясь «в прежней силе». Но эта неопределенность компетенции нового учреждения, в связи с близостью его к верховной власти, именем которой распоряжалась теперь Конференция, содействовала на практике развитию такой власти Конференции, какая ставит ее в уровень с Верховным Тайным Советом и Кабинет министрами. Конференция «указывает», «предлагает к исполнению», «наисильнейше рекомендует» «как только можно скорее исполнить» коллегиям так же, как и «Правительствующему» Сенату, который иногда протестует против формы сношений и отдельных выражений, но фактически исполняет волю императрицы, направленную и преломленную в Конференции. В таком виде это учреждение переживает даже Елизавету.

Сказанное достаточно поясняет вызванную личными свойствами преемников Петра в данную эпоху необходимость в учреждениях, действующих от имени верховной власти или поглощающих ее, в порядке верховного управления. Эти-то учреждения и занимались, главным образом, не сходявшим с очереди в эту эпоху вопросом, как исправить бремя крестьянского тягла, финансы, штаты, юстицию, торговлю и прочее.

IV. Внутренняя политика

Безотрадную картину представляла Россия после смерти Петра I. Меншиков, Макаров, Остерман, Волков и Ягужинский в поданных ими мнениях об «исправлениях» с откровенностью обнажают язвы России. «Если армия так нужна,— говорили названные птенцы Петра,— что без нее государству стоять невозможно, то и о крестьянах надобно иметь попечение, потому что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата. Теперь над крес-

тянами десять и больше командиров находятся, вместо того, что прежде (до Петра) был один, из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут; тому ж подобны и многие приказчики, которые за отлучкою помещиков своих над бедными крестьянами творят, что хотят... Мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, тем страшнее правеж и экзекуции; крестьянских пожитков в платеж податей не достает, и крестьяне не только скот и пожитки продают, но и детей закладывают, а иные врознь бегут... Хотя и прежде крестьяне бегали, однако бегали в своем государстве от одного помещика к другому, а теперь бегут в Польшу, к башкирцам, в Запорожье, в раскол: и так мы нашими крестьянами снабжаем не только Польшу, но и собственных своих злодеев». А тут еще «уже несколько лет хлебу род худой и от подушного сбора происходит великая тягость, от того, а) что беглые и умершие и взятые в солдаты... не выключены из плательщиков; б) престарелые; г) увечные и младенцы... в тот же оклад положены, а «подушные деньги правят на наличных, чего ради в такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скот, но и семенной хлеб распродавать принуждены, а сами терпеть голод... и великое число умерших от голоду... После расположения полков на квартиры в душах такой ущерб является, что в одном Вологодском полку, который расположен в Казанской губернии, убыло (из населения, содержащего этот полк) слишком 13 000 человек... Да в той же губернии из определенного числа душ на тамошний гварнизонный (sic) полк бежало в Башкиры 2043 души»...

«Купечество в Российском государстве едва не совсем разорено... Не полезнее ли будет купечеству дать волю ездить туда с товаром, куда ему способно, и для того отворить порт Архангельский... К Архангельску

провоз товаров дешевле был, чем к Петербургу... Нельзя не упомянуть о холстах российских, которыми прежде много тысяч крестьян кормилось; а когда указ (Петра) состоялся, чтоб не ткать больше узких холстов, но ткать холсты на широкие берда, то крестьянству прибыла немалая тягость и в казну убыток, потому что крестьянину широкого стану сделать нечем и широкого берда купить не сможет, а у иных крестьян и в избах столько места нет, где такой широкий стан поставить: разорились от этого крестьяне северные, у которых хлеба мало родится»...

И как естественный результат этого истощения платежных сил страны — систематические недоимки, которые с каждым годом во всяком случае не падали.

Из 7 804 880 рублей оклада 1724 года было недобрано 2 086 039 рублей, т. е. 26,7% ожидаемого сбора, в частности недоимки подушной подати равнялись 33%; впрочем, недоимка этого года казалась пустяками сравнительно с тем, что дали податные сборы 1726 года, когда недоимка во многих полковых дистриктах превосходила половину оклада, доходя в некоторых случаях до 82 и 83% окладной суммы.

Намеченная картина характерна не для одного только царствования Екатерины I. Ко времени учреждения доимочного приказа при Анне Иоанновне (1732 г.) считалось недоимки около 15 миллионов, и поступления этого времени не свидетельствовали о поправлении народного хозяйства. В 1734 году, напр., с дворцовых сел и волостей приходилось взять 154 842 руб., а взято только 84 485 руб.; сборщики и плательщики объясняли эти недоборы скудостью крестьян, неурожаем хлеба и побегам. Бироу не хотел знать того, что ясно было для министров Екатерины I, и его исполнительные меры по выбиванию податей и недоимок привели, как известно, еще к большим побегам и разорению народного хозяйства. Двадцатилетнему управлению Елизаветы, сравнительно

бережно относившейся к платежным силам населения, не удалось поправить ни народного хозяйства, ни тем более зависевших от него государственных финансов, вследствие тяжелых войн конца царствования. Правительство Екатерины I, как мы видели, поставило правильный диагноз недомоганиям народной и государственной жизни, оно же наметило и приемы борьбы с ними, частью уже имевшие прецеденты в прошлом, частью отвечающие новым условиям эпохи. Государственные люди видели, что корень систематических недоимок и бегства крестьян лежит, с одной стороны, в хроническом несоответствии бюджета платежным средствам населения, с другой — в чрезмерном истощении народного хозяйства вообще. Вывод отсюда естественный — установить приблизительное соответствие между требованиями фиска и платежными силами тяглецов, путем понижения налогов и уменьшения расходов; найти способы пополнения государственного бюджета, минуя обременительные приемы обложения, и главное, принять меры к поднятию производительных сил страны, оздоровить и укрепить сельское хозяйство в его корнях.

В этом направлении, подталкиваемые необходимостью, и стали действовать лучшие правительства эпохи.

В первую очередь было решено при Екатерине I уменьшить размеры подушной подати с 74 коп. до 70 коп.; но мера оказалась недействительной, и Сенат докладывал, что «действительным сбором оказалось никаким образом того платежа понести не могут, и осталось положенного на крестьян окладу и недоимок близ миллиона»; Сенат рекомендовал, по выяснении действительных плательщиков, взять с наличных по 60 коп. с души на 1726 г., а в следующий год брать по 70 коп.; но в следующем году, уже по решению Верховного Тайного Совета, подушная подать за майскую треть совсем была прощена крестьянам; при этом недоимки предшествую-

щего года было предписано собрать не с крестьян, а с их помещиков или, за отсутствием последних, с их приказчиков, старост и выборных: ибо известно, мотивировалось это решение, что в небытность помещиков в деревнях приказчики их что хотят, то и делают, следовательно, они виновники и недоимок... Несмотря на алчность Анненского финансового правления, даже Анна вынуждена была пойти по стопам предшественников. «Всем известно,— говорила Анна в манифесте по поводу недоимок,— что в 1730 г. подушные деньги на майскую треть, а потом, в 1735 г. на первую половину года с всего государства сложены, всего близ 4 миллионов рублей»; более 2¹/₂ миллионов рублей было сложено недоимок подушной подати в 1752 г., накопившихся с 1724 по 1747 г., несмотря на заявление Елизаветы, что «империя так сильно возросла, что лучшего времени своего состояния, какое доньше ни было, несравненно превосходит в умножившемся доходе государственном и народе»... В 1753 г. нашли возможным подушную подать еще уменьшить на 5 коп. с души.

К «великому же облегчению крестьянства» была отменена в 1727 г. мера Петра о распределении полков среди населения. «Как для лучшего содержания полков, так и для облегчения подданных,— говорилось в указе Екатерины I,— впредь полки селить при городах и преимущественно пограничных и таких, где хлеб дешевле и обилие леса».

Произведенной при Елизавете ревизией (1743—1747 гг.) была сделана попытка выяснить действительные платежные силы населения, чтобы налоги распределялись по наличным плательщикам, а не обременяли одних за ускользавших или выбывших из тягла других. Вместе с тем принимались меры к возвращению беглых на их прежние места прикрепления: для этого не ограничивались сыском беглых внутри государства, но в международных договорах (напр., с Швецией) вводи-

лись §§ о размене беглыми, и после русское правительство не раз представляло шведам, что число возвращенных не соответствует числу бежавших. Наконец хотели облегчить тяжести податных повинностей, переводя их в 1727 г. с денежных на натуральные, где этого пожелали бы сами крестьяне. Но все эти меры исправляли только последствия разорения народа и в лучшем случае уменьшали действие обложения, непосильного для разоренного хозяйства страны, но мало содействовали оздоровлению этого хозяйства, усилению его производительных сил. Правительства эпохи дворцовых переворотов обратили свое внимание и на эту сторону дела и пытались разрешить этот трудный вопрос в духе экономического строя эпохи и интересов господствующего сословия.

Уже в поданных Екатерине I мнениях об исправлении Петровского наследства сотрудники Петра рекомендовали «две части офицеров, урядников и рядовых, которые из шляхетства, отпустить по домам, а третью долю оставить при полках — иноземцев и беспоместных, которые без жалования прожить не могут, от чего будет двойная прибыль: жалование их (т. е. отпущенных по домам) в казне останется, деревни свои осмотрят и в порядок приводить станут». Мы цитировали уже Фоккеродта, который передает жалобы русского шляхетства на разорительную для дворян постоянную службу в полках: «разоряют не на живот, а на смерть наших крестьян; да и мы сами должны... многие годы к ряду жить вдалеке от своих домов и семейств, входить в долги, между тем отдавать свои поместья в варварские руки наших чиновников, которые зауряд так их доймут, что, когда, наконец, придет такое благополучие, что нас по старости или по болезни уволят, нам и всю жизнь не поправить свои хозяйства!»... Подобные взгляды шляхетства были известны правительству. В безымянном проекте, поданном в Анненский кабинет, отпуск шляхетства в поместья рас-

сма­тривался как панацея от недугов современной авто­ру Рос­сии. В нем говори­лось: «В отлучении всего шляхетства от своих домов, всеми их домами и деревнями владеют приказчики и старосты, которые непорядками своими помещиков и крестьян разоряют, шляхетство своим фамилиям вспомо­жения учинить не может, а в крестьянских сборах доимки, крестьяне помещи­кову и свою пашню запус­кают, в воровствах и разбоях являют­ся, тюрьмы таковыми везде наполнены. Надобно опре­делить двойное число обер-офицер и расписать в полки пополам, отпустить одну половину в дома без жало­вания, а другой половине быть три года в полку неотлучно. Притом не соизволено ли будет некоторое определен­ное время положить, сколько в военной и штатской службе быть, а потом от­ставлять: то б всякий с приле­жанием и охотою службу свою отправлял в такой надежде, что ежели Бог веку его продолжит, будет иметь время деревнями своими довольствоваться и веселиться и эконо­мии свои исправлять; а из сего еще польза: 1) особ­ливых офицеров и солдат на вечных квартирах держать не для чего; но всякий помещик вначале в своих деревнях порядочный сбор подуш­ных денег установит и деревни в лучшее состояние привести может. 2) Охранены будут крестьяне от воеводских и приказных лишних сборов и нападков. 3) Может всякий помещик сам подушный оклад без высылки за­платить. 4) Крестьян от воровства удержи­вать не потребны будут сы­щики, от которых не мень­ше офицерского бывает обывателям разорения».

Ограничение военной службы 25-летним сроком, с «употреблением в военную службу от 20 лет», чтобы не старым получать увольнение в деревни, освобождение от военной службы одного из братьев, при нескольких братьях в семье «для смотрения (их общих) деревень и экономии» было официальным признанием правоты шляхетских стремлений «для лучшей государственной

пользы и содержания шляхетских домов и деревень», как говорилось в манифесте императрицы Анны от 31 декабря 1736 года.

Мерою этой правительство стремилось достигнуть разносторонних результатов: мы не говорим уже о политических побуждениях — вознаградить шляхетство за услуги, оказанные ими Анне восстановлением самодержавия, что составляло наиболее приятный дар для шляхетства; с политическими мотивами здесь переплетались и финансово-экономические соображения. Правительство и шляхетство видели одну из основных причин разорения тяглого крестьянства в бесконтрольном хозяйничанье приказчика в поместье и чиновника в податном дистрикте, при отсутствии хозяйского присмотра и патрональной защиты помещика. С этой точки зрения освобождение части шляхетства в полный отпуск в деревню и всего военного и служилого шляхетства после 25 лет службы в поместья казалось мерою столько же хозяйственной, сколько и государственной. Признавалось молчаливое согласие интересов помещика и фиска, — так как личное наблюдение шляхетства за поместным хозяйством должно было, по мнению законодателей, увеличивать доходность этого хозяйства и вместе поднимать податную платежеспособность тяглецов, и в лице отпущенного в деревню шляхтича казна приобретала таким образом ответственного агента по исправному сбору подушной подати, ответственного потому, что теперь на помещика переносится обязанность вносить подати за своих крестьян, за своею имущественною и личною ответственностью. Высказанная при Екатерине I в виде предположения, мысль эта воплощается при Анне (27 июня 1731 г.) в закон, которым предписывалось помещикам или их управляющим собирать с своих крестьян подать по полугодиям и отвозить ее к воеводе в определенный срок. Экзекуционные обряды и правежи,

которым подвергал Бирон запустивших подушную подать, показали помещикам обратную сторону их, так сказать, «служебного» хозяйничанья в деревнях. Разразившийся в 1733—1735 гг. неурожай с его тяжелыми последствиями для крестьянства вызвал несколько раз повторенный указ об обязанности землевладельцев кормить своих крестьян и давать им хлеб на обсеменение полей; вместе с тем запрещалось переселять самовольно крепостных из одного поместья в другое, «дабы от такого безуказного перевода в платеже подушных денег и рекрут... не было помешательств и недоимок»... Но эти обязательства требовали и полномочий, чтоб помещик мог беспрепятственно развернуть свою предприимчивость в отведенной ему новой области управления. И правительство не скупится в наделении его такими полномочиями: обязательство собирать подати, вместо прежних податных чиновников (комиссаров), влекло за собой неограниченную власть помещика в распоряжении крепостным трудом и его эксплуатации. Рядом других указов 1736 г., 1758 г. и 1760 г. правительство вручало помещику обширную судебно-полицейскую власть с правом следить за поведением крестьян и налагать на них наказания вплоть до ссылки в Сибирь, с зачетом сосланных за рекрут. Правительство тем охотнее наделяло шляхетство этими полномочиями, что с перенесением на помещика обязанностей по сбору податей и судебно-полицейского управления являлась возможность упразднить соответственную областную администрацию (комиссаров) и сократить часть расходов на управление; сокращение расходов достигалось еще и в том отношении, что с уменьшением служилого военного шляхетства сокращались и расходы по армии. Вообще говоря, упрощение и сокращение сложной системы Петровских учреждений, областных и частью центральных, непрерывно продолжалось при преемниках Петра Великого в целях удешевления этого управления.

На Петровскую областную реформу резко ополчились сотрудники Петра, едва он смежил очи. В докладе Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова говорилось: «Теперь над крестьянами десять и больше командиров находится, из воинских, начав от солдата до штаба и генералитета, а из гражданских — от фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих до воевод, из которых иные волками, в стадо ворвавшимися, называться могут». Между тем эта сложная, тяжелая и дорогая машина недостаточно гладко и целесообразно действовала: «Народу от многих и разных управителей тягости и волокиты», говорили в Верховн. Тайн. Совете о Петровских учреждениях, приписывая им эти исконные явления русской действительности, и при этом настолько добросовестно забывали «тягости и волокиты» старых воеводско-приказных порядков, что видели в возвращении к ним средство к исцелению «волокиты и тягостей»: «прежде бывали во всех городах одни воеводы, и всякие дела как государевы, так челобитчиковы, также по присылаемым из всех приказов указом исправляли и были без жалования, и управление одним человеком было лучше, люди были довольны». В результате в 1727 г. были уничтожены должность рекетмейстеров, надворные суды, причем суд и расправа снова соединены были в руках забытой памяти губернаторов и воевод, «понеже,— говорила Екатерина I,— чин воеводский уездным людям в отправлении всяких дел может быть страшнее», а «нашим подданным тем показано может быть облегчение, и вместо бы разных многих канцелярий и судей знали бы одну канцелярию и... в даче жалования напрасного убытку не было бы». Посягнули даже на центральные учреждения Петра. В Верховном Тайном Совете указывали на лишние канцелярии и коллегии, а в необходимых коллегиях усматривали слишком большой их состав; поэтому решено было сократить персонал коллегий до 6 человек, из которых

трое заседают в коллегии, а трое живут по домам, сменяясь погодно; при Анне мануфактур- и берг-коллегии сливаются с коммерц-коллегией в одну. Но и этот урезанный персонал старались содержать подешевле. Так, в 1736 г. решили выплачивать чиновникам жалованье сибирскими и китайскими товарами, в 1739 г., по старому закону Петра I, постановлено было гражданским чинам уменьшить оклады до половины окладов, соответствующих по табели чипов военных. Впрочем, от такого упрощения Петровской администрации и урезывания штатов дела не пошли лучше,— «волокита и тяжести народные» не уменьшились; напротив, воеводы оказались волками не менее хищными, чем были все эти камериры, комиссары и т. п., и Анна вынуждена была сокращать срок воеводского управления, открыто признавая, что «многие воеводы чинят людям великие обиды»... Не уменьшилась и волокита: по докладу Сената в марте 1730 г. в одной Московской губернской канцелярии с 1727 г. накопилось 21 388 невершенных дел, перенесенных из надворного суда к губернатору! Анна и еще полнее Елизавета вынуждены были восстановить некоторые из отмененных учреждений Петра Великого. Единственно, что было достигнуто этою ломкою Петровской системы управления, это сравнительное сокращение расходов на его содержание, но это сокращение, впрочем, бегло сделано в пользу манежей и тиров, а не ради облегчения народной «тяжести». Не безынтересно сопоставить некоторые цифры бюджета 1734 г. Из 8 милл. расходов тратилось на армию и флот около 61/2 милл.; остальные 1285 тыс. шли на удовлетворение прочих государственных потребностей, причем на двор Анны тратилось 260 000 руб., а на центральное управление 180 000; на придворное конюшенное ведомство с Бироном во главе 100 000, а на всю областную администрацию 51 000 руб.; на содержание Анны Леопольдовны 61 000, а на жалованье учителям вместе с

геодезистами 4500 руб.; на строения тратилось 256 000, а на жалованье высших государственных сановников 96 000 рублей.

Дешево стоящая правительству администрация всею тяжестью своей традиционной алчности и недобросовестности ложилась на народное благосостояние, так как не получавшие жалованья чиновники вынуждены были открыто перейти к системе кормлений и «посулов». И во всяком случае не в экономии на учреждениях находили облегчение народным тяжестям, равно как не в отпуске помещиков по деревням крылось возрождение народного хозяйства, так как достигаемое в последнем случае улучшение покупалось ценою полного рабства и произвола, воцарившегося в отношениях опекаемых и опекунов.

Некоторым временным облегчением тяжести государственных требований, предъявляемых народному хозяйству, представлялись меры и операции в области финансов. Особенно в этом отношении выделяется царствование Екатерины I и Елизаветы Петровны: правительство Анны пробавлялось только выжиманием податей и недоимок по готовым образцам. При Екатерине I в 1727 г. возобновляется деятельность московского монетного двора, где за последние годы дело велось «раковым ходом», по свидетельству Волкова. Решено было в короткий срок сделать медной пятикопеечной монеты для первого раза на 2 милл.; велено чеканить их старым штемпелем, как будто готовятся они на перемену старых пятаков, и предписывалось держать в полном секрете количество выпущенной монеты, чтоб в других государствах не имели о России предосудительных суждений по поводу этой операции. Проектер Елизаветинского царствования, П. Шувалов, побуждаемый корыстолюбием столько же, сколько стремлением «найти нужные суммы для удовлетворения роскоши императрицы», повто-

рил операцию с медными деньгами. Он перелил старые пушки, это «неизвестное и погибшее сокровище», в деньги, причем уменьшил вес старой медной монеты вдвое, мотивируя это и прибылью казне, и облегчением населения в том смысле, что такие деньги вдвое легче будет перевозить: эта операция дала возможность Шувалову не только содержать особый корпус, но и учредить ссудный дворянский банк, занимая из которого, «должно было платить по 2% и через несколько лет внести капитал серебром». Впрочем, операции эти, удовлетворяя неотложную нужду, в конечном счете отражались тяжело на народном хозяйстве. Если верить кн. М. Щербатову, впрочем, большому недоброжелателю П. Шувалова, «бедные подданные на капитале медных денег хотя не вдрут, но $\frac{3}{5}$ капиталу своего потеряли». Да и банковые операции принесли, по мнению того же Щербатова, больше пользы организатору банка, чем клиентам, на которых он был рассчитан. «Кто сам банком воспользовался?» — спрашивает Щербатов, и отвечает: «сам (Шувалов) взял миллион; Гот, взявший у него на откуп олонекские леса и взятые деньги отдавший ему; армяне, взявшие в монополию астраханский торг и большую часть взятых денег отдавшие ему; кн. Б. С. Голицын, который, уверяют, из 20 тыс. взятых денег токмо 4 тыс. в пользу себе употребил».

Тому же Шувалову принадлежит обращение соляного промысла и винной продажи в статью экстренного усиления доходов про черный день. Усилившиеся расходы во время войн Елизаветы поставили ребром вопрос об усилении быстро опустевшего казначейства. Играя на стремлении Елизаветы «относительно народа оказывать большую умеренность», Шувалов доказывал, что для экстренных сборов для населения будет менее чувствительно внести эти налоги в виде косвенного сбора, чем в форме прямой подати. Требуется, говорил он, усилить бюджет на 2 028 815 руб. Если эту сумму собрать с

положенных в подушный оклад, то придется с числа ныне обревизованных душ, именно с 6 491 781, сверх обыкновенного подушного сбора положить на душу по 31 $\frac{1}{2}$ копейки, что будет им чрезвычайно тяжело, да и нельзя надеяться, что бездоимочно можно набрать; другое дело, если разложить эту сумму на потребляемую в государстве соль и вино. Известно, говорил Шувалов, что соли расходуется 7 474 078 пудов и вина не менее 2 милл. ведер; для получения названной суммы следует наложить на пуд 13 $\frac{3}{4}$ копейки и придет 1 028 815 руб., а на вино по 50 коп. на ведро, и получится 1 миллион: или прибавить на вино и убавить на соль.

Елизавета согласилась на этот налог, тем более, что из поступлений «соляной суммы» был образован «заповедный миллион на комнатные и прочие ее императорского величества расходы»; но ожидаемой суммы соляная реформа все же не дала, уменьшивши в то же время количество потребления соли, что вело к цинге и другим заболеваниям: «Умножил цену на соль,— говорит Щербатов,— и сим самым приключил недостаток и болезни в народе»... Для поднятия доходов с винной продажи Шувалов предпринял жестокую борьбу с корчемством,— «учредил род инквизиции, изыскиющей корчемство, и обагрил российские области кровью пытаных и сеченных кнутом, и пустыни сибирские, и рудники наполнил сосланными в ссылку и на каторги; так что считают до 15 тысяч человек претерпевших»...

Старались повыгоднее отдать монопольную продажу табаку и других товаров. Шувалов хвалился в Сенате, что по его изобретениям казна получила прибыли более 15 миллионов рублей. Благодаря усилению косвенных налогов в 1753 г. явилась возможность уменьшить подушную подать на 5 коп.; но это «полегчение» было отменено, как только разразившаяся война опустошила государственное казначейство.

По примеру Петра Великого, в эту эпоху и особенно в царствование Елизаветы много хлопотали о поднятии промышленности и торговли; как и при нем, при его преемниках создавалась сложная система государственной опеки над промышленностью и торговлей, принимавшей подчас тягостные и даже тормозящие формы. Казенные субсидии, отдача в частные руки казенных предприятий, казенные и частные монополии, вмешательство в организацию и руководство предприятиями частных лиц, особенно, если на их заводах приготавливались нужные для государства фабрикаты, предоставление разным предприятиям бесплатных рабочих рук посредством принудительного наряда на работу, все это говорило о заботливости правительства, шедшего по стопам Петра, но все это мало содействовало нормальному развитию производительных сил страны. Принудительно-крепостной характер правительственной опеки сушил живые движения экономической жизни, а безответственный бюрократизм, заслонявшийся за спинами фаворитов, обесценивал даже положительные плоды этой системы, обращая доходы государства в выгоду частных лиц. Про того же П. Шувалова мы читаем у кн. М. Щербатова: «Пользуясь узаконением Петра Великого, чтобы заводы рудокопные отдавать в приватные руки, Шувалов испросил себе знатные заводы и между прочими лучший в государстве гороблагодатский, и сие с такою бессовестностью, что когда сей завод, могущий приносить прибыли многие ста тысячи рублей, был оценен в 90 тысяч, то он не устыдился о дорогой оценке приносить жалобу Сенату, и получил его по новой переоценке, где не справедливость и не польза государственная была соблюдаема, но страх его могущества, не с большим за 40 тысяч; завод, при котором было приписных до 20 тыс. душ,— завод, приносящий после ему 200 тыс. руб. и который после взят был обратно короною за его (Шувалова) долги, за 750 тыс. рублей».

Все эти предприятия правительства, направленные к облегчению непосильного бремени, предъявленного государством народному труду, не могли, конечно, облегчить его, и крепостное право, вызванное хроническим несоответствием между платежеспособностью населения и государственными расходами, естественно, продолжало развиваться в его юридических и бытовых формах даже в то время, когда шляхетство, под влиянием политических и фискально-хозяйственных побуждений, постепенно сбрасывало с себя обязательную, тоже крепостную службу государству.

V. Международная политика

Международная политика эпохи дворцовых переворотов в общем следовала «системе» Петра и «конъюнктурам» европейских государств, чему немало содействовали как глубокая согласованность этой «системы» с жизненными интересами России, так и оставленная Петром Великим школа русских дипломатов. Головкин, кн. В. Л. Долгорукий, Остерман, Бестужев-Рюмин,— все это были люди, хорошо изучившие, под руководством Петра, международные «конъюнктуры» своего времени, знавшие удельный вес России и других государств Европы, усвоившие себе приемы дипломатической интриги не хуже своих западных учителей. Конечно, разным царствованиям эпохи отвечала большая или меньшая интенсивность русской политики, в зависимости от состояния государственных финансов, внутреннего покоя и династических связей царствующей особы, но основной характер отношений остался прежний, и не мудрено слишком определенно очертил Петр Великий границы России и слишком ясно показал Европе удельный вес своего государства на весах международной политики:

его враги, хотя и замиренные, остались врагами и его преемников, равно как и старые союзники Петра, соединенные общими интересами, неизменно будут держаться испытанных связей. Менее всего удалось Петру Великому ликвидировать свои отношения к Востоку. Прутский позор не был отмыт; потери у Черного моря не были возмещены приобретениями от Персии у Каспия: занятые здесь области превратились в кладбище для русских гарнизонов. Крымско-турецкая граница была больною частью русской периферии: борьба откладывалась, но была неизбежна.

В этом направлении Австрия была естественным союзником России, так как интересы Австрии и Турции были непроходимо запутаны. Солидарность интересов России и Австрии не исчерпывалась ближним Востоком. Слабая их общая соседка Польша требовала солидарной опеки этих двух соседей, в целях устранения могущественных влияний Франции, старого соперника Австрии, пытавшегося расшириться за счет слабых соседей (Испании, германских княжеств) территориально и вытеснить с мирового рынка Старого и Нового Света промышленных конкурентов (Голландию и Англию). Тридцать с лишком лет войны Людовика XIV почти со всею Европой (против него действовали Австрия, Англия, Голландия, Бранденбург, Пруссия, Испания, Швеция, Савойя) хотя и ослабили расцветшие при Кольбере силы и средства Франции, но не уничтожили притязаний Франции на международные влияния в Европе.

Непримиримое противодействие со стороны Австрии на континенте и Англии в колониях определило отношение Франции к союзникам своих врагов. Солидарная с Австрией в вопросе восточном и польском, Россия с своими прославленными корпусами была недвусмысленной угрозой для Франции в ее стремлении теснить уязвимую Австрию на границах, а Англию — в Ганновере, отку-

да были призваны на престол Англии известные Георги. Естественное чувство самосохранения побуждало Францию действовать против России чрез посредство ее заклятых врагов, Турции и Швеции, из которых последняя, конечно, не могла покинуть надежды на реванш России, а подкупность партийных вождей и влияние горсти аристократов на судьбы Швеции давали Франции богатую и плодородную ниву для посева вместе с золотом постоянной вражды к России. Франция каждую минуту готова была спустить Турцию и Швецию на Россию, чтоб отвлечь последнюю от поддержки ее врагов.

Не столь определенны были отношения России к Англии. Не одни только волны, шедшие от русских берегов Балтийского моря, беспокоили владычицу морей. Несчастное родство Петра с владетельными герцогами Голштинии было в колесе русской дипломатии тою палкой, которая все это время тормозила ее естественный путь. Дело в том, что Дания захватила у голштинских герцогов Шлезвиг, и все время была в смертельном страхе от России, на престоле которой сидел родственник голштинских герцогов и мог сесть даже сам герцог, в качестве внука Петра I (впоследствии Петр III).

Не менее тревожные взоры бросала Дания и на Скандинавский полуостров, так как Швеция находила свои счета еще не совсем сведенными с Данией, тем более, что на шведском престоле тоже сидел король голштинского дома. Единственная надежда была на Англию, соседку по Ганноверу, не желавшую дать России лишнюю базу на море, и Францию, недоброжелательную России; обе эти державы в особенно тревожные минуты для Дании грозили послать, а иногда и посылали свой флот для прогулки в Балтийское море, ввиду Петровского флота, беспризорного и разрушающегося; но могущественные покровительницы Дании втягивали ее в рискованную политику: Франция — в союз с Швецией против России

и косвенно — против Австрии, Англия — в ганноверскую систему, — косвенно против Франции и опять России: и та и другая комбинация не только была вызовом против России, силы которой Копенгаген ясно себе представлял, но и Австрии, согласие цезаря которой было нужно для санкции захвата Шлезвига.

Чем была для России Голштиния в отношениях к далеким соседям, то же представляла из себя Курляндия в установлении добрососедских отношений с ближайшими западными государями, наиболее заинтересованными в судьбе Курляндии, а именно с Польшей и Пруссией; но эти две соседки были не опасны: в Польше русские войска и деньги решали вопросы внутреннего порядка и управления; прусский король Фр.-Вильгельм I больше всего боялся, чтобы его владения не сделались «театром войны», и Курляндия была обреченной жертвой преимущественного влияния России. В общем, как видим, Россия не была угрожаема от соседей, напротив, враждебная ей часть Европы и Азии стремилась удержать Россию в бездействии, как опасную союзницу ее друзей. Это обстоятельство дало возможность России уладить более или менее свои внутренние дела, без вторжения в них иноземной силы, чтобы потом властно вмешаться в дела Европы, когда «конъюнктуры» ее стали очень задевать интересы России.

Стокгольм, Копенгаген, Париж ликовали при вести о смерти Петра, но были разочарованы, когда посланники их сообщили из Петербурга, что воцарение Екатерины I произошло без замешательства. Дипломатия западная волновалась и предпринимала свои шаги по вопросу о преемнике Екатерине I, так как вступление на русский престол особы голштинского дома, чего желала сама Екатерина I, волновало Данию и ставшую на ее сторону Австрию, главным образом, потому, что австрийскому императору хотелось видеть на русском престоле пле-

мянника Петра Алексеевича (Петра II). Англия ввиду голштинских тенденций Екатерины I послала даже свой флот в воды Балтийского моря.

Ганноверский министр при датском дворе, Ботмар, встретившись с русским посланником в Копенгагене Бестужевым, обменялся с ним дипломатическими шпильками. Ботмар спросил Бестужева: «Видел ли он английский флот?» и стал его хвалить: «Прекрасный флот!» «Этого флота я еще не видел,— отвечал Бестужев,— но тот флот, который в 1721 г. возвращался от берегов (разоренных Петром на виду у флота) Швеции в Англию, я видел». Морская демонстрация кончилась только дипломатической перепиской.

Если вступлению на престол Петра II сочувствовала и даже содействовала Австрия с Данией, то воцарившемуся при нем затишью в области внешней и внутренней политики России радовались даже те, кому опасны были международные выступления России. Да и России ничто не угрожало: Турция воевала с Персией. Враждебные отношения государств Западной Европы готовились разрешиться мирно на международном конгрессе, где русская дипломатия шла в ногу с австрийской; в Курляндии корпус генерала Лесси выгнал желанного для курляндцев и еще более для Анны Иоанновны (по сердечным соображениям) Морица, уже выбранного Курляндским сеймом, и запретил польской комиссии приступить к составлению проекта разделения Курляндии на воеводства.

Вступление на престол Анны Иоанновны в общем мало изменило создавшиеся международные «конъюнктуры» в Западной Европе, если не считать военного выступления России вместе с Австрией против Франции и ее кандидата на польский престол, Станислава Лещинского, за общего австро-русского ставленника Августа, курфюрста Саксонского, до вручения Курляндской короны Бирону. Больше, чем Западная Европа, тревожила

Россию при Анне Порты, которая слишком злоупотребляла своим неведением того, что делается на ее границах ее подданными, в частности крымцами, и к тому же разжигаемая теперь Францией, за польские вмешательства России. Анна объявила Турции войну. Юнкер, член Петербургской Академии Наук, очень близко стоявший к Миниху, главнокомандующему в эту войну, в общем верно передает международную политику России перед началом этой кампании.

«Россия находилась тогда,— пишет Юнкер,— в самых благоприятных обстоятельствах, которые могли обещать ей успех в предприятии (против Турции). Казна была полна, войско в хорошем состоянии, и при государственном устройстве соседних европейских государств (Польши и Швеции, раздираемых внутренними партийными распрями) их нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азии. Анна взошла на престол с твердым намерением следовать правилам своего дяди Петра I, довершить начатое им, опираясь более на честность и способность иностранцев, чем природных русских. При таком повороте почли нужным армию и всю нацию занять чем-нибудь внешним и вместе следовать плану Петра I. И так как теперь приняли за основание не увеличивать более своих пределов на счет европейских государств, а только удерживать их при существующем правительственном устройстве, то и обратились к Востоку».

Мы уже говорили о блестящих успехах Миниха в эту войну, достигнутых ценою громадных потерь в русской армии, потерь, часто не вызываемых необходимостью и порицаемых иностранцами. Но столь дорогие, хотя и блестящие успехи (взятие Перекопа, Козлова, Бахчисарая, Кинбурна, Азова, Очакова, Хотина и Ясс) не отвечали приобретениям победительницы. Мир с побежденной Турцией дал России всего-навсего Азов без укреплений и окрестностей, право построить крепость

на донском острове Черкасске и лишение России права иметь свой флот на Черном море. Неудаче мирного договора содействовали, во-первых, интриги Франции, послу которой, к слову сказать, поручено было Россией выработать условия мира, и, во-вторых, неудача Австрии, потерпевшей поражение от турок, после чего, по донесению русского поверенного, «вскрылась мирная негоциация (Австрии с Турцией) зело гнило, неслыханно и такова, что добрая союзничая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана»... Миних затаил ненависть против Австрии, обесценившей все его победы, и имел возможность даже отклонить политику России от старого пути, все время параллельного Австрии. Но это было уже в царствование Иоанна Антоновича. Почти одновременно с Анной Иоанновной умерли прусский король Фридрих-Вильгельм I и австрийский император, последний Габсбург, Карл VI. Со смертью последнего пред Европой стал вопрос об австрийском наследстве, потому что у Карла не было мужского потомства, а за дочерью его, Марией-Терезией, не хотели признать права на объединение владений габсбургского дома в ее руках. Случай для Франции был слишком заманчивый, чтобы она отказалась ослабить своего исконного соперника на континенте. Одновременно и Пруссия выступила с притязаниями на вымороченные, по ее мнению, владения,— благо король Фридрих Великий унаследовал от бережливого отца великолепную, почти стотысячную армию, полную казну (около 9 милл. талеров) и цветущее народное хозяйство (с 3 милл. населения). Рассчитывая на эти силы и на солидарность Франции, Фридрих и поспешил занять Силезию, когда Франция только еще собиралась объявить войну Австрии. Тут-то и выступил Миних, который в качестве первого министра правительницы Анны Леопольдовны готов был признать закономер-

ность действий прусского короля, вопреки ясному обязательству России защищать венский двор. Правда, тенденция Миниха послужила даже официальным предлогом к его свержению, но помочь Марии-Терезии Россия не могла хотя бы потому, что Франция нашла момент удобным для того, чтобы спустить Швецию на Россию, под предлогом защиты прав семени Петра против немецких узурпаторов.

Переворот, возведший Елизавету на русский престол, поставил ее в затруднительное положение к западноевропейским конъюнктурам.

С одной стороны, симпатии Елизаветы влекли ее к Франции, представитель которой, Шетарди, много сделал для организации переворота; но за Францией стояла Швеция, которая требовала за «услугу», хотя и неудачную для Швеции, уступки земель, что побудило Елизавету продолжать победоносную борьбу с защитницею своих прав. В то же время политика отца, ставшая традицией, истинные интересы России и опасение усилившейся Пруссии за счет союзной Австрии, а потом вмешательства ее в дела Польши и Курляндии — побуждали Елизавету вступить за Марию-Терезию и пойти на соблазн Англии, предлагавшей миллионную субсидию за мобилизацию русского тридцатитысячного корпуса в защиту материковых английских владений (Ганновер) против французских войск.

Пока Елизавета колебалась, война за австрийское наследство кончилась в пользу Пруссии, которая присоединила видную часть габсбургских владений.

За союз с Австрией и Англией против Пруссии и Франции стоял канцлер Елизаветы Бестужев-Рюмин; но ему удалось провести свою «систему» против сильных влияний, окружавших Елизавету. Лесток, любимец императрицы, был предан Франции и всячески старался не только помешать Бестужеву в его «системе», но и сверг-

путь его путем интриг. За Фридриха стояла и голштинская клика, рабски преданная в лице наследника Елизаветы, Петра Феодоровича, прусскому королю. С другой стороны, заступиться за Австрию значило отказаться от тенденции Елизаветы «относительно народа оказывать большую умеренность». Сенаторы и представители центральной администрации были солидарны с вице-канцлером М. Ил. Воронцовым, который спрашивал: «Состояние империи позволяет ли такую трату людей и денег?»

Но Лестока Бестужеву удалось погубить, наследник не имел никакого влияния на дела; вскрытие писем прусского посла и неосторожные отзывы Фридриха об Елизавете дали Бестужеву сильное средство настроить императрицу против Франции и Пруссии и склонить ее в пользу «системы» Бестужева. Нападение Фридриха на саксонского курфюрста, который был королем Польши, побудило Елизавету двинуть свой корпус к границам Пруссии и заключить союзный договор с Австрией. В 1748 г. Россия послала свой тридцатитысячный корпус против Франции, на защиту Ганновера и Голландии. Эти выступления России имели своим следствием только ускоренное заключение мира между борющимися державами. Бестужев хвалился, что его системе «приписывать надобно дарованную на время Европе тишину и покой, в котором король прусский сам остался и своих соседей оставил». Но это не значило, что «покой» упрочен. Бестужев продолжает работать над способами «укрощения» прусского короля и восстановления Австрии в ее правах. Между тем в отношениях борющихся государств произошел переворот. С одной стороны, охладели отношения между Австрией и Англией, помогавшей первой субсидиями в борьбе с Пруссией, и Англия нашла больше пользы для себя сблизиться с Пруссией, способной более, чем Австрия, оградить интересы Англии на материке. С другой стороны, и Франция сбли-

жается с Австрией, довольная своими успехами и опасаясь союза Пруссии с Англией. Незаметно втягивается в союз с Австрией и Францией и Россия, отшатнувшаяся от единения с морскими державами. И против Пруссии выступила неожиданно для официальных дипломатов союзная сила трех государств (Франции, Австрии и России), приведшая прусского короля почти к гибели, от которой он был спасен смертью Елизаветы. Преданность Петра III прусскому королю выразилась в приостановке действий русской армии. Пруссия и из этой непосильной борьбы вышла победительницей. Зато ничего не приобрела Россия, кроме напоминания Европе о своей силе, которую она могла бескорыстно бросать на весы европейского равновесия, — «honoris causa».

VI. Просвещение эпохи

Эпоха дворцовых переворотов отличается особым оживлением по части организации просветительных учреждений. Учреждается в Петербурге Академия Наук, и при ней университет с гимназией; открывают Московский университет с гимназиями в Москве и Казани. Заводятся сословно-профессиональные учреждения: шляхетский, морской, артиллерийский и инженерный кадетские корпуса, пажеский корпус и гарнизонные школы; наконец, заметно развиваются духовные семинарии «в надежде священства».

Много начинаний, еще больше проектов и уставов, лучшие из которых остаются литературными упражнениями, не получая осуществления, несмотря на высочайшее одобрение.

На открывшейся ниве пробуют свои семена и приемы обработки люди разных профессий, мировоззрений и педагогической подготовки, начиная от Воль-

фа и Ломоносова и кончая Минихом и секретарем лейб-медика Шумахером. Создается впечатление какого-то столпотворения Вавилонского. К одному и тому же делу призваны люди, говорящие не только на разных языках, но и на языке разных понятий и традиций, люди не только не понимающие друг друга, но и не могущие сговориться между собою. Создаются всесословные учебные заведения в сословном государстве, своеобразно отражающие в своем бытовом строе формы сословной розни; школу строят на общеобразовательных началах и требуют от нее удовлетворения профессиональных нужд государства «наискорее»; организуется чисто сословное профессиональное учреждение, но с программой, вытесняющей специальные предметы, и с включением в состав сословного заведения разночинцев, за уклонением от обучения в сословных школах лиц, для которых эти школы заводились. Одним словом, много просветительных учреждений, большой, разноязычный шум вокруг них и подчас серьезная, глубокая, искренняя и мудрая работа, но мало толку: дело просвещения находится в стадии зарождения и опытного приложения к жизни. Делались опыты, результатами которых воспользуются позже. Корни неудачи не в неумении организаторов дела, и даже не в том, что это были все люди разной закваски и культуры; а в том своеобразном положении русского общества, в котором старались воспитать культурные навыки к наилучшему удовлетворению предъявленных ему государством запросов, причем навыки эти хотели привить при посредстве образовательных приемов, успешно практиковавшихся в среде, далеко ушедшей от России по своему культурному уровню. Неудача еще и в том, что государство не могло быть последовательным и терпеливым к своим начинаниям, от которых вынуждено было требовать немедленного удовлетворения своих запросов.

Петр Великий больше всего заботился о профессиональных учебных заведениях, потому что ему нужны были специалисты по разным техническим вопросам; но мысль об устройстве общеобразовательных заведений не покидала его и вылилась, наконец, в проекте Академии Наук. «Расположением наук» в России Петр думал покончить с культурной зависимостью от Запада. Чтобы «людей своих елико можно скорее обучить», нужно было в России завести рассадник высших «художеств и наук», — «хитростнонаук учения», и только «чрез обучение и расположение оных, — надеялся Петр Великий, — польза в народе впредь будет». Но легко было сознать назревшую нужду — труднее найти средства к ее удовлетворению. Петр отлично усвоил себе строй ученых и учебных учреждений Западной Европы и ясно оттенил существенные задачи каждого из них. По смыслу подписанного им проекта Академии Наук, создавались два рода учреждений для распространения наук и художеств: Академия Наук и университет. Первая представляет из себя «социетет наук», собрание ученых, которые не только стоят на высоте современных им знаний, «в том градусе, в котором оные ныне обретаются», но и сами стараются через новые открытия и изобретения подвинуть науку вперед. Это — ученое, а не учебное учреждение: последняя задача отвлекла бы академиков от научных занятий и разрешается обычно в университетах, где ученые профессора обучают молодых людей «высоким наукам, до какого состояния оные ныне дошли».

Но плодотворные на Западе, оба эти учреждения неприменимы в их чистом виде к «ситуации» России. Одна Академия, двигающая науки, не принесет скорой «пользы в народе», так как в России нет подготовленной среды для восприятия научных открытий и изобретений. Для университета же нет подготовленных слушателей, потому что в России нет «прямых школ», гимназий

и семинарий. От предков Петр унаследовал начетчиков, сам же с грехом пополам своими экскурсиями и специальными школами подготовил профессиональных мастеров, уже введенных в дело. Нужно было все начинать сызнова, не только возводить здание, но и наносить для него фундамент, подобно постройкам в Петербурге, а для этого требовалось такое учреждение, которое и знания бы «умножало», и готовило профессоров, и заодно аудиторию для них.

Заведение Академии Наук с университетом и гимназией при ней и должно было «с малыми убытками, с великою пользою чинить то же, что в других государствах три разные собрания чинят». На возражения, что в России нет почвы даже для такого учреждения, Петр, по словам Татищева, ответил притчею: «Некоторый дворянин желал в деревне у себя мельницу поставить, а не имел воды. И видя у соседей озера и болота, имеющие воды довольство, немедленно зачал, по соглашению оных, канал копать и на мельницу припас заготовлять, которого хотя при себе в совершенство привести не мог, но дети, сожалея положенного иждивения родителя их, по нужде принялись и совершили».

Петр не успел для своей мельницы ни канала выкопать, ни припаса заготовить: все это было сделано при его преемнице, с некоторым отступлением от ясного проекта Петра. Главная цель — создать из Академии ученое и учебное высшее и среднее учреждение — была усвоена учредителями полностью, но другое дело — достигнута ли?

Организовать Академию как «социетет наук» было не столь трудно даже преемникам Петра, если иметь в виду, что отношения к иностранцам при Петре и роль их при его преемниках не останавливали людей знаний от риска с успехом приложить свои силы к непочатым целинам русской жизни.

На зов Петра I и Екатерины I явились в Россию хотя и не первой величины светила, но некоторые из них занимали уже видное ученое положение на Западе (математик Герман, член Берлинской и Болонской Академий Наук, Бильфингер, Беккенштейн и др.), другие выдвинулись своими исследованиями уже в качестве членов Петербургской Академии Наук; таков, напр., Даниил Бернулли, прославившийся своим сочинением «Гидродинамика», напечатанном в 1738 г. с посвящением Бирону; Буксбаум, обогативший ботанику открытием около 500 новых растений; Гмелин, о котором сам Линней отзывался, будто он один открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе.

Сохранился реестр занятий петербургских академиков, застающий их в разгаре очередных работ и развертывающий во всю ширь полезную деятельность Академии «для славы и пользы» их нового отечества.

«Профессор и советник юстицкий Гольдбах сочинял всякие до академической корреспонденции с чужестранными учеными людьми касающиеся, письма на латинском, немецком и французском языке; он же сам издает математические и другие, до наук касающиеся, письма. Делиль, первый профессор астрономии, имеет в своем правлении обсерваторию, днем и ночью трудится в астрономических обсервациях и над генеральной картою Российского государства, а ныне старается, чтоб свой поданный прожект о измерении земли и поправлении карт Российской империи в действо произвести. Виндгейм, второй профессор астрономии, поверяет на щете все из чужих краев присылаемые сюда астрономические обсервации и делает потребные при обсервации таблицы; сочиняет С.-Петербургские календари, пишет политическую географию и капитул Российского государства. Дювернуа, профессор анатомии, делает анатомию над человеческими телами и зверьми, рассматривает их

составы и тела; ныне пишет историю о слоне, морже и ките. Крафт, профессор физики и экспериментальной теории, рассматривает натуру размышлениями и частыми экспериментами, и делает на всякий день метеорологические обсервации, вписывает в книгу. Эйлер, профессор вышней математики, сочиняет высокие и остроумные математические вещи, которые, по прочтении в конференции, издаются в печать. Вейбрехт, профессор физиологии, так же как и анатомик, разнимает человеческие и звериные тела, все их части смотрит и старается как бы употребление их сыскать. Аммон, профессор ботаники и историки (?), рассматривает и описует все, что в трех частях природы случается, а именно: зверей, травы, камни, минералы и все ост-индские и вест-индские семена, а которые из Сибири, Астрахани и Казани присылаются, те садит, а травам делает описание и рисунки; ныне сочиняет книгу о 200 разных травах, которые в Сибири, Астрахани и около тех мест растут, и сия книга началом травной истории всея Российския империи будет. Гросс, профессор истории, исправляет историю средних и новейших времен, переводит с французского на немецкий и с немецкого на французский язык, а особливо всякие до Российской истории касающиеся письма на французский язык переводит. Байер, профессор антиквитетов (древних вещей), его должность в том состоит, чтобы греческие, римские, а особливо ориентальные древние вещи и языки исправлять; трудится над историею его величества блаженныя памяти царя Алексея Михайловича, и по окончании оныя истории прочих государей, царей и великих князей российских равным образом сочинять будет; начатый китайский лексикон будет продолжать».

Но Байера затмил своими историческими трудами и исследованиями Миллер, из адъюнктов скоро перешедший в профессора Академии. Своими изысканиями в области древней истории России он не только осветил по

летописям и византийско-скандинавским источникам темный период с 860 по 1175 г., но и поднял вопрос о происхождении варягов Руси, страстно захвативший русских историков и даже часть общества его националистической стороной; в «Сборнике» статей, посвященных истории и географии России, Миллер знакомил Западную Европу с историей России, рассеивая укоренившиеся там предрассудки насчет нового отечества автора; причем талантливый историк умел в своих исследованиях затронуть такие вопросы русской истории, которые и для Западной Европы представляли живой интерес. Таков его труд об Александре Невском, связавшем свою славу с военной историей немецких орденов и Швеции; его статьи о восточных народах (китайцах, татарах и др.) служили не одним академическим интересам, но отвечали и промышленной любознательности европейцев. Даже вынужденное путешествие по Сибири с академической научной экспедицией дало возможность Миллеру обозреть архивы от Чердыни до Якутска, описать старые акты и свои наблюдения. Эти труды его составили 50 фолиантов.

С течением времени появляются в составе Академии знаменитые ученые из русских, отчасти ученики академиков, отчасти — ученые самородки, вступившие в Академию с научною подготовкой, полученной на Западе. К числу первых относятся математики, ученики Эйлера: Котельников, Румовский, Иноходцев и Головин. В реестре на 1737 г. встречаемся с ученою деятельностью Ададунова, «адъюнкт профессора физики; его главное намерение физику докончивать, дабы со временем самому профессорского чина удостоиться; перевел сокращенную механику на российский язык, а ныне переводит математику Эйлера». Это — первый стилист русского языка: он «старается, чтобы переводы на русском языке исправно в печать выходили». Шумно, не

Великая княгиня Екатерина Алексеевна

без сопротивления немецкого академического состава, вступает в число академиков известный В. К. Тредиаковский. Бездарный поэт, к тому же вынужденный иногда вдохновляться под ударами палок и в заключении на заданную шутовскую тему, этот первый «профессор елоквенции российския» обладал, однако же, достаточным чутьем, чтобы не только почувствовать, но и громко заявить, что «язык словянский в нынешнем веке у нас очень темен и многие его наши читая не разумеют, язык словенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде не только я им писывал, но и разговаривал со всеми». В своем «Способе к сложению российских стихов», высказавшись против навязанной нам силлабы, Тредиаковский открыл, что «долгота и краткость слогов в новом сем российском стихосложении не такая разумеется, какова у греков и у латин в сложении стихов употребляется; но токмо тоническая, т. е. в едином ударении голоса состоящая». В «Российском собрании», организованном при Академии Наук с целью обработки русского языка и слога, Тредиаковский «о совершенстве российского языка попечение восприимлет» в царствование Анны Иоанновны. Но всех ярче и больше выдвигается на фоне Академии гениальная фигура Ломоносова. Питомец русской духовной школы, он является талантливым учеником знаменитого Вольфа и вызывает ненависть у своих западных учителей минералогии, быстро и критически усвоив их необширную премудрость. С запасом не столько научных знаний, сколько научных методов исследования в области физики, минералогии и механики не меньше, чем в области законов языка, является он в Академии Наук в качестве адъюнкта, сознательно игнорируемого членами Академии и платящего им не в меру откровенным презрением. По жалобе профессоров, «Ломоносов, напившись пьян, приходил в ту палату, где профессора для конференции заседают. Не поздра-

вивши никого и не скинув шляпы, Ломоносов мимо них (присутствующих) прошел в географический департамент, где рисуют ландкарты, а идучи около профессорского стола, ругаясь профессору (Винсгейму), остановился и весьма неприличным образом бесчестил и крайне поносный знак самым подлым и бесстыдным образом руками против них сделал, пошел в оный географический департамент». После свидетели говорили: Ломоносов кричал: «Что они себе воображают? Я такой же и еще лучше их всех, я природный русский!» Это была не только выходка раздражения против тех, кто, по словам Тредиаковского, составил тесный, непроницаемый для русских кружок, опасавшийся, как бы в их «почтенную компанию не вмешался русский, чего здесь отроду не бывало, да и быть не могло, потому что он (русский), вмешавшись к нам, может лишить хлеба кого-нибудь из наших (немцев), который еще не выехал сюда; а за ним тож учинит другой и третий, так как их уже несколько видно готовых»... Ломоносов считал себя выше немцев-академиков еще и потому, что, при своих разносторонних знаниях, сделал науку доступной для широких слоев русского общества, объявивши курс лекций на «русском языке по физической географии, химии и истории натуральной о рудах, также обучать в стихотворстве и штиле». На его публичных лекциях «по физике экспериментальной на российском языке... сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент Академии с некоторыми придворными кавалерами... присутствовал»... Этот великий русский энциклопедист не только с громадным успехом популяризировал науки среди русских, но и двигал их вперед своими европейски известными открытиями и научными гипотезами; он давал дух и план новым рассадникам высшего знания на Руси, Московский университет и улучшение строя академиче-

ского университета — дело его творчески-организаторского гения. Наконец открытия Тредиаковского в области русского языка были блистательно закреплены поэзией Ломоносова, впервые давшего художественный по красоте и простоте тонический стих. Так распускался пышным цветом «социетет наук» на русской национальной почве, по мысли Петра.

Менее удачна была вторая, поставленная Академией Наук задача — образовательно-педагогическая: распространение среди молодых людей «высоких наук, до какого состояния оные ныне дошли». Организованный для этой цели при Академии университет был без профессоров и студентов. Академики, обязанные читать лекции в этом университете, тяготились этой обязанностью, так как она отвлекала их от главной задачи ученых исследований и занятий. В течение всего существования академического университета в нем не были организованы систематические курсы; курсы определялись случайным подбором лекторов из наличных академических сил и чаще значились на бумаге, чем осуществлялись на деле. У профессоров было вполне основательное оправдание их манкировок: отсутствие студентов. Для полного обзаведения Академии и университета живым инвентарем вместе с профессорами из Германии выписали около десятка студентов; но этого было слишком мало, чтобы составить приличную аудиторию для профессора. Поэтому профессора, по словам Миллера, ходили друг к другу на лекции, чтоб заполнить пустоту аудиторий. Бывали времена, когда на 17 профессоров приходилось только 8 слушателей, $\frac{8}{17}$ на лектора. Их вербовали где попало и из кого попало. Больше всего поставляла студентов московская Славяно-латинская академия и семинарии; оно и понятно: только здесь преподавался латинский язык, на котором, главным образом, преподавали академики и который делал лекции профессоров при-

близительно доступными для слушателей. Студентов привлекали разными льготами: жалованьем, чинами после окончания; но комплект их был всегда невысок. В 1752 г. их было только 20, в 1753 — 18, 1758 — 16; чрез сорок лет после учреждения университета число их пало до первоначальной цифры — 9.

Связанная с университетом академическая гимназия не оправдала возлагаемых на нее надежд в смысле подготовительного заведения для студенчества. Раздробленность плана преподавания, неодинакового для разночинцев и казеннокоштных сравнительно с свободным курсом для своекоштных и дворян, своего рода сословные отражения в всесословном заведении, отвлечение учеников гимназии в специальные службы, отсутствие прочного и подготовленного состава преподавателей, которыми были часто студенты университета, наконец, несоответствие курса гимназии и результатов его прохождения сословным интересам общества — все это делало гимназию жалким питомником студенчества. Так, в 1742 г., когда гимназия уже должна была производить выпуски, на 12 студентов университета только двое были поставлены гимназией.

Но и наличный состав студентов из русских был не благодарной аудиторией. Для многих из них был почти недоступен язык преподавания — немецкий и латинский; а знающие по-латыни не могли передавать полученных сведений по-русски. Ректор университета Крашенинников заявлял в своем «репорте»: «большая часть студентов лучше по-латыне пишет, нежели по-русски, и, разумея совершенно латынского автора, силы его не могут выразить на природном языке». Помимо того, студентов одолевала «природное» пьянство, непривычка к систематическому труду и буйный разгул. Против таких употреблялись крутые меры военного образца: студентов низводили в гимназисты, чтобы уменьшить оклад

жалованья; у пьяниц за прогулы отнимали мундиры, надевали арестантские халаты, в которых студенты должны были являться публично; сажали в карцер; наконец, публично секли в университете в присутствии товарищей. В одном из академических протоколов читаем: «по указу е. и. в. в Академии Наук определено: ученика Матеса Андреяса, что он без ведома профессора... от него отлучался и пьянствовал и не явился шесть дней, бить батогами нещадно, для того, дабы ему впредь чинить того было неповадно». Профессор Крашенинников репортом представлял: «сего-де генвари 13 числа 1752 г. велено посадить в карцер двух студентов, а именно Охтонского да Добротворского, за то, что О. пришел в университет поздно, мертв пьян, а Д., репортуясь больным, не ходит на лекции, а со двора почти ежедневно ходит без спросу и ведома; но оба оказали себя непослушными: О. сказал, что он первого заколет того, кто его под караул брать будет, а Д. заперся в лазарете и не пошел в карцер, и ночью ушел со двора без ведома, и где был, неизвестно. И за такие оных студентов худые и команде противные поступки определено: в страх другим, в силу объявленного от его сиятельства Академии Наук г-на президента определения, высечь их в университете, при собрании всех студентов, розгами нещадно, при присутствии г. Крашенинникова и адъюнкта г-на Модераха, а ежели впадут паки в какие продерзости, то, по жесточайшем наказании, имеют отосланы быть в матросскую службу»...

Само правительство и Академия ставили студентам препятствия в их стремлении окончить университет, когда требовали, чтобы студенты «скорее к самому делу производились», то отсылая их в Сибирь с камчатской экспедицией, то готовя их в переводчики, геодезисты и металлурги, то приспособляя их к сочинению ландкарт и т. д.

Несмотря на все это, университету удавалось делать выпуски. Так, в 1753 г. произведен был экзамен 20 студентам и «велено студентов Барсова, Яремского, Поповского и Константинова произвести в магистры, а Софронова и Румовского — в адъюнкты; а студентам Павинскому и Федоровскому быть при переводах ученых дел, Студинскому быть гимназии учителем в арифметическом классе, на место студента, что ныне магистр, Барсова».

В 1755 году был основан Московский университет. Официальным «изобретателем того полезного дела» был И. И. Шувалов, хотя установлено несомненное и весьма существенное участие Ломоносова в выработке плана организации университета и в подборе его профессоров. Неудачный опыт академического университета помог «изобретателям» избежать отрицательных сторон его при организации нового рассадника высшего знания. Преподавание наук было признано самодовлеющей целью, а не одною из задач, как это было при учреждении Академии Наук. Университет получил 10 профессоров, прямой обязанностью которых было университетское преподавание, не отвлекаемое никакими посторонними занятиями. Все это были люди с достаточной научной подготовкой, европейской школы. Вена, Геттинген, Лейпциг, Тюбинген и Штутгарт выделили для Московского университета частицы своих умственных сил; в состав их вошли и питомцы Петровской Академии Наук в лице талантливых энциклопедистов Барсова и Поповского, из которых последний был учеником и протеже Ломоносова.

В подборе профессорских сил Московского университета была определенная система, в противовес случайному преподавательскому составу академического университета. Московский университет разделен был на

три факультета: юридический, медицинский и философский; последний заключал в себе логику, метафизику и нравоучение, физику, красноречие, историю с древностями и геральдикой. Шесть профессоров было определено на философский и по три на остальные два факультета. Каждый профессор обязывался читать лекции пять дней в неделю, на латинском и русском языках. Заметно стремление профессоров сделать свой курс доступным для русских студентов, даже мало подготовленных. Поповский и Барсов пытались провозгласить русский язык научным языком университета, в отмену латинского: «Нет такой мысли,— восклицал Поповский,— кою бы по-российски изъяснить было невозможно». В частности философию он предлагал читать «не так, чтобы разумел ее один во всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться». К доступности преподавания стремились не одни русские профессора. Добрым словом поминают первые студенты Московского университета иностранца Шадена, профессора естественного права и политики. «Шаден истину являет без покрова»,— писал о нем М. Н. Муравьев. «Сей ученый муж,— говорит Фонвизин,— имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны». Профессор Дильтей, одно время представлявший собою весь юридический факультет, свободно изъяснялся на русском языке и первый начал изучать русские законы, применяя к уяснению их общие начала права.

Не без влияния Ломоносова Московский университет был объявлен доступным для всех свободных сословий, не исключая и вольноотпущенников. Разночинцам не только было предоставлено право, но и фактическая возможность учиться в Московском университете, который был щедро обставлен казенными пособиями для

нуждающихся студентов: прошлое Ломоносова было лучшим побуждением к этому. Вместе с тем университет заботливо ограждается выдающимися привилегиями и вниманием власти. В порядке управления университет подчинялся только Сенату, имея за себя вельможных представителей в лице кураторов, близких императрице людей. Университетский персонал был подведомствен только университетскому суду, и никакое судебное учреждение не могло привлекать к ответственности университетских чинов в общие судебные учреждения без разрешения университета. Университетский персонал, не исключая и студентов, был освобожден от постоянных и полицейских повинностей, от вычетов из жалованья и др. сборов. Дворянам дано право немедленного производства в чины по представлению и свидетельству университета.

Нельзя не отметить более умеренных приемов дисциплинарного взыскания, применявшихся к студентам Московского университета, чем к студентам академическим. Озаботились и о специальном питомнике для Московского университета: без гимназии, говорил Ломоносов, «университет, как пашня без семян». Первая гимназия возникла одновременно с Московским университетом, и во главе ее стал выдающийся педагог, уже упомянутый нами Шаден; затем, по ходатайству университета, была учреждена гимназия в Казани, для которой часть педагогического персонала была дана Московским же университетом. Московская гимназия была сравнительно хорошо оборудована и педагогическим персоналом (10 русских и 20 иностранцев), казенными стипендиями и систематическим курсом обучения. Впрочем, на строе гимназии ясно отразилась печать времени: сословность. Гимназия распадалась на два отделения: дворянское и для разночинцев. И та, и другая различались и по бытовому строю жизни учащихся, по програм-

мам преподавания и по их обязательности. Дворянское отделение, общеобразовательное и довольно пестрое по своей программе, было необязательно для учеников в полном объеме своих курсов: дворяне могли выбирать тот или другой предмет и даже остановиться на изучении только одного иностранного языка. Таким образом, в целях привлечения детей дворянства в гимназии, они освобождались от обязательного для них профессионального образования: раскрепощение учебное шло впереди раскрепощения государственного.

Другое дело — разночинское отделение: это типичная «латинская» школа, подготовляющая к слушанию университетских курсов. Казеннокоштному разночинцу нельзя было руководствоваться личными запросами при выборе предметов изучения, курс для него был обязателен во всем своем объеме, далеко не обширном. Впрочем, эта раздробленность курса гимназий постепенно уничтожается, и курс обоих отделений сливается в единый. В этом, может быть, крылось одно из условий жизненности московской гимназии сравнительно с академической.

Несомненной уступкой сословной прихоти дворянства была разница в бытовом строе жизни дворян и разночинцев гимназии. Прилежным ученикам из дворян выдавали по 50 руб. и отличившимся на диспутах по золотой медали, а разночинцам по 30 руб. и серебряной медали; дворянам выдавалось мяса по 1 $\frac{1}{4}$ фунта, а разночинцам по фунту; кашу для дворян маслили маковым маслом, а для разночинцев — конопляным; за «великие продерзости» дворян били по штанам линейкою, а подлых — розгами... Все это показалось бы нам очень курьезным, если бы в этих аномалиях не проявлялось знамение времени: сословное неравенство и рост шляхетских притязаний, наложивший свой отпечаток даже на такое учреждение, которое по идее должно было стать всесловным и «соединяющим сословия».

Как бы то ни было, гимназии, по-видимому, удовлетворяли своему назначению — служить питомником для университетских слушателей. Во всяком случае, со стороны московских профессоров жалоб на отсутствие студентов в аудиториях не раздается, а высочайшим указом уже от 1758 г. «свидетельствуется, что в университете и в двух его гимназиях (Московской и Казанской) дворяне и разночинцы, как всем довольно известно, с немалою пользою обучаются»...

Дворянство привлекается льготами и преимуществами не только в общеобразовательные заведения эпохи: для него в это время возникают специально дворянские сословные и профессиональные учебные заведения. Мы видели, что потребность в таком заведении была высказана уже шляхетством при воцарении Анны. Шляхетство достигало офицерских чинов с солдатской и матросской практики. Создать учебное заведение, которое выпускало бы дворян прямо в офицерские чины, это значило не только избавить благородное шляхетство от тяжелых этапов службы, но и разрядить гвардию от притязательного шляхетства. Учрежденный в 1731 г. Минихом «Шляхетский кадетский корпус» был таким именно заведением. Быстрый рост комплекта учащихся (в 1731 г. — 200 кадет, в 1732 г. — 360, в 1740 г. — 490, в 1762 г. — 600 и т. д.) показывает, что Миниху удалось создать заведение, удовлетворяющее интересам правительства столько же, сколько и вкусам шляхетства.

Это было учебное заведение с необычайно пестрою и разностороннею программой, причем общеобразовательная, но необязательная часть ее подавляла и вытесняла предметы профессионального образования. Миних так же, как впоследствии Екатерина II, считал задачей корпуса готовить не только офицеров, но

всякого кадета к той профессии, какая наиболее отвечает его вкусам и наклонностям. Общеобязательными предметами были: закон Божий, арифметика и военные упражнения; сверх того, молодым шляхтичам, по программе корпуса, предоставлялась возможность изучать юридические и политические науки, начатки латинского языка, геометрию, географию, историю, живопись, ваяние, гравирование, делание статуй, танцы, верховую езду и даже актерское искусство, по влечению каждого.

Впрочем, эта энциклопедичность программы была больше зримая, чем действительная. Во-первых, у кадетов не было слишком широких запросов. Обходились даже важнейшие предметы в пользу предметов роскоши; так, из 245 кадетов только 18 учились русскому языку, немецкому 237, юриспруденции 11, географии 17, французскому 51, танцам 111, музыке 34, верховой езде 20 и фехтованию 47 человек — это будущие офицеры.

Сам корпус, как показала ревизия при Екатерине II, не мог дать кадетам того, что обещала его широковеда-тельная программа (Ревизионная комиссия констатиро-вала, что «ради слабого понятия и употребления боль-шого времени на языки, нельзя было преподавать кадетам сего (младшего) возраста: географии, истории, мифологии, геометрии, начал славянского языка»; далее, «воспитанники» старшей группы (от 12—15 лет) не обучаются: 1) хронологии, потому что она вместе с историей показана будет, и 2) истории не обучаются, за недовольным знанием географии, которая еще в пред-шествующем возрасте с историей предписана; 3) геомет-рии за недовольным знанием арифметики; 4) латинско-му языку, потому что не оказались к тому склонными; 5) основанию военной и гражданской архитектуры, за незнанием арифметики и геометрии... А для чего про-чим наукам не обучались, самим представителям кадет-ского корпуса неизвестно», заканчивает свой юмористи-

ческий обзор ревизионная комиссия. Выпускные аттестаты, полученные кадетами, всего больше говорят о курьезных результатах энциклопедичности программы шляхетского корпуса столько же, сколько о безграмотности «приставников» этого корпуса. «Наперсник Буалов, российский наш Расин, защитник истины, гонитель, бич пороков», А. П. Сумароков получил такой аттестат из корпуса: «В геометрии обучил тригонометрию, ексиликует и переводит с немецкого на французский язык, в истории универсальной скончал Россию и Польшу, в географии атлас Гюбнеров обучил, мораль Вольфовскую до 3 главы 2 части слушал, имеет начало в итальянском языке»...

В аттестатах других кадетов означено: «Гистория: в универсальной дошел до новой истории; География: окончил пять карт европейских специальных: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и итальянскую; Танцование: учит балет. Или: Французский язык: учит вокабулы и разговор; из арифметики: в делении долей; в Гистории: в универсальной дошел до Карола Магнуса. Аттестат кадета Магнуса Фока, дававший право на поступление к гражданским делам: 1) Французский язык: переводит с немецкого на французский екстемпоре; 2) Латинский язык: с немецкого на латинский компонует: екстемпоре; 3) Философия, юс натуры, институционес юстинианес, пандектум и юс феудале, в философии Гейнеции элемента, юс секундум ординем пандекторум до 41 книги дошел; 4) Российский язык: с русского на немецкий экспонирует».

Не удивительно, что Шляхетский корпус, устроенный по образцу западных «рыцарских академий», давал своим питомцам такую поверхностную энциклопедичность; подобная же пестрота и наивная общеобразовательность учебной программы была проведена в чисто профессиональных учреждениях этого времени, как,

напр., в морском кадетском корпусе, в артиллерийском и инженерном кадетском корпусе. В морском мы встречаемся с тою же многопредметностью. «Кроме математических и морских предметов, необходимых для этого специального училища,— говорит гр. Д. А. Толстой,— в нем преподавались и политика, и геодезия, и геральдика, и «прочие шляхетные науки», и на все эти неспециальные предметы назначено было только два учителя; впоследствии прибавили еще философию и пять иностранных языков».

Организуя так свои «шляхетные» и специальные учебные заведения, правительство эпохи было уверено, что следует передовым принципам педагогики. Екатерина II с гордостью защищала свои школы с наследственными их болезнями, перед удивленными педагогами Запада. Во Франции думают, писала она Фальконету, «что мои кадеты приготавливаются единственно для войны; может быть, Парижская военная школа ввела (так думающих) в это заблуждение. Мои кадеты сделаются всем тем, чем пожелают быть, и выберут себе поприще по своим вкусам и наклонностям». Эта постановка шляхетского образования более отвечала положению раскрепощенного дворянства, чем передовым взглядам педагогики того времени. Но гордое своею изобретательностью, русское правительство не жалело ни внимания, ни денег на поддержание этих «корпусов».

Несмотря на заботы правительства о заведении шляхетских школ для облегчения дворянству обязательного обучения, школ этих было далеко недостаточно для удовлетворения дворянской служебной нужды, да и в заведенные школы дворянство избегало отдавать своих детей, по непривычке.

«По высокомонаршему своему милосердию,— говорится в одном указе Анны,— желая шляхетству всякого добра, учредили мы сверх гарнизонных (цыфирно-сол-

датских) школ во всяких городах школы с казенным содержанием для учеников, но они, невзирая на эту милость и не желая собственной пользы, от наук убегают и тем себя губят». Правительство пошло в вопросе обязательного обучения дворянства по наклонной плоскости и уступило шляхетскому бойкоту казенных школ. В 1736 и 1737 гг. дворянам разрешается обучать своих детей в период от 7 до 20 лет дома, при некоторых цензовых гарантиях, призывая недорослей в три приема (в 7, 12 и 17) к поверочным испытаниям в науках, под угрозой «записывать в матросы без всякого произвождения» тех из них, которые не выдержат экзамена. Volens-polens дворянство вынуждено было организовать домашнюю подготовку своих «Митрофанушек», услугами «Вральманов» и «Кутейкиных», и в лучшем случае — учеников казенных школ. В красочных в бытовом отношении записках Болотова и М. В. Данилова находим мы неподражаемые картинки из этой области. Данилов пишет: «От роду моего лет семи и более, отдали меня в том же селе, где отец мой жил, понамарю Филату, прозванием Брудастому, учиться. Учитель наш жил только один с своею женою, весьма в малой избушке: приходил я учиться к Брудастому очень рано, в начале дня, и без молитвы дверей отворить, покуда мне не скажет «аминь», не смел. Памятно мне мое ученье у Брудастого и поднесь, по той, может быть, причине, что часто меня секли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учился я по моим летам прилежно, и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но как нас, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидели на скамейках безсходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такого всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна и

все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока к вечеру и половины прочитать не мог, за что последняя резолюция — меня как непонятого сечь. Брудастого жена, во время нашего учения, понуждала нас, в небытность своего мужа, всечасно, чтоб мы громче кричали, хотя б и не то, что учим»¹. Болотов в своих записках рисует обстановку правительственной школы, артиллерийской, куда он был сам отдан: «Оная школа была еще учреждена внове, на полковом артиллерийском дворе, и было в оную прислано из герольдии дворянских детей, бедных и знатных, по желанию, семьсот человек; а как в новой школе не было ни порядка, ни учреждения, ни смотрения, то через четыре года разошлось оное большое собрание, без позволения школьного начальства, по разным местам, в настоящую службу, куда кто хотел записались; а осталась только некоторая часть дворянских детей, кои прилежали охотно и хотели учиться. Но великий тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. Сначала вступленья учеников было, для показания одной арифметики, из пушкарских детей два подмастерья; потом определили, по пословице, волка овец пасти, штык-юнкера Алабушева. Алабушев тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом: был человек хотя несколько знающий, разбирал Магницкого печатный арифметик и часть геометрических фигур показывал ученикам, почему и выдавал себя в тогдашнее время ученым человеком, однако был вздорный, пьяный, редкий день приходил в школу не пьяный. Напоследок, для исправленья в школе порядка, еще определен был, сверх штык-юнкера Алабушева, капитан Гринков: человек был как прилежный, так и копотливый, и был великий заика, однако завел в школе порядок получше Алабушева. Он вперял в учеников охоту учиться, с обещанием чести,

¹ «Записки Данилова», Москва, 1842 г. 38 стр.

и довел до того, что его старанием несколько человек из учеников пожалованы были в артиллерию сержантами и унтер-офицерами. Ученики были все помещены в четырех великих светлицах, стоящих через сени, по две на стороне: когда позволялось покинуть ученье и идти обедать или по домам, тогда, бывало, учинят великий и безобразный во все голоса крик наподобие ура, протяжно «шебаш».

Меньшим вниманием и заботами правительства сравнительно с шляхетскою школою пользовалась сословная школа другого сословия: духовная «в надежде священства»; тем не менее, предоставленная даже самой себе, церковным силам и средствам, она продолжает развиваться под давлением профессиональных запросов духовной среды, понудительных указов правительства, привлекающих духовных неучей в солдаты и в тяглое состояние и при содействии, главным образом, просвещенных епископов из «черкас», питомцев Киевской Академии.

В силу правительственных указов, архиереи вынуждены были преобразовать свои архиерейские церковные школы в семинарии, повышая их курс по образцу латинских школ, уже известных нам в Петровское время (школа Ростовская). Только в царствование Анны Иоанновны было открыто 17 семинарий; из них особенно выделялись по своей прекрасной постановке Невская и Харьковская семинария; число учащихся в 17 семинариях простиралось до 2¹/₂ тысяч; в начале царствования Екатерины II насчитывалось уже 26 семинарий с 6000 учеников. В большинстве случаев это были школы типа западных латинских школ, с схоластическою программой и латинским языком преподавания. Жалкая убогость обстановки этих школ, быта учеников и ценза преподавателей прекрасно очерчена в талантливом труде П. Знаменского «Духовные школы в России», к кото-

рому мы и отсылаем интересующихся; но семинарии с их латинским формальным образованием, особенно под руководством просвещенных архиереев из малороссов, сослужили свою культурную службу для развития высшей школы этой эпохи, так как видный процент студентов университетов и учеников гимназий пополнялся семинаристами, наиболее подготовленными для слушания лекций на латинском языке, и, может быть, наиболее заинтересованными теми перспективами, которые открывались для церковника по окончании высшей светской школы.

Наряду с семинариями продолжали действовать архиерейские церковные школы. Верховный Совет в 1726 г. постановил было передать в синодальное ведомство уцелевшие остатки «цыфирных школ», желая вместе с тем взвалить на Синод и содержание этих школ; но «учительный класс» нашел, что «арифметика и геометрия — не духовного чина дело есть, а потому и до духовного правительства преподавания их не подлежит». До 1740 г. о цыфирных школах нет известий, и только в этом году мы узнаем, что Московская и Петербургская Академия отправили в губернии и провинции 47 учителей, из которых 18 человек вернулись обратно, не найдя себе учеников; остальные 29 хотя и остались на местах, но едва ли попали в цыфирные школы, так как последних в это время было всего 8. Попытка слить цыфирную школу с церковною не удалась: помешала разница в программах и назначениях этих двух типов школ; более успешною была попытка в 1744 г. слияния цыфирных школ с «гарнизонными», введенными в 1732 г. при пехотных полках для обучения солдатских детей, «дабы впредь польза государству и в рекрутах облегчение было». И по своему составу (дети духовенства были отвлечены семинариями), и по программе (арифметика и геометрия) цыфирные школы стояли ближе к гарнизон-

ным, тем более, что в указе 1744 г. констатируется, что математические учителя «в гарнизонах солдатских и прочих чинов детей обучали».

Исходя из этих данных, выносишь пессимистические взгляды на начальное образование в эту эпоху. Начальных школ для народа не было: были элементарные школы для удовлетворения профессиональных нужд сословий и классов, для которых элементарная грамотность и знания в той или иной области были обязательны по закону. Да и недосуг был закрепощенному народу думать о грамотности.

В. Уланов

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Императрица Елизавета Петровна родилась близ Москвы в селе Коломенском 18 декабря 1709 г. Под веселые звуки музыки во время триумфального шествия, которым праздновалось в Москве в этот день возвращение царя после Полтавской победы. Еще девочкой она удивляла современников бойкостью и открытостью натуры, унаследованными, быть может, от отца. В 1722 г. По случаю праздника Пасхи императорской чете и обеим царевнам представлялся живший при русском дворе молодой голштинский герцог, искавший руки старшей царевны Анны Петровны. «Похристосовавшись с родителями,— пишет его камер-юнкер Берггольц,— его высочество спросил императрицу, можно ли ему точно также похристосоваться с принцессами, на что она ответила: “Конечно, можно, почему же нет?” Старшая по врожденной застенчивости поколебалась было немного, однако по-

следовала знаку императрицы; но младшая тотчас же подставила свой розовый ротик для поцелуя». Официальные и неофициальные отзывы современников сливаются в единогласный хор и не находят слов для восхваления ее красоты. Европейец с крайнего запада, испанский посол Лириа говорит, что он редко видел таких красавиц, как принцесса Елизавета. Но и азиат с дальнего востока принужден был публично засвидетельствовать то же самое. В 1734 г. императрице Анне в торжественной обстановке в большой зале дворца представлялось китайское посольство. Если верить леди Рондо, жене английского посла при петербургском дворе, оставившей любопытные записки, после официальных речей Анна через переводчика спросила посла: «Какая дама здесь красивее всех?» Китаец дал приправленный восточною изысканностью уклончивый ответ: «Смотря на небо в звездную ночь, можно ли сказать, которая звезда блестит больше!» Но императрица настаивала на прямом и решительном ответе. Тогда посол вежливо поклонился Елизавете и сказал: «Из числа всех этих прелестных дам я считаю эту прелестнейшею, и если бы только у нее не были так велики глаза (здесь выразились монгольские вкусы), то никто бы не мог, взглянувши на нее раз, не умереть после этого от любви». Что всего замечательнее, единогласную дань восхищения ей платят и ее современницы. «Принцесса Елизавета,— пишет о ней леди Рондо в 1733 г.,— красавица. Она очень бела; у нее не слишком темные волосы, большие и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она расположена к полноте, но очень мила и танцует так хорошо, как я еще никогда не видывала». «На нее нельзя было довольно налюбоваться,— вспоминает о ней в своих записках Екатерина II, увидевшая ее впервые в 1744 г.,— и бывало с сожалением перестаешь смотреть на нее, потому что ничего лучшего больше не увидишь».

Дочь простой лифляндской крестьянки, она получила от матери большой запас здоровья, бодрого чувства и жизнерадостного взгляда. Этих природных даров не отняли у нее полученное ею воспитание и образование, не простиравшееся далее танцев и умения болтать по-французски и по-немецки, и она пользовалась ими до конца дней и пользовалась с тою широтой, от какой уже отвыкли люди следующих поколений, когда рассудок стал брать верх над страстным порывом, а разум, с детства отягощенный знаниями, стал господствовать над непосредственным чувством. Заняв престол, Елизавета никак не могла вникнуть во все тонкости сложнейших механизмов внешней и внутренней политики и в ту и в другую вносила ту же искренность чувства и простоту взгляда, с которыми она прежде вела хозяйство в своих вотчинах. Во внешних отношениях, в выборе друзей и врагов она руководилась личными симпатиями и антипатиями. Она ненавидела прусского короля, с которым и вела войну до конца жизни, и клялась поддерживать дружбу с Марией-Терезией, чего бы это ей ни стоило, «хотя бы даже пришлось,— как она простодушно заявила австрийскому послу,— продать на военные нужды половину платьев и брильянтов», а можно себе представить, что для нее значило расстаться с теми и другими. Ее указы по внутреннему управлению, те, инициатива которых принадлежит ей самой, продиктованы чувством и только чувством; вот почему они столько же искренни, сколько наивны. Она была очень религиозна, строго блюла все посты и исполняла обряды, часто присутствовала при закладке и освящении церквей и предавалась благочестивым подвигам: подобно древним царевнам и царицам, вышивала для церквей воздухи, пелены и тесьмы на лампады. Она предпринимала путешествия пешком на богомолье из Москвы к Троице, причем через каждые два часа пути садилась отдыхать и кушать в рос-

Императрица Елизавета

кошном шатре, подкрепляя себя в дальнейший путь обильной трапезой. Не пропуская ни одной службы, она следила за порядком богослужения и правильностью церковной обстановки. «Не упомяну, в какой то было церковный праздник,— рассказывает в своих записках тогдашний обер-прокурор Синода кн. Шаховской,— соизволила ее величество присутствовать у всенощного пения в большой придворной церкви, где и мне случилось быть. Ее величество, которая, как обыкновенно, позади правого клироса неподалеку от певчих место свое имела, поговоря несколько с ними и взяв одну церковного служения книгу, подозвав меня, изволила мне показывать напечатанные в оной неисправности». Кн. Шаховской едва ли что понимал в этих неисправностях, так как попал в синодальные обер-прокуроры из советников генерал-полицеймейстерской канцелярии. «Через несколько дней,— читаем далее в этих же записках,— случилось мне ввечеру быть во дворце; и ее величество, увидя меня и подозвав, изволила с неудовольствием говорить: «Чего де Синод смотрит! Я де была вчера на освящении новосделанной при полку конной гвардии церкви, в которой на иконостасе в том месте, где по приличности надлежало быть живо изображенным ангелам, поставлены разные наподобие купидонов болваны, чего де наша церковь не дозволяет». Елизавета от всей души ненавидела прусского короля Фридриха II; но, вероятно, все же не столько за те неистощимые и меткие остроты, которые друг Вольтера отпускал по ее адресу и по адресу ее союзницы, австрийской императрицы, сколько за то, что он в ее глазах был атеист, безбожник. В 1745 г. на балу государыня разговорила с австрийским послом о нравственности вообще и в особенности об обязанностях коронованных глав относительно Бога; разговор тотчас же перескочил на общего врага. «Король прусский думает,— заметила она,— что так как он не короно-

ван, то может совершать всякие крайности; я удивляюсь, как это Господь не проявит своего чуда над этим злым государем». Посол успокоил раздраженную государыню, уверив ее, что наказание Божие для короля не заставит себя долго ждать. Ее решения в тех вопросах, где была затронута религия, были непоколебимы. Раскольникам стало теперь гораздо хуже, чем в жестокое правление Петра и в правление немцев-протестантов, руководившихся началом веротерпимости. Вскоре после вступления на престол императрица издала весьма энергичный указ, которым повелевалось всех евреев, как ненавистников имени Христова, немедленно же выслать из России и впредь ни под каким видом в Россию не пускать; притом наблюдать, чтобы они не вывозили с собой золота и серебра и перед выездом обменяли эти металлы на ничего не стоящую в иностранных государствах русскую медную копеечную и пятикопеечную монету. Когда Сенатом был представлен доклад о неудобствах, которые могут произойти от этого распоряжения для торговли в Малороссии и Остзейском крае, находившейся в руках евреев, и вследствие этого об уменьшении казенных доходов, она положила на докладе резолюцию: «от врагов Христовых не желаю интересной прибыли», и ничего нельзя было с нею поделать.

Строго религиозная государыня считала одною из своих первых обязанностей наблюдать за добрыми нравами подданных и преследовать всякое уклонение от нравственности. Однажды Сенат должен был опубликовать указ, где говорилось, что «ее величество заметила, что в петербургском гостинном дворе продают железные табакерки, крытые лаком, с нарисованными на них пасквилями: пять персон мужеских и одна женская в одной рубашке, а половина оной нагая в короне с подписью на английском языке тех персон неприличных разговоров. А понеже такие и подобные тому пасквили здесь весьма

ненавистны суть», как заключал Сенат свой указ, то и предписывалось изъять описанные табакерки из продажи. В 40-х годах в Петербурге, рассказывает в своих любопытных воспоминаниях известный майор Данилов, в одном из переулков на Вознесенской улице поселилась некая предприимчивая дама, приехавшая из Дрездена и потому прозванная в петербургском свете Дрезденшей. Она познакомила столичное общество с новым родом развлечений: открыла у себя собрания под названием «вечеринок», на которых гостям прислуживало, «вместо лакесв, множество педурных и молодых девиц». На эти увеселения стала в изобилии съезжаться петербургская холостая молодежь. За холостыми потянулись и женатые люди. Произошел ряд семейных скандалов; дело дошло до двора. Елизавета приняла свои меры. Была наряжена для следствия «строгая комиссия о живущих безбрачно», как называет ее автор воспоминаний. Быстрыми и решительными действиями комиссия вступила в борьбу с пороком: арестовала Дрезденшу, веселых обитательниц ее гостеприимной квартиры заключила на прядильный двор в Калинкиной деревне, а двух посетителей «вечеринок»: профессора астрономии Попова и асессора мануфактур-коллегии Ладыгина, вероятно, в назидание другим, торжественно обвенчала в соборной церкви. Таким образом порок был наказан и добрые нравы восстановлены!

До вступления на престол, особенно в царствование императрицы Анны, Елизавета вела жизнь особняком в кругу своего небольшого двора, состоявшего из верных и преданных людей, которых она потом и выдвинула на первые места в государстве, беспечно предаваясь удовольствиям и зная только одну заботу: недостаток в деньгах, которых всегда не хватало. Она редко, только по необходимости, показывалась при большом дворе и терпеть не могла придворных церемоний. Те же склонности и привычки она принесла с собой и на престол, потому

что она заняла его в том возрасте, когда уже люди с трудом меняются. Сначала она принялась было за работу, восстановила Сенат в том значении, какое он имел при отце, и, может быть, вспоминая о примере отца, несколько раз сама присутствовала на сенатских заседаниях. Но скоро это ей надоело, и она перестала туда заглядывать. Ничто не тяготило ее более государственных дел; она оттягивала и откладывала их, как только могла. Министрам приходилось ждать приема по неделям, а бумагам лежать на ее столе без подписи по месяцам. Приходилось прибегать к помощи фаворитов, чтобы заставить государыню выслушать какой-нибудь важный доклад. Французский посланник при ее дворе д'Аллион жаловался, что, когда ему нужно поговорить с ней о чем-либо серьезном, ему приходилось ловить ее на балу; она любезно начинала выслушивать, но затем «не могла противиться скрипкам, звуки которых раздавались в соседней зале, тихонько начинала отступать к двери и уходила». Ответ на письмо короля Людовика XV, извещавшее о рождении у него сына, она собралась подписать ровно три года спустя после получения письма. Нет ничего невероятного в рассказе маркиза Брейтеля, французского посла в Петербурге, о том, как императрица в 1746 г. подписывала трактат с Австрией. После того, как она написала первые три буквы своего имени, оса села на кончик пера. Елизавета отложила перо и только через шесть недель dokonчила подпись трактата, дописав остальные буквы. «Двор и правление Российской империи,— доносил в 1743 г. своему правительству саксонский резидент Пецольт,— находятся в самом плачевном состоянии. Правители обще с императрицей ночь превращают в день, а день — в ночь; время убивают в прогулках, комедиях, маскарадах, балах, катаньях и тому подобных развлечениях. Не желая, чтобы что-нибудь мешало проводить так, как ей вздумается, государыня терпеть не

может государственных дел, удаляется от них или рассматривает чрезвычайно небрежно и зачастую в досаде, что ей мешают, назначает приговоры с ужаснейшею строгостью». Не желая сама вникать в сложные государственные дела, Елизавета изобрела особый способ их ведения, заключавшийся в том, что один и тот же предмет поручался двум лицам разных воззрений, которые таким образом контролировали друг друга. Иностранные дела были поручены канцлеру А. П. Бестужеву и вице-канцлеру М. Л. Воронцову. Трудно было подыскать людей более несогласных между собою. Бестужев стоял за тесное сближение с Англией, Воронцов проводил мысль о союзе с Францией, которая вела с Англией войну. Оба до глубины души ненавидели друг друга, и один только и помышлял о том, как бы свалить другого. Такая система гарантировала, правда, государыню от опасности одностороннего влияния, но на беду Елизавета была так нерешительна, что, постоянно колеблясь, поддавалась то одному влиянию, то другому, а нередко, не будучи в состоянии взять какое-нибудь определенное направление, откладывала решение до тех пор, пока дело не решалось самим ходом событий.

И, тем не менее, дела решались как нельзя более удачно; трудно даже указать какое-либо другое царствование, которое было бы столь же счастливым, как царствование Елизаветы Петровны. Во внутреннем управлении принято было немало мер, широких по замыслу, полезных по значению, удовлетворявших настоятельным потребностям государства: облегчены рекрутские наборы, отменены стеснительные для торговли внутренние таможенные пошлины, заселялся южно-русский черноземный край, собраны были народные представители для законодательной работы в Комиссии по составлению нового Уложения, учреждена Академия Художеств и открыт первый университет. Может быть, еще

большим успехом отличалась внешняя политика Елизаветы. Ее личные симпатии и антипатии как-то удивительно совпадали с национальными интересами: она любила Марию-Терезию и ненавидела Фридриха II, и верная политика России в то время заключалась как раз в поддержании союза с Австрией и в противодействии необыкновенно быстро возраставшему и опасному для восточного соседа могуществу Пруссии. Этот путь был указан Петром Великим, от него в начале царствования отступила Екатерина II, но поняла ошибку и вернулась к направлению, которого Елизавета Петровна держалась неизменно. Едва ли когда другая война была так плохо подготовлена и в то же время ведена так удачно, как знаменитая Семилетняя война: плохо снаряженное войско, во главе которого как будто нарочно ставились самые неспособные генералы, каких только можно было найти, разбивало, однако, неоднократно армии одного из величайших полководцев, захватывало Кенигсберг и Берлин. В чем надо искать секрет такой замечательной удачи? Может быть, именно в том, что Елизавета, тяготясь государственными делами, не вносила в них никакой инициативы и не мешала свободному проявлению народных сил; не производила никакой крутой ломки подобно Петру Великому и не навязывала народной жизни кабинетных идей, подобно Екатерине II. Предоставленные свободной работе народные силы сумели находить себе наилучший путь даже среди самых тяжелых обстоятельств, при которых им приходилось действовать, и одерживали победу там, где этого менее всего можно было ожидать. В царствование Елизаветы Россия продолжала идти в направлении, взятом при Петре, но шла более свободно, а потому хотя более медленно, но зато более верно.

Вступление Елизаветы на престол прошло не совсем гладко. Благодаря своей мягкости, брауншвейгская

фамилия приобрела симпатии в гвардии и в высшем обществе и оставила по себе сожаление. Вскоре после переворота в 1742 г. обнаружился заговор в пользу свергнутого императора, в котором были замешаны офицеры Преображенского и Измайловского полков. В следующем 1743 г. был раскрыт заговор в гораздо более обширных размерах, в котором были замешаны великосветские фамилии и во главе которого стояли три дамы. XVIII век — ведь это время господства дам. Дамы царят в салонах, занимают престолы или управляют теми, кто занимали престолы. Дамы ведут войну против прусского короля. Нет ничего удивительного, что дамы оказались и во главе заговора. Это были: Н. Ф. Лопухина, А. Г. Бестужева, свояченица канцлера, жена его брата Михаила, и Софья Лилиенфельд, жена камергера. Разными нитями, и, конечно, в значительной мере романического свойства, они были связаны с брауншвейгской фамилией или с лицами, пострадавшими при ее падении. Около руководительниц группировался кружок гвардейских офицеров, а вдохновителем этого великосветского общества был австрийский посол граф Бота, которому, очевидно, не давали спать лавры маркиза Шетарди и который рассматривал переворот 25-го ноября как дело рук французской партии. Сильно, хотя и напрасно, опасаясь за прочность русско-австрийского союза при Елизавете, он предпочитал опять видеть на русском престоле брауншвейгскую фамилию, связанную тесными родственными узами с австрийским домом. Предприятие не пошло, однако, далее простой болтовни: в кружке выражали недовольство поведением императрицы, осуждали ее поездки в пригородные резиденции для устройства попок, сомневались в ее правах на престол, как дочери Петра, рожденной за три года до брака; офицеры смеялись над «бабьим» правлением. Дамский заговор вызвал против себя также женский образ действий.

Все это Лопухинское дело было до крайности преувеличено и раздуто и чуть не повело к разрыву австрийского союза. Мария-Терезия принуждена была отозвать посла и даже подвергнуть его на некоторое время аресту для успокоения разгневанной союзницы. Руководительницы жестоко поплатились. Дело в том, что Лопухина была знаменитой красавицей, единственной соперницей Елизаветы,— вот в чем состояло ее главное преступление, которого та не могла ей простить. Здесь и надо искать причину жестокости расправы. Лопухина и Бестужева были биты кнутом на площади и с вырезанием языков отправлены в Сибирь. Даже члены Тайной канцелярии просили императрицу пощадить третью участницу, Софью Лилиенфельд, находившуюся в состоянии беременности, и избавить ее от тягостных очных ставок. На докладе канцелярии Елизавета написала резолюцию, столь же ужасную по содержанию, сколько и по орфографии: «Надлежит их в крепость всех взять и очною ставкою про из водить, несмотря на ее болезнь, понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутоф и на ипаче желеть не для чего, лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодоф ждать». Эти происшествия печально отразились на судьбе несчастной брауншвейгской фамилии. Первоначально Елизавета имела намерение только выпроводить ее за границу; но, напуганная толками в пользу Ивана Антоновича, она приказала задержать путешественников в Риге. Затем они были увезены внутрь России и содержались некоторое время под арестом в г. Раненбурге, куда прежде ссылался Меншиков, а отсюда бывший император попал в Шлиссельбург, а его родители были отправлены в Холмогоры. Жестокость для бывшей правительницы Анны Леопольдовны была увеличена еще тем, что ее разлучили с ее наиболее горячей привязанностью, делившей с нею теперь все тягости ссылки,

как прежде все радости свободы и власти,— Юлианой Менгден.

Таковы были пятна этого в общем более мягкого и кроткого царствования. Но это были последние отзвуки нравов первой половины XVIII века. Правда, в главе тайной канцелярии продолжал сидеть тот же самый Андрей Иванович Ушаков, и она продолжала по-прежнему присуждать к четвертованиям и колесованиям, однако с 1744 г. за все царствование не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора. Формально смертная казнь не была изъята из уголовного кодекса, но 17 мая 1744 г. был издан указ, по которому все судебные учреждения обязаны были присылать смертные приговоры на утверждение Сената, а Сенат не утверждал их, и с тех пор этот позорный остаток варварства фактически выходит из употребления в нашей уголовной юстиции. Современники объяснили это распоряжение суеверным страхом смерти, который испытывала императрица, или тем обетом, который она дала, предпринимая переворот 25 ноября. Как бы то ни было, в нем нельзя не видеть проявлений большей мягкости нравов.

Это смягчение нравов в общественных верхах отразилось и на большей мягкости приемов, внесенной в управление людьми, появившимися на правительственной арене в эпоху Елизаветы. Необузданных птенцов Петра и черствых немцев времени Анны сменило новое поколение, более воспитанное, в глазах которого времена Анны казались уже жестокими временами. Образование делало заметные успехи. Канцлер А. П. Бестужев много лет провел за границей на дипломатической службе и был образованнейшим человеком своего времени. Вице-канцлер, человек очень близкий к императрице по родству, М. Л. Воронцов ценил талант Ломоносова и был с ним в дружбе. Брату фаворита Кирилле Разумовскому, в 18 лет назначенному президентом Академии Наук,

было дано изысканное образование за границей. В семье Шуваловых корыстолюбие и не совсем честные аппетиты среднего брата Петра вознаграждались обходительностью, просвещенностью и меценатством младшего — Ивана. Высшее общество стало подражать французам, заговорило на французском языке: Воронцовы и Шуваловы были проводниками французского влияния. С модами и языком заметной струей стала приходить французская литература, несшая с собой новые гуманные взгляды и сентиментальное настроение. Чувствительность стала охватывать общественные верхи, и на самой императрице заметен ясный оттенок нового настроения.

Правда, в ней еще очень много грубого, отдававшего Петровской эпохой. Она была в отца вспыльчива и не умела сдерживать себя в минуту раздражения. Она собственноручно колотила придворных по щекам и обладала доведенной до виртуозности способностью браниться, бранилась с чувством и продолжительно, припоминая все ранее нанесенные ей обиды, делая колкие намеки и изливая целые потоки ненужных, не идущих к делу и наивных слов. Очень живо изображает ее в один из таких моментов раздражения Екатерина II. «Мы поехали с императрицею в Софьино,— пишет Екатерина,— в 60 или 70 верстах от Москвы. Там мы расположились в палатках. На другой день по приезде в Софьино мы (с великим князем) пошли в палатку к императрице и застали ее с управителем, на которого она в ту минуту бранилась. Надо сказать, что в Софьино она приехала охотиться, но, по несчастью, там не было ни одного зайца. Управитель стоял бледный и дрожал; императрица не щадила бранных слов и была в исступлении от гнева. Когда мы подошли к руке, она поцеловала нас, как будто ничего не происходило, и затем снова принялась бранить управителя. Разгневавшись, она обыкновенно начинала делать намеки, на кого ей вздумается, и чем дальше, тем яснее,

причем произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочим, она говорила, что ей очень хорошо известно, как нужно управлять имением, что она научилась этому в царствование императрицы Анны, что, не получая больших доходов, она не позволяла себе роскошничать и не делала долгов, боясь погубить свою душу; что если бы она в то время умерла с долгами, то никто не стал бы платить за нее, и душа ее пошла бы в ад, чего она не хотела; что для этого, будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила в самом простом костюме — в сереньком платье и белой тафтяной кофте, этим делала экономию и никак не позволяла себе наряжаться в богатое платье в деревне или в дороге. Это уже явно относилось ко мне, потому что на мне тогда было лиловое с золотом платье. Я проглотила пилюлю»...

Но такие вспышки гнева не влекли за собой серьезных последствий для тех, кто им подвергался, и проходили так же быстро, как появлялись, уступая место искренним порывам доброты, сентиментальному настроению, грусти и слезам. В 1755 г. при известии о землетрясении в Лиссабоне она выразила желание на свои средства выстроить целый квартал в этом городе, и большого труда стоило ее убедить, что состояние ее финансов не позволяет ей этого расхода. Она плакала, читая списки убитых и раненых во время Семилетней войны. Когда в придворном театре играли оперу под названием «Титово милосердие», императрица «проливали токи слез». В 1744 г., встретив только что приехавшую с матерью невесту наследника, будущую Екатерину II, Елизавета Петровна долго смотрела на княгиню-мать, затем быстро повернулась и ушла в соседнюю комнату, чтобы скрыть слезы: ее поразило сходство княгини с ее покойным братом, титулярным епископом любекским, женихом Елизаветы, умершим целых 17 лет тому назад, о котором, однако, она не могла вспомнить без грусти.

Добрая, хотя и не без вспыльчивости, и веселая, хотя и не без сентиментальности, императрица Елизавета Петровна оставила по себе в общем светлую память. «Сия государыня,— говорит Щербатов,— была набожна, милосердна, сострадательна и щедра». Те же качества признает за ней даже ее враг фельдмаршал Миних, которому немало пришлось от нее пострадать. «Она была милостива,— читаем мы в его записках,— и до такой степени не жестока и человеколюбива, что никогда не хотела проливать крови и не наказывала смертью ни убийц, ни грабителей, ни других преступников».

М. Богословский

ПЕТР III И ЕКАТЕРИНА II

5

февраля 1742 года в Петербург прибыл молодой голштинский герцог Карл-Петр-Ульрих, поспешно вызванный из Киля в Россию его теткой, императрицей Елизаветой Петровной. Это обстоятельство, маловажное само по себе, стало причиной чрезвычайно важных перемен в жизни

России середины XVIII века: прихотливая судьба сделала этого голштинского принца наследником русского престола. Потомок Петра Великого по женской линии (он был сыном цесаревны Анны Петровны и герцога голштинского Карла-Фридриха), он, благодаря перевороту 24 ноября 1741 года, возведшему на престол дочь Петра I Елизавету, стал, неожиданно для самого себя и для окружающих, великим князем Петром Феодоровичем, преемником императрицы Елизаветы, так как она желала обеспечить престол за потомством своего отца в противовес другим кандидатам. В то же время принц Карл-Петр-Ульрих, как двоюродный внук шведского короля Карла XII, был возможным кандидатом и на шведский

престол. Такова была щедрость прихотливой судьбы по отношению к одному из самых второстепенных, хотя и владетельных государей Европы.

Не менее прихотливо распорядилась судьба и жизнью молодой принцессы малоизвестного Ангальт-Цербстского дома Софии-Августы, сделав ее женой названного голштинского принца, а потом — властительницей одной из обширнейших в свете монархий.

Но дав этим баловням своим одинаково высокое положение, судьба слишком неравномерно распределила между ними свои материальные и духовные дары: наделив одну (Екатерину) весьма щедро, она с другим (с Петром) обошлась, как с нелюбимым пасынком, почти лишив его даже самого необходимого. Судьба поступила тут, как искусный художник, который строит свои характеристики на контрасте изображаемых лиц: и недостатки, и достоинства Петра III и Екатерины II всегда выступали особенно рельефно, когда с этими лицами знакомились и их изучали одновременно. Чем ярче свет, тем гуще тени.

Петр III был от природы слабым, хилым, невзрачным на вид ребенком, который постоянно болел и выйдя уже из детского возраста. Дурное воспитание, легкомысленно и бестолково веденное его голштинскими наставниками Брокдорфом и Брюммером, не только не исправило недостатков физической организации принца, но еще более их усилило. Ребенок часто должен был дожидаться кушанья до двух часов пополудни и с голоду охотно ел сухой хлеб, а когда приезжал Брюммер и получал от учителей дурные отзывы о принце, то начинал грозить ему строгими наказаниями после обеда, отчего ребенок сидел за столом ни жив, ни мертв, и после обеда подвергался головной боли и рвоте желчью. Даже в хорошую летнюю погоду принца почти не выпускали на свежий воздух, но зато два раза в неделю заставляли бы-

вать на вечерах с 6 час. вечера, а в летние дни, вместо прогулок, «играть в кадрили» с дочерью г-жи Брокдорф, причем только серьезная болезнь освобождала принца от этой обязанности. Принца часто наказывали, причем в числе наказаний были такие, как стояние голыми коленями на горохе, привязывание к столу, к печи, сечение розгами и хлыстом.

Переезд четырнадцатилетнего принца в Россию не изменил системы воспитания к лучшему: с одной стороны, при нем остались его прежние воспитатели, уже доказавшие свою непригодность к этому делу, а с другой — в его новом отечестве, в той среде, в которую он попал, господствовали на этот счет мнения, не ушедшие вперед по сравнению с голштинскими. И здесь несколько не заботились о физическом развитии наследника престола, заставляя его, однако, подолгу и чуть не до изнурения выделять всевозможные балетные па — хореография при дворе Елизаветы, ее страстной поклонницы, процветала, как нигде. Как мало обращалось внимания в Петербурге на здоровье Петра, показывает следующий случай. Однажды он стал жаловаться на нездоровье, но на это не обращали внимания, объясняя все притворством и нежеланием учиться, и поверили лишь тогда, когда он однажды во время занятий упал на руки профессора Штелина. За 3 года пребывания в России Петр перенес 3 тяжелых болезни. Но жизненный режим, несмотря на все это, оставался все тот же, и, по словам Штелина, Петр несколько окреп значительно позже, когда он стал усиленно заниматься воинскими упражнениями со своими голштинскими солдатами. Но и тогда внешностью своей он не мог привлечь ничьих симпатий. Рюльер, видимо, расположенный к нему, так описывает его: «Его наружность, от природы смешная, сделалась таковой еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не

мог сгибать колен и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое он безобразил беспрестанным кривляньем для своего удовольствия».

Полную противоположность Петру представляла собой Екатерина: крепкая и здоровая, она соединяла с этим большую привлекательность; не будучи красавицей, она умела, когда хотела, произвести очень выгодное впечатление на всех тех, с кем встречалась. Тот же Рюльер, далеко не расположенный к Екатерине, так изображает ее: «Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд — все возвещало в ней великий характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, черные брови и таковые ж прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляла отличительную черту ее физиономии. Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз не что иное, как действие особенного желания нравиться, и очаровательная речь ее ясно открывает опасные ее намерения».

Еще больший контраст был между супругами в духовном отношении. Петра III долго и беспорядочно учили, Екатерина училась сама; результатом учения Петра было то, что он поражал своим невежеством даже императрицу Елизавету, которая была уверена, что в Англию можно проехать сухим путем, — Екатерина была всегда в курсе всех важнейших вопросов своего времени и могла, несколько не роняя своего звания и достоинства, беседовать письменно и устно с виднейшими умами Западной Европы. Петр собирал библиотеку, но никогда не про-

чел ни одной серьезной книги; однажды он закупил себе много немецких книг, но «что это были за книги! — восклицает Екатерина в своих записках. — Часть их состояла из лютеранских молитвенников, другую составляли судебные процессы и рассказы о разбойниках, грабивших по большим дорогам и за это повешенных или колесованных». Библиотека Екатерины состояла из избранных книг не только новой европейской литературы, но и древней, классической. Причина всего этого заключается в различии интеллектуальных способностей Петра III и Екатерины II.

Ум Петра, по выражению В. О. Ключевского, был «голландски-тесный». Всякая мало-мальски отвлеченная работа мысли была не по нем: малейшее напряжение ума уже его утомляло, и «он не любил глубокого размышления», по словам своего наставника Штелина¹. Заметив это, Штелин держался, где только и когда только возможно, наглядного метода обучения; он приносил ему книги с картинками, древние русские монеты и по ним рассказывал древнюю историю России; по медалям Петра В. рассказывал историю его царствования; читая ему газеты, он проходил так всеобщую историю, «амюзируя» ее при этом ландкартами и глобусом. Но и в такой форме преподавание приносило мало пользы, и едва ли не единственный раз в своей жизни (дело было в 1743 году) Петр привел в слезное умиление императрицу-тетку своими познаниями, поправив однажды за столом ошибку фельдмаршала Долгорукого и полицеймейстера Девьера по части древней русской истории. Он не был лишен памяти, но память его была направлена исключительно на мелочи, и никакая работа обобщения ни в процессе запоминания, ни после была ему не по силам. Единствен-

¹ См. его записки в «Чтениях О-ва истории и древностей российских». 1866 г., кн. IV.

но, что интересовало Петра III, это — военные науки, но и то лишь с их практической стороны¹. В записках Штелина сохранился отрывок записей о занятиях великого князя Петра Феодоровича в 1743 году (с 1-го по 10-е декабря). Из них мы узнаем, что хорошо он занимался только «профилями и проспектами»; когда Штелин начал объяснять ему прагматическую историю «по Введению Пуффендорфа», Петр был «довольно внимателен»; на следующий день он был просто внимателен; на третий — занимался «порядочно»; еще через день — уже «с нуждой», 8-го декабря русской историей он занимался «совершенно легкомысленно», а 9-го вел себя (при занятиях древней историей Дании) «нагло и дерзко». За десять дней занятий математикой занимались только один раз, да и то «с нетерпением»².

Таким образом, мыслить Петр мог только самыми конкретными образами и притом по преимуществу из одной узкой области — области военного дела. Знания, приобретенные под руководством Штелина, он быстро утратил, и тот под 1748-м годом пишет в своих записках: «Великий князь забывает все, что учил, и проводит время в забавах с такими же невеждами, как Чоглоков» (его обер-гофмаршал).

Ум Екатерины не может быть назван гениальным, но, во всяком случае, он не был заурядным. По словам одного из иностранных дипломатов при русском дворе, Дальона, ее ум «превосходил лета». Но не только показания очевидцев, лично видевших и знавших ее, свидетельствуют о ее живом, тонком и сильном в диалектике уме. Мы имеем очевидное доказательство этого в ее записках. Достаточно прочесть их, чтобы понять,

¹ Замечательнейшим днем своей жизни он считал тот, когда отец произвел его из унтер-офицеров в секунд-майоры.

² «Записки», стр. 83–84.

насколько она была выше своего мужа. Записки Екатерины II — это не только автобиография (во многом пристрастная), это также и тонко и умно написанная автоапология. Ум Екатерины не был лишен известной доли практичности, но в то же время он был способен и на отвлеченную работу.

Безвольный и нерешительный (хотя в то же время упрямый) Петр III жил впечатлениями минуты, и все его поступки носили ярко выраженный импульсивный характер; задерживающие центры его были чрезвычайно слабо развиты. Он не имел секретов, ни личных, ни государственных, потому что у него — «что в уме, то и на языке». Его откровенность часто переходила всякие границы; он не только не скрывал своего равнодушия, а потом — почти ненависти к Екатерине, но через несколько же дней после ее приезда в Россию он объявил ей, что женится на ней только по желанию тетки. Но — что хуже, он не хотел и, по-видимому, не считал нужным оказывать ей хотя бы то уважение, на которое она могла рассчитывать по своему сану и положению. На глазах жены и придворных он оказывал весьма большое внимание придворным фрейлинам и особенно — Елизавете Воронцовой. Таким он был, будучи великим князем, таким же он остался, став императором, когда новое положение обязывало его еще к большему. Он не умел и, по-видимому, не хотел скрывать своей радости по поводу смерти императрицы Елизаветы, устроив в день ее смерти веселый ужин и повторив его в следующие дни, в то время как Екатерина обнаруживала все признаки глубокой печали: «Каждый день все видели, как Екатерина в глубоком трауре, с опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, став на колени, долго и глубоко молилась. Она ни на кого не смотрела, никого не видела, но была уверена, что на нее смотрят, что ее все видят,

и тем сосредоточеннее была ее молитва, тем глубже и горче слезы»¹.

В то же время Петр, по словам Дашковой, «редко заходил в похоронную комнату, а если и бывал в ней, то как будто для того, чтобы показать всю пустоту и презрение к своему собственному достоинству. Он шептался и смеялся с дежурными дамами, передразнивал священников и замечал недостатки в дисциплине офицеров и даже простых часовых, — «недостатки в одежде, в повязке галстуков, в объеме буклей и в покрое мундиров».

Ту же слабость задерживающих центров, то же неумение владеть собой Петр III обнаруживал и в своей государственной деятельности. «Помыслом касательно веры более протестант, чем русский», по словам Штели-на, он не скрывал этого ни тогда, когда был наследником престола, ни тогда, когда стал императором огромного православного царства; он как будто не понимал (в противоположность своей жене), что с религиозными чувствами народа нельзя обращаться легко; наоборот, он чуть не на каждом шагу бросал открытый вызов религиозному чувству своих подданных, держа себя несоответствующим образом при религиозных церемониях и затеяв целый ряд реформ, которые давали основание говорить, что на Россию надвигается «люторская ересь».

Наоборот, Екатерина на каждом шагу старалась подчеркнуть свое предпочтение всему русскому и православному перед немецким и лютеранским. Когда вскоре же после приезда в Россию она опасно заболела, то мать хотела пригласить к ней лютеранского священника. На это Екатерина ответила: «Зачем же? Позовите лучше Симона Тодорского (православного священника); я охотно поговорю с ним». Разговор с этим священником в присутствии посторонних произвел на всех, по

¹ Бильбасов. «История Екатерины II», т. I, стр. 423.

словам Екатерины, «очень приятное впечатление». «Это расположило,— прибавляет она,— в мою пользу как императрицу, так и весь двор». Когда однажды ей было передано желание императрицы Елизаветы, чтобы она, кроме первой недели Великого поста, постилась и вторую, то Екатерина испросила позволение есть постное все семь недель. По словам английского посла Уильямса, Екатерина, как только приехала в Россию, «начала всеми средствами стараться приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь (в 1755 году) говорит на нем в совершенстве (как говорили мне сами русские). Она достигла своей цели и пользуется здесь большою любовью и уважением»¹.

К России Петр III был более чем равнодушен — он называл ее «проклятой страной». Имел он для этого основания или нет, это вопрос особый, но, во всяком случае, как император России, он не должен был этого показывать; а между тем его поступки и намерения не оставляли в подданных на этот счет никаких сомнений — настолько откровенно он все это высказывал, и, по словам Штелина, модель города Киля, подаренная ему дядей, «забавляла его более, чем все русское государство».

В области внешней политики Петр III желал действовать совершенно самостоятельно, и с этой целью упразднил Конференцию, существовавшую при императрице Елизавете для обсуждения вопросов по дипломатической части. Теперь никаких внешних сдержек для волевых импульсов императора не было: он то сообщает важнейшие дипломатические тайны иностранным дипломатам (один из которых, Гольц, стал даже фактическим руководителем внешней политики России), то, задумав ненужную для России войну с Данией, он рассказывает об этом самому датскому посланнику при русском

¹ Соловьев, V, стр. 928.

дворе во время обеда у гр. Разумовского, откровенно при этом грозя датчанам: «Они довольно долго пользовались от моей Голштинии, теперь я хочу от них попользоваться»¹.

Узнав о существовании заговора против него из письма прусского короля Фридриха II, который советовал ему взять с собой за границу в предположенный поход наиболее опасных из подозреваемых в заговоре лиц, он сообщает об этом письме и содержащемся в нем совете одному из тех, кого он более всего должен был опасаться.

Распоряжения первых месяцев царствования Петра носят на себе ясно выраженный импульсивный характер: сначала мануфактур-коллегия переводится из Москвы в Петербург, а через несколько времени вновь возвращается в Москву; указом 9-го января в городах были уничтожены полицеймейстеры, и полиция поручена губернским провинциальным и воеводским канцеляриям, а указом 22-го марта должность полицеймейстеров была восстановлена.

Эта слабость задерживающих центров — одна из важных черт характера Петра III. Он не мог вести никакой «политики», ни внутренней, ни внешней; он не мог быть человеком партии, потому что всякая партийность требует дисциплины внутренней и внешней. В то же время он был человеком неискренним и склонным к фальши; но фальшь эта не была преднамеренной, обдуманной, преследующей определенные, заранее поставленные цели; это была фальшь по привычке — фальшь, созданная условиями воспитания, неумелая и чересчур очевидная.

Зато тонким и искусным дипломатом была жена Петра III, Екатерина II. Прекрасно владея собой, она уверенно и определенно шла избранным ею путем.

¹ Записки Штелина, стр. 101.

И она не любила мужа, как муж не любил ее, но она всегда помнила, что ее муж наследник русского престола, а с 25 декабря 1761 г.— император, и что это ее ко многому обязывает. Она рано и хорошо поняла свое положение при русском дворе, наметила себе определенную цель и неуклонно к ней стремилась, не давая свободы своим волевым импульсам, всегда подчиняя их рассудку. Натура энергичная и активная, она, тем не менее, долго выдерживала мучительное для нее бездействие. Когда она собиралась уезжать из родного города в Россию, отец снабдил ее такой инструкцией, исполняя которую она должна была бы потерять и волю, и чувство собственного достоинства — ей предписывались заискивание и покорность перед влиятельными людьми, унижение перед ними и т. п.¹ Екатерина сумела сохранить свое достоинство и заставила себя уважать, и в то время как Петр III не выходил из-под опеки своей тетки, Екатерина II пользовалась при ней довольно значительной самостоятельностью. Она не делала лишнего шага, не взвесив его последствий, и умела идти на компромисс.

Петр III, несдержанный в проявлениях своих чувств, не мог похвалиться ни их глубиной, ни их силой, ни их нравственной высотой. Екатерина была способна сильнее и глубже чувствовать, и если в личной жизни и не соблюдала пуританской чистоты нравов, то, во всяком случае, не страдала нравственной распущенностью, подчиняя чувства рассудку. Жестокости и грубости Петра III она умела ловко противопоставить свои гуманные чувства и ласковое обращение с людьми.

При таком различии характеров немудрено, если совместная жизнь Петра III и Екатерины II не могла дать картины мира и согласия; наоборот, чем дальше, тем сильнее стал обнаруживаться между ними разлад, успо-

¹ Бильбасов, стр. 39—41.

коения от которого они стали искать на стороне... Живя под одной кровлей, они всегда были и до конца остались чужими друг для друга. Времяпровождение их было совершенно различно. В то время, как Екатерина посещала театр, читала книги, вела серьезные беседы с встречавшимися ей интересными людьми, Петр, как ребенок, занимался игрой в солдатики, устраивал кукольный театр. Занятия не стали лучше и серьезнее с возрастом; наоборот, они становились все грубее и бессодержательнее. «Иногда великий князь,— пишет кн. Дашкова,— давал свои праздники в маленьком загородном доме, недалеко от Ораниенбаума: здесь пунш, чай, табак и смешная игра — сатрия служили развлечением. Какой поразительный контраст с духом, вкусом, здравым смыслом и приличием, царствовавшими на праздниках великой княгини!» Еще более резкий отзыв о развлечениях Петра-императора дает в своих записках Болотов, рисующий известную картину прыгающих по дворцовому саду «первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами».

В то время как Петр не хотел заниматься даже своими голштинскими делами, Екатерина взяла их на некоторое время в свои руки (и вела довольно умело), видя в этом для себя школу к управлению большим царством, и записочки ее, относящиеся к 1759 г., показывают, что она уже в это время интересовалась вопросами законодательства и управления, мечтала о будущих реформах и т. п. Английский посол Уильямс уже в 1755 году писал про Екатерину, что она «обладает большими познаниями Русского государства, которое составляет предмет ее самого ревностного изучения».

В противоположность шумной, беспорядочной жизни Петра III, Екатерина вела жизнь замкнутую, а за все время царствования мужа она даже не снимала траура, появляясь в нем и в театре, и на пирушках императора.

Супруги редко сходились вместе, а если это и бывало, то происходило следующее. Великий князь, по словам Екатерины, придя к ней, начинал обыкновенно шагать по комнате. «Его прогулки по комнате,— говорит она,— продолжались часа два и повторялись несколько раз в день; надо было ходить с ним вместе до истощения сил, надо было слушать его внимательно и отвечать, между тем как он говорил большею частью полную бессмыслицу, и нередко его беседы были просто игрою воображения... При всей моей твердой решимости угождать ему и быть с ним терпеливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посещения, прогулки и разговоры надоедали мне до чрезвычайности... Когда он уходил, самая скучная книга казалась мне приятным развлечением». Обыкновенно Петр III приходил к жене или в тех случаях, когда ему нечего было делать, или тогда, когда случалась неприятность, и он не знал, как из нее выпутаться; сознавая превосходство жены, он шел у нее искать совета.

После какой-либо неприятности, причиненной мужем, Екатерина уединялась еще больше, вызывая этим к себе большое сочувствие. В то время как он открыто заявлял, что тяготится супружеством с нею, она делала вид, что смиренно готова перенести все удары судьбы. Она понимала, что такое пассивное поведение лучше всего подчеркнет разницу между нею и мужем. В то время как он даже в мелочах старался идти наперекор ее желаниям, запретив, например, садовнику в Петергофе отпускать ей те фрукты, которые она любила, Екатерина вела себя так по отношению к мужу, что ее ни в чем нельзя было упрекнуть. И если у Петра, по удачному выражению Екатерины, «первым врагом был он сам»¹, то она в значительной степени была кузнецом своего счастья:

¹ «Р. Арх.», 1878 г., II, стр. 288.

как бы много ни приписывать благоприятному стечению обстоятельств, бестактному и неумелому поведению Петра и т. п., нельзя не признать, что Екатерина очень многого добилась сама. Постоянные смены придворных, бывших при ней (это происходило по приказанию императрицы Елизаветы), научили ее, по словам Бильбасова, быть осторожной в своих привязанностях, дали ей необходимую гибкость в житейских отношениях, умение ладить со всеми; она редко кого отталкивала от себя, в то время как Петр III как будто нарочно всех вооружал против себя. «Больше чем когда-либо (тотчас по приезде в Россию),— пишет Екатерина,— я старалась снискать расположения всех — больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех и должна всячески приобретать общую любовь. В этом я и успела». Незаметно и постепенно Екатерина приобретала себе партию; на нее стали смотреть с надеждой, как на спасительницу государства, в то время как Петр вызывал одни только нарекания. Не поправили дела потом и такие указы, как об уничтожении Тайной канцелярии, об отмене пытки, о понижении цены на соль, о вольности российского дворянства и т. п.; не создало ему популярности и возвращение из ссылки многих лиц, потому что в числе возвращенных были такие люди, как Бирон, Миних, Лесток и проч., тогда как гр. Бестужев-Рюмин оставался в опале.

Когда Петр III пал, о нем никто не пожалел, кроме разве его адъютанта Гудовича и Воронцовой, и с ним никто не погиб, потому что, как уже было указано, у него не было партии, он был один. Екатерина же создала эпоху, создала век, носящий название «Века Екатерины». Переворот 1762 года со всей очевидностью обнаружил разницу между Петром III и Екатериной II: в то время, как первый, по выражению Фридриха II, «позволил свергнуть

себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать», вторая повела дело так, что получилось впечатление, будто она сама по единодушному желанию народа вступила на престол, а не была возведена на него, и сразу взяла бразды правления в свои руки, как будто это было для нее делом совсем привычным.

К. Сивков

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

(Опыт характеристики)

Два смежных царствования отбросили особый отсвет на личность и царствование императрицы Екатерины: воспоминания о муже заставляли прощать ей все ошибки первых лет ее правления, любовно подхватывать каждый ее удачный жест, искренно видеть «Семирамиду Севера» и «Российскую Минерву» в недавней жертве грубых издевательств Петра III; сравнивая ее с сыном, охотно прощали ей все увлечения и шероховатости второй половины ее царствования, благоговейно хранили культ «премудрой Фелицы», даже при Александре I про себя думали то, что Пушкин громко формулировал в известных стихах:

С Екатериной умерла
Екатерининская слава...

Этот отсвет проник почти во все характеристики Екатерины современников и ближайших потомков. Казавшееся чудесным превращение бедной ангальт-цербтской принцессы в русскую великую княгиню, гонимой жены в «повелительницу полмира» еще более сгущало краски «творимой легенды», сохранившие свою свежесть в общем сознании и до сих пор. Идеализация была тем сильнее и законнее, что в самых свойствах Екатерины для нее слишком много было данных.

Природа дала Екатерине большой ум, забиравший, впрочем, больше вширь и вдаль, чем вглубь. Она на лету схватывала чужие идеи, быстро их перерабатывала и приводила в систему, низводила их с абстрактных высот до уровня конкретного мышления. Это был эклектический по преимуществу ум, который брал отовсюду все то, что ему нравилось, и придавал иногда этому сбродному материалу внешний вид своеобразия. Благодаря этому всегда легко расшить мировоззрение Екатерины на его составные части и указать источник каждой из них.

Такие умы обыкновенно не отличаются творческими способностями. Интересно, что сама Екатерина, со свойственной ей вообще наблюдательностью и откровенностью, отметила у себя эту черту: в автобиографической записке 1791 г. она прямо заявляет, что «никогда не считала свой ум творческим».

Это была живая, жизнерадостная, гибкая и упругая натура, обладавшая изумительною способностью приспособления. Екатерина не любила ничего скучного, печального, слишком ученого, чересчур чувствительного; ей претила всякая аффектация. Из жизни и литературы ей хотелось бы выбросить не только все, «гнусности и отвращение за собой влекущее», но и «все то, что не в улыбатальном духе... либо скуку возбудить могущее, а наипаче горесть и плач разогревающие драмы». Некоторые из современников подчеркнули тот факт, что она

недолюбливала псевдоклассических трагедий. Ей органически были противны напыщенность, погоня за громогласными и крикливыми эффектами, красота в ущерб смыслу, хотя она, высоко ставя свою деятельность и хорошо зная свою популярность, не всегда могла отличить деланный, фальшивый пафос от искреннего взрыва чувств, злоупотребление разными тропами и фигурами — от констатирования реальных фактов... «Восклицание пишется,— говорила она («Были и небылицы»),— обыкновенно двухвершковыми строками, наполненными высокопарными словами. Тут на слабомыслие и пустомыслие не смотрится, лишь бы сплетение слов ушам громогласно казалось; дельное же отмечается везде тут, где в вершковой мере не вместительно либо слова не звучны».

Особенно ярко выступает эта черта натуры «Фелицы» в ее юмористическом завещании, которое до сих пор еще не оценено надлежащим образом.

Вот что писала императрица в ту эпоху, когда изящная простота и присущая русской натуре боязнь всякой аффектации только робко пробивались кой-где из-под груды навязанной нам пустозвонной напыщенности и манерной слащавости, портивших здоровый вкус: «Не писать шероховато либо с трудом, аки подымая тяжести на блоке; писав, думать не долго и не много, наипаче не потеть над словами; краткие и ясные изречения предпочитать длинным и кругловатым; красноречие не употреблять нигде, разве само собою на конце пера явится; скуки не вплетать нигде, наипаче же умничаньем безвременным; веселое лучше всего, улыбателное же предпочесть плачевным действиям; за смехом, за прикрасами не гоняться (не запрещается, однако ж, оных употреблять везде тут, аки струи), ходулей не употреблять, где ноги могут служить, т. е. надутых и высокопарных слов не употреблять, где пристойнее, пригожее, приятнее и

звучнее обыкновенные будут; проповедей не списывать и нарочно оных не сочинять; где инде коснется до правоучения, тут оные смешивать наипаче с приятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицам острокаблучным не причинять истерических припадков безвременно; глубокомыслие окутать ясностью, а полпомыслие легкостью слога, дабы всем сносным учиниться; пустомыслие и слабомыслие откинуть вовсе, буде можно; на всякие мысли смотреть не с одного конца, но с разных сторон, дабы избирать удобно было вид тот, который рассудку приятнее представится». Сколько в этих словах здорового реализма, блесок трезвого, светлого ума!

Живой темперамент умерялся развитым и требовательным рассудком, от которых часто веяло холодом и отдавало сухостью и прозаичностью; слишком рано и сильно развившаяся рассудочность подавила свежесть и непосредственность чувства, придала самим кратковременным увлечениям какой-то стереотипный, затхлый характер. Екатерина органически не могла понять свободной игры мистически настроенной фантазии, своеобразной прелести народной сказки. Не нужно забывать, что она не любила и никак не могла понять наиболее тонкого, неуловимого, забирающегося в самые потаенные изгибы человеческой души искусства — музыки, не любила чисто художественной, не тенденциозной поэзии, за всю жизнь, после продолжительных потуг, написала только три стихотворных строчки. Трезвая натура, слишком развитой здравый смысл, холодная рассудочность давали мало почвы для иллюзий, иногда окрашивали вкусы грубоватой простотой, которая часто шокировала французских эмигрантов, сложившихся в атмосфере Версальского двора.

Замеченная ложь, для которой рассудок или тщеславие не могли быстро подыскать оправдания, глубоко

оскорбляла Екатерину. В минуту откровенности у нес вырвалось следующее характерное признание: «Самою мерзкою из всех ролей мне всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенком, я горько плакала, когда меня обманывали». Еще более боялась она быть смешной или жалкой... Природная правдивость переплелась здесь с приподнятым самолюбием, слишком большим вниманием к общественному мнению, рано развившимися тщеславием, честолюбием и славолубием.

Богатые природные силы, высокие требования, пошлая, монотонная, бедная обстановка — вот условия, среди которых слагается характер Екатерины в ее юности. Сознание недюжинных сил, постоянные унижения, противоречия между думами и действительностью заставляют рваться из этой тягостной атмосферы, отдаляют от родных, воспитывают самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливают самолюбие и тщеславие; упругость некоторых из этих черт развивается пропорционально давлению среды.

Двор Елисаветы дал ей ту же картину, только еще ярче окрашенную, в сильно увеличенном масштабе...

Здесь, в новой обстановке, ждали Екатерину та же пошлость, мелочность интересов, та же грубость вкусов неискусно прикрытые взятой у французов напрокат изысканностью обращения; здесь тоже слишком мало думали об общем благе и слишком много — о своем личном...

В этой обстановке слагались люди, которые потом с пафосом говорили Екатерине, что она «премудрее Самого Господа Бога», которые могли заключать с учителем условие, чтобы он, по прошествии зимних месяцев, на vacation вступил «в должность садовничью и (обязался) старатца сделать два аглицкие сада завест теплицы цветники и парники»; как известно, эти люди никак не могли отличить воспитания от питания, и были уверены, что давали детям хорошее воспитание, когда кормили их

белым хлебом, никогда не давая черного. Один из них, генерал-губернатор Каменский, в отношении за номером, просил как-то сменить рязанского епископа и прислать ему светского архиерея; другие сомневались, чтобы у Бога «генералитет, штаб— и обер-офицеры были в одном ранге», или были уверены, что «кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение», между тем как «педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи: какая пустота! Чорт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит»; тела третьих «родились в России, душа же их принадлежала короне французской»; почти всем «стыдно было чего-нибудь стыдиться».

Некоторые традиции устойчивы у нас, в Руси. Когда в 1785 г. Екатерина определила права, вольности и преимущества российского дворянства, один из современников в своих записках пополнил перечень прав еще одной, упущенной из виду вольностью, которою, по-видимому, тогдашние российские дворяне дорожили больше всего: «дворяне почитают невежество своим правом; человек со сведениями не только не уважается, но обгадается»¹.

В течение всего своего царствования Екатерине приходилось энергично бороться с жестокостью и цинизмом, которые свили себе прочное гнездо при дворе: она принуждена была многократно подтверждать указами, чтобы не били придворных ливрейных служителей, «какого бы звания ни был», и выражать «омерзение к суровостям, от невежества рожденным и выдуманным». Под внешним лоском было много самой первобытной грубости...

¹ Гр. Воронцов в начале царствования Екатерины писал о своей племяннице княгине Дашковой, что она «имеет прав развращенный и тщеславный, больше в науках и пустоте время свое проводит».

Горькое слово сказала она однажды своим приближенным: «Если бы я поверила тому, что вы говорите друг про друга, то оказалось бы, что между вами нет ни одного, который не заслуживал бы отсечения головы»...

Стоит прибавить к этим тягостным впечатлениям семейные неурядицы, недоверие и притеснения со стороны императрицы Елисаветы, нараставший с каждым годом придворный гнет, причуды и ребячества нелюбимого и нелюбящего мужа, чтобы понять, в каком направлении судьба довоспитала Екатерину. Здесь она познала горечь одиночества, унижения и беспомощности, «сладость возвышенных мыслей»; здесь ее характер получил свой окончательный закал, свои наиболее сильные и слабые стороны...

«Несчастье и уединение» были ее учителями; гнет питал чувство протеста и симпатию к свободолобивым идеям философов просветительного направления; низость окружающей среды усиливала веру в себя и самоуверенность. У нее развивается замечательное чутье положения, находчивость, умение глубоко скрывать свое истинное настроение, от души смеяться, когда в глубине души накапливались слезы, и заражать других своею печалью, когда радостное чувство так и рвалось наружу... Чужие, далекие, несимпатичные люди, невозможность, да и нежелательность отступления, минуты отчаяния — и рядом фаталистическая вера в свою счастливую звезду, честолюбивые мечты, «всегдашняя готовность к мобилизации», «постоянная самособранность» (В. О. Ключевский)...

Позднее сама Екатерина признавалась: «Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умела быть упряма или пастойчива, как хотите, когда мне казалось, что это необходимо; я никогда не стесняла ничьего мнения, но при случае держалась своего собственного; я не люблю споров, так как всегда замечала, что всякий остается при

своим убеждением; к тому же, я не могла бы никого пере-
кричать».

Понемногу слагалась привычка больше слушать, чем говорить, умение подмечать особенности людей и пользоваться ими, очень снисходительная мораль, несколько пренебрежительное отношение к людям и их слабостям, умение примиряться с наиболее отталкивающими жизненными явлениями, недоверие к окружающим — и способность их пленять своею подкупающею искренностью.

Елисавета Петровна запрещала ей заниматься, говорила, что она и без того умна, и Екатерина умела искусно припрятать свою ученость; муж делился с нею анекдотами из своей романической практики, и она была его верной confidentкой. В то время, как Петр Феодорович судил военным судом провинившихся крыс, играл в солдатики и воспитывал в соседней со спальней комнате свору собак, она много думала и читала.

Не одна мода или случайность натолкнули ее на просветительную литературу: она сразу должна была почувствовать, насколько просветительные идеи родственны основным особенностям ее натуры. Поэзии мало было места в ее внутреннем мире...

Она жадно впитывает в себя ходячие идеи своего века; перед ней раскрылись широкие горизонты, душа отдыхала за возвышенными мыслями, когда кругом царила грязная житейская проза: так сложилась привычка жить, так сказать, на два фронта и совмещать несовместимое.

В ее ранних записках звучат безусловно искренние и симпатичные ноты: «Бог мне свидетель, что желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Ее слава есть и моя... Хочу общей цели сделать всех счастливыми. Свобода — душа всего, без нее все мертво... Политическая свобода все воодушевляет. Противно хри-

стианской религии и справедливости делать людей рабами — люди все рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря: оно убивает промышленность, искусство, науки»...

Мечта — спутник одиночества, и даже у благоразумной и трезвой Екатерины вываливается из рук том Монтескье и Вольтера, когда она задумывается о том, как легко осчастливить Россию, какое славное, увлекательное поприще может открыться перед нею, Екатериной.

Сбылись самые пылкие, самые фантастические надежды: Екатерина сделалась правительницей своей новой родины. У нее не могла не закружиться голова.

Ей казалось, что своей сказочной карьерой она, главным образом, была обязана себе, своему уму, своему развитию, своей привлекательности и предусмотрительности; естественно было игнорировать то течение, которое вынесло ее наверх: позднее свою удачу Екатерина приписывала лишь Богу и себе. Тщеславие, честолюбие, страсть к шуму, блеску и первенству были с излишком удовлетворены: «Провидение поставило меня,— признавалась в 1791 г. сама Екатерина,— так высоко, что, взвесив все по справедливости, я не могла меряться с частными людьми и не находила равной себе партии».

У нее навсегда уже сохранится культ собственного разума, своеобразная теория самообразования, пренебрежительное отношение к правильной школе и системе: ее собственный пример всею силою своего красноречия будет заглушать голос теории и практики.

Первые годы царствования носят на себе печать радостного возбуждения. Екатерина мало еще знала русское общество, но видела его искреннюю радость и верила в то, что ее царствование будет новой эрой.

С высоты престола раздались красивые слова, заимствованные, впрочем, из ходких книг не первой свежести: «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все

подвержены были тем же законам. Слова не вменяются никогда в преступление. Запрещение или недозволение различных вер есть порок, весьма вредный для спокойствия и безопасности граждан. Великое несчастье в государстве не сметь свободно говорить своего мнения. Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако ж мы думаем, и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства (нового Уложения) был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле — намерение законов наших было бы не исполнено: несчастье, до которого я дожить не желаю!»

Самая девственность, невозделанность почвы подавала большие надежды. Екатерина сама признавалась: «Я люблю страны еще невозделанные: верьте мне — это лучшие страны. Я годна только в России: в других странах уже не найдешь священной природы: все столько же искажено сколько чопорно». Как мало в этих словах знания истории, и какой горький опыт ждал Екатерину!

Сравнение с предшествующей эпохой было безусловно в пользу Екатерины; обаятельность представляемых ею идей, несомненные жизненные факты убеждали ее в благости Провидения, которое послало, наконец, России такую мудрую и гуманную правительницу.

Восторги и радостные слезы депутатов, благословения народа сливались для Екатерины в один могучий, душу захватывающий гимн. В одной из церквей мужики подают свечи, прося поставить их перед матушкой царицей Катериной Алексеевной. Вольтер ей пишет: «Дидро — не единственный француз, приходящий в восторг от вашего величия. Мы — светские миссионеры,

проповедующие религию св. Екатерины, и мы можем похвастаться тем, что наша церковь порядочно обширна». Один из постоянных и любимых корреспондентов Екатерины, Гримм, в своих письмах к ней, «посреди самых разнообразных, по-видимому, интересов, постоянно занимает ее, однако ж, только одним, всегда над всем господствующим, ни на минуту не сходящим со сцены предметом, именно ею самою, в лучезарном сиянии гения, могущества и славы, тою Великою и Бессмертною, как он беспрестанно ее называет, которой каждое письмо возносит его на верх блаженства и надолго повергает в несказанное волнение» (Грот). Екатерина постепенно привыкает к роли «светлого и тресветлого солнца», которое «всем тепло и красно».

Она не любит, да и не может понять печальных лиц, угрюмых настроений; самостоятельный почин кажется ей недоверием к ее силам и посягательством на ее славу; она делается очень чувствительной к возражениям. У нее вырываются даже такие слова: «С мнением моего совета я всегда согласна, когда его мнение согласно с моим». Свободные речи Новикова вызывают у Екатерины следующий отпор: «В старые времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы каково ни на есть царства русского владения (тонкий намек на Сибирь): нынче де дали волю писать и за такие сатиры не наказывают».

Сначала бестактная лесть, принужденность обращения выводят ее из себя, и она кричит «орлиным голосом против такой манеры себя держать», но чем больше она кричит, «тем менее все чувствуют себя не стесненными в ее присутствии». Ее тяготят церемонные приличия, этикет, хотя в упоминании об этом гораздо больше позы, чем искренности; ей хотелось бы, чтобы естественность обращения соединялась с преклонением перед ее гением, и чтобы это преклонение не принимало смешных

форм; она любит посыпанную солью лесть, которая даже принимает внешние формы резкого обвинения; ее тешит эта фиктивная борьба.

Но чутье притупляется, и скоро лесть, иногда очень грубая, войдет обязательным составным элементом в отношения. Сам Потемкин советовал Мальмсбери: «Льстите, как можно больше, и не бойтесь в этом пересолить». Из уст иностранных дипломатов вырываются горькие жалобы: «Для человека, не привыкшего с малолетства к лести, ничто не может быть труднее, как вести переговоры при этом дворе; гордость не раздельна с невежеством, а потому... действия этого двора часто проникнуты гордостью и тщеславием». Иностранцы единодушно жалуется на это, винят во всем личный характер императрицы, между тем как эта черта определялась в значительной степени самим ее положением.

Приближенные Екатерины несколько раз составляли для нее статистику ее подвигов на пользу России. Без излишней скромности подводила она итоги своего царствования и часто была убеждена, что русское общество слишком низко оценивало ее деятельность. Больше всего гордилась она своим действительно замечательным трудолюбием: даже и преувеличенные похвалы ему она принимала благосклонно. Интересны ее собственные слова: «Я по природе люблю трудиться и чем более работаю, тем становлюсь веселее». Она много и постоянно работала. Живость темперамента и нелюбовь к праздности сделали ее, между прочим, очень плодотворной писательницей. Она сама признавалась: «Я не могу видеть чистого пера, чтоб не пришла мне охота обмакнуть оно в чернила; буде же еще к тому лежит на столе бумага, то, конечно, рука моя очутится с пером на той бумаге. Начав же, не знаю я никогда, что напишу, а как рукою поведу я по бумаге, то мысль сматывается, как нитка с клубка; но как пряжа не всегда ровна, то попадаетея и по-

толще, и потопее, а иногда и узелок, или что-нибудь и совсем не принадлежащее к пряже, питке и к клубку, но совсем постороннее и к другим вещам следующее».

Что относится к Екатерине, как литератору, то же может быть применено и к другим сферам ее деятельности: она сама ведь признавалась, что у нее «нет системы», но она желает «только общего блага».

Приходилось сильно разбрасываться, выпутываться из очень трудного положения: ее возвели на престол различные общественные элементы, интересы которых далеко расходились; между излюбленными идеями и действительностью сразу обнаружилась пропасть, через которую нельзя было перебросить моста; сильнее всего, требовательнее всего было дворянство, а между тем его интересы резко сталкиваются с основными убеждениями императрицы. В редких случаях ее ждет открытый протест, чаще расступается перед нею эта среда, сжимая и охватывая ее со всех сторон своим пассивным протестом. Стремление упрочить за собою приобретенное положение и сама натура требуют славы; слава дается без особого труда, иногда прямо даром: провозглашение идей охотно принимают за их проведение в жизнь, желания — за исполнение. Все легче и легче достаются новые лавры, все больше и больше досаждают противоречия, и само собою как-то случается, что Екатерина направляется в сторону наименьшего сопротивления. Хочется разнообразия, хочется блеснуть чем-нибудь необычайным, всех затмить, показать всю широту своего гения; предприятие, от которого была получена своя доля приятно щекочущего «мглистого фимиама» восторгов и лести, забрасывалось и часто навсегда испарялось из памяти, сменялось новыми начинаниями и планами: было взято, что нужно, а остальное постепенно разрушалось при полном равнодушии и инициатора, и его помощников. Один из современников, Гённинг, не без раз-

дражения подчеркнул эту черту: «Она предпринимала множество огромных построек для общественной пользы, основывала коллегии и академии по самому широкому плану и с огромными денежными затратами, а потом оставляла эти предприятия недоконченными, и даже не доводила построек до окончания».

Не одно тщеславие, но и политический расчет заставлял Екатерину так разбрасываться, греметь, постоянно напоминать о себе и затрагивать народную фантазию своим величавым образом: лесть иностранцев, преклонение русских льстили чувству национальной гордости, залечивали старые раны, нанесенные народному достоинству, заставляли на время забывать о тяготе жизни...

Громкие победы, блеск придворной жизни, ореол гения многостороннего, даже универсального, заставляли о многом забывать. Впервые Россия сделалась для Европы предметом восхищенных и завистливых разговоров. России приятно было иметь такую популярную правительницу, правительнице приятно было управлять славным народом, и она ревниво относилась к национальной чести, отождествляя ее со своею.

Весьма немногие решались усомниться в преимуществах России, рискуя прогневить императрицу и встретить резкий общественный отпор. Только такие «шпыни и балагуры», как Нарышкин, осмеливались задавать нескромный вопрос: «Государыня, в течение моего детства и юности о русских говорили, как о самом последнем из народов; их называли медведями и даже свиньями; за последнее время, и совершенно справедливо, их ставят выше всех известных народов. И вот я желал бы, чтобы ваше величество сооблаговолили сказать мне, когда же, по вашему мнению, мы стояли наравне с ними?»

Императрица ничего не ответила на этот вопрос, рассердилась даже на дерзкого собеседника, но напрасно посмеялся Нарышкин над этим ослеплением и само-

обольщением: благодаря ему, русские привыкли себя уважать, на него отчасти опиралось народное направление в литературе, оно легло в основу позднейшей реакции против рабского преклонения перед всем иностранным. Такова «бизария гумору» этого страшного века...

Многие грехи простятся Екатерине за ее любовь к русскому языку; не без основания она надеялась, что ее «грешные падежи никому вреда не нанесут», но потомство должно прибавить еще, что литературные произведения императрицы¹ поднимали значение литератора, воспитывали общество своим примером, придавали литературе общественное значение, делали ее важным орудием общественного воспитания, вносили просветительные, гуманные начала терпимости и справедливости. Слова находили пока мало отклика и не всегда были искренними, но в природе ничто не пропадает...

Не пропали, конечно, даром следующие ее слова: «Удивительно лишь только то, что были времена такие, в кои нас уверяли, и мы уверены были, что в богатейшем и пространнейшем в свете языке нашем не находится слов для написания письма, и заимствовали непременно из иностранных языков, даже до мелочных званий разных вещей». Положение автора придавало этим словам особенный вес. Сожалея, что нет более Вольтера, она когда-то воскликнула: «Настанет мелочной век Лагарпов и компании до той поры, когда взойдет звезда Востока: да, оттуда должен воссиять свет, ибо там более чем где-либо хранится под пеплом дух и силы!» Положим, Екатерина и сама иногда подбавляла пеплу, часто при ней было мало простору этому духу и силе (жаль, что она не приняла к сведению мудрых слов Фридриха II: «Самое лучшее, что я сделал для литературы, было именно то,

¹ До сих пор еще никем, однако, не выделена доля участия в них статс-секретарей и фаворитов (См. «Дневники» Храповицкого и Грибовского).

Императрица Екатерина II

что я предоставил ее самой себе»), может быть, она скромно видела и себя в центре этой звезды, но честь ей, что она заметила дух и силу: предсказание ее сбылось на наших глазах, когда за долговременное пользование благами европейской культуры мы отплатили обновляющим влиянием нашей литературы.

Екатерина любила русский язык и часто грешила против его законов; она любила литературные занятия, хотела пышного литературного расцвета — и часто

налагала свою руку на писателей: все это симптомы основных противоречий характера и положения, личности и среды. Эти противоречия легко подметить и в других направлениях.

Она отождествляла дворян с «просвещенною частью» народа и «совершенно забывала, что в действительности у этой части тогдашнего нашего общества просвещения было гораздо меньше, чем пудры на париках» (Морозов). Она часто признавала сословные привилегии, во всяком случае считалась с ними и часто их санкционировала. Дворянство было признано, как особая порода людей, отличающаяся особой честью и заслугами; ему дано было руководящее значение в центрах и областях. Отсюда — порабощение крепостных, тягостный крестьянский вопрос, который часто от хрониче-

ской формы переходил к взрыву и пугал дворян. А между тем просветительная теория боролась против сословных предрассудков, принимала к сведению и часто даже отстаивала интересы обездоленных масс, требовала терпимости, свободы, справедливости. Пассивное сопротивление дворян вызывало раздражение, которое усиливалось вследствие безвыходности положения. Колебания между теорией и практикой, привычками, убеждениями и необходимостью сменяются иногда мечтами о постепенном создании «среднего рода людей» — эквивалента дворянству. Это должна была быть не то западная буржуазия, не то бессословная интеллигенция — люди, «кои, не быв ни дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах» и которые получают высшее образование.

Чем больше знакомилась Екатерина с русским обществом, тем более наталкивалась она на результаты коренных жизненных противоречий и тем в большие противоречия впадала сама. Тщеславие, привычка говорили, что все обстоит благополучно, что какие-нибудь серьезные осложнения невозможны, рассудок часто должен был подчеркивать разницу между словом и делом, — готовить материал для грустного вывода, что «много пустоты в глубочайших изысканиях и в блистающих делах, кои величавостью приготавливаются потомству к прославлению» (слова Екатерины, сказанные по другому поводу). Победный гром часто заглушал голос рассудка...

Что противоречия между первоначальными обещаниями и их исполнением, между словом и делом был отчасти болезненным местом души Екатерины, доказывается, по моему мнению, тою страстностью, даже жестокостью, с которою он преследует тех, кто осмеливался до него дотронуться.

Литература, любимое детище Екатерины, часто становилась на ее дороге, бередила ее старые раны, вскрывала жизненные противоречия, игнорировала ее щекотливое самолюбие; она была слишком слабым препятствием, чтобы не впасть в искушение употребить против нее силу.

Перед другими препятствиями приходилось обыкновенно смиряться: «Императрица,— говорит один из современников,— должна поневоле верить, что города, для которых отпущены сю громадные суммы, уже застроены, между тем как нередко встречаются города без улиц, улицы без домов, дома без крыш, дверей и окон».

Трудно было не видеть того, что видели все. Иосиф II (австрийский) видел «более блеска, чем дела». По его словам, «безграничная расточительность двора сделала невозможным какой бы то ни было порядок в финансах; среди блеска и великолепия в казне не было часто денег для самых настоятельных нужд... Страшная нравственная испорченность людей, стоявших у власти, не дает возможности ничего сделать для блага подданных. Об усердии, честности и добросовестности в управлении делами нечего было и думать; каждый старался выжиманиями с подчиненных добыть средства, чтобы умиловить начальство. Поэтому недовольство было общее, и императрица, как она ни скрывала это, страшилась взрыва. Она боялась всех,— боялась даже собственного сына».

Кругом — фальшь и разложение. Французский посланник доносит: «Здесь есть множество академий и для искусств, и для наук, но в академиях мало сюжетов для занятий и еще менее воспитанников, хотя значение этих учебных заведений раздувалось до-нельзя...» Кн. Щербатов жаловался: «Чины все продажны, должности не достойнейшим стали даваться, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали сие вымещать».

Великий князь Александр Павлович в письмах к близким людям рисовал рельефную картину: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду. Я всякий день страдаю, когда должен явиться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стущих в моих глазах медного гроша».

Не на что было опереться, и поневоле приходилось мириться, на многое смотреть сквозь пальцы; спокойнее было отдаваться течению жизни, балансировать, искусно устраняя опасные осложнения; приходилось отступать перед выступившей внезапно сложностью жизни.

Верная ученица самых неисторических из философов горьким опытом дошла до признания неумолимых исторических законов, силы традиции. Она выступила с светлой верой в силу разума вообще и своего в особенности, но быстро подхватило ее течение и понесло совсем не туда, куда она думала плыть вместе с русским народом. Ей пришлось убедиться, что у России есть свое прошлое, с которым нужно считаться. Не успев реформировать русское общество, она задумала его перевоспитать, но скоро убедилась, что и в этом отношении ей мало удастся исполнить.

«Я должна отдать справедливость своему народу,— писала однажды Екатерина Вольтеру,— это превосходная почва, на которой хорошее семя быстро возрастает; но нам также нужны аксиомы, неоспоримо признанные за истинные».

Откуда нужно было брать это семя, что это за аксиомы?

Екатерина не только не скрывала, но даже любила выставлять на показ свое увлечение просветительной философией: «Я любила философию, любя сердечно

Граф Г. Г. Орлов

добродетели республиканские, которые кажутся несогласными с моею неограниченною властью»; «Дух Законов» (Монтескье) должен быть молитвенником монархов со здравым смыслом»; «я для блага своего государства обокрала президента Монтескье, не упоминая о нем... Книга его — мой требник».

Идеи этой философии казались ей сначала не только красивыми, увлекательными, но и практичными, абсолютно верными.

Большинство представителей русского общества казалось ей, как и Бецкому, «зверообразными и неистовыми в словах и поступках». Жизнь была переполнена вопиющими злоупотреблениями. Между тем просветительная философия имела панацею против всего этого, открывала широкие горизонты, верила в близкое наступление «благого утра»: так легко казалось совлечь с себя ветхого человека, — стоило только дать волю разуму, естественному чувству. Оптимизм опирался в данном случае на недостаток исторического чутья.

Одна власть мало удовлетворяла; хотелось, благодаря ей, достигнуть грандиозных результатов: не только Екатерина II, но и Фридрих II, и Иосиф II, наиболее честолюбивые и талантливые государи того времени, не довольствовались военными и политическими лаврами,

а вступали в соперничество с замечательными представителями современного им умственного движения.

Общество сначала недоумевало и пугалось, а потом успокоилось, убедившись, что ему не грозит решительная ломка, что это только свободная игра мускулов и нервов. Отдельные его представители увлекались этими идеями — одни из подражания¹, другие искренно. Поездки за границу, влияние иностранных воспитателей, чтение все более и более сближали их с духом нового просвещения, которое на нашей почве вступало в прихотливые соединения с доморощенными привычками.

Нам нужно познакомиться с некоторыми сторонами этого просвещения и его отражениями в России, выяснить роль Екатерины как посредницы между западными идеями и русским обществом.

Гримм удачно формулировал одну из главных идей своего времени: «Просветится народ, станет разумнее; одни глупцы или мерзавцы боятся образованного народа; рожденные для власти предпочитают владычествовать над людьми, а не над животными».

Екатерина прекрасно усвоила себе эту сторону просветительной программы, но внушительный государственный и житейский опыт часто наводил и на нее «облак сомнения»: «Меня никогда не заставят бояться просвещенных народов, но когда-то народы будут просвещены? Когда между образованными людьми не будет безнравственных, с кривым умом и кривым зрением, и людей, более способных портить, чем хорошо действовать?»

¹ По примеру Екатерины вельможи заводили себе богатые библиотеки, на которые иногда только взглядывали. Дело происходило так. Знатный человек заходил к книгопродавцу и заказывал приготовить ему книг. «Каких?» — спрашивал тот. «*Mais vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire. Des gros livres en bas, des petits en haut: tout à fait comme ils sont chez l'impératrice.*»

Нужно перевоспитать людей, познакомить их с идеями терпимости, справедливости, свободы, равенства и братства. Сама Екатерина берет на себя пропаганду любимых идей, осмеивает шероховатости и недостатки русской жизни и русской натуры. В ее сатирическом жале мало яду; ее насмешка скользит по поверхности, мало забирая вглубь, но она узаконяет общественную критику — конечно, в известных пределах: ведь недаром Екатерина так часто повторяла, что «вольность (свобода) есть право все то делать, что законы дозволяют», что она «стоит в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно». Последнее правило, впрочем, часто тонуло среди многочисленных исключений — совсем как в русской грамматике, с которой все же Екатерине было труднее справиться, чем со своими верноподданными...

Колебания в отношениях к философам — верный симптом колебаний в области идей.

Когда Екатерина ближе присмотрелась к своим учителям, ее увлечение сильно поостыло: «*Je suis une Gauloise du Nord*, и понимаю только прежних французов,— пишет она де-Линю,— но не понимаю новых. Я думала, что извлеку какую-нибудь пользу из вашего образованного сословия, из ваших ученых разных наименований с окончаниями на ист: я испытала их на деле, при случае я переписывалась с ними: они надоели мне до смерти и никогда не умели понять меня. Только мой добрый покровитель Вольтер составляет исключение. Знаете ли вы, что Вольтер тот, кто был моим руководителем?»

Вольтер насквозь понимал Екатерину, придавал, по-видимому, надлежащее значение идейному флирту Северной Семирамиды с философами: он много острил, льстил тонко или грубо, извлекал всевозможные выгоды из переписки, довольствовался вообще малым — словами и показным увлечением, которое шло об руку с

искренними нотками. Он прекрасно понимал, что Екатерина писала не столько ему, сколько всей Европе, что переписка выходила из тонкого политического расчета, что остатки прежнего свежего и искреннего чувства были покрыты густым слоем пепла «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». У него вырвались как-то характерные слова: «Я очень хорошо знаю, что на нее возводят какие-то пустячные обвинения по поводу ее отношений к мужу, но это семейные дела, в которые я не считаю себя вправе мешаться».

Философам было лестно и важно иметь коронованных поклонников и поклонниц, и они смотрели сквозь пальцы на некоторые противоречия и шероховатости.

Конечно, такого проникательного человека, как Вольтер, трудно было обойти и внушить ему взгляд, что вмешательство в польские дела вызвано только защитой терпимости. Однако он пишет: «Ваши великодушные старания восстановить в Польше свободу совести представляют такой акт благотворительности, за который человечество всегда будет прославлять вас». Акт благотворительности кончился разделом Польши, и полякам дана была полная возможность насильственно обращать в унию православное население...

Переписка с философами, внешний показатель живого идейного общения, представляла для Екатерины разнообразный интерес: она создавала репутацию, популярность, отчасти руководила общественным мнением Европы, была звеном полезных и интересных связей, знакомила с лучшими произведениями, новинками, сплетнями, помогала вызывать нужных специалистов и делать заказы, была, наконец, развлечением, забавой.

Но и великие умы могут быть наивными. Дидро придал слишком серьезное значение всей этой переписке, всему этому идейному общению, и в результате получилось взаимное разочарование и охлаждение.

Вся эта характерная история рельефно изображена Екатериной для Сегюра: «Я много и часто разговаривала с ним (Дидро), но не столько с пользой для себя, сколько из любопытства. Если бы я послушалась его, мне пришлось бы все перевернуть в моей империи вверх дном, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацию, и финансы для того, чтобы очистить место для невозможных теорий. Однако так как я слушала более, чем говорила, то всякий, кому случалось бы присутствовать при этой беседе, принял бы его за строгого педагога, а меня — за его покорную ученицу. Он, вероятно, и считал себя за педагога, так как, убедившись по прошествии некоторого времени, что не сделано ни одного из рекомендованных им великих нововведений, он выразил удивление и отзывавшееся заносчивостью неудовольствие. Тогда я обратилась к нему со следующими откровенными словами: “г. Дидро, я с величайшим удовольствием выслушала все, что вам внушило ваше блестящее воображение; с помощью ваших великих принципов, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасные книги, но очень плохо вести дела. При изложении всех ваших планов для реформ вы позабываете, как различны наши положения: вы работаете только на бумаге, которая гладка, послушна вам и не представляет препятствий ни вашему воображению, ни вашему перу. Но я, как императрица, работаю на человеческой коже, которая гораздо более чувствительна и щекотлива”. Я уверена, что с этой минуты он с сожалением смотрел на меня, как на женщину с узким и вульгарным умом. После того он разговаривал только о литературе, и политика перестала быть сюжетом наших бесед».

Осторожное, внимательное отношение к чужой коже, конечно, хорошая вещь, но эта история имела и другую сторону, которой, по-видимому, не заметила сама Екатерина: Дидро был вправе ожидать другого отноше-

ния к себе и своим идеям, он органически не мог понять кокетничанья святыми для него идеалами, хладнокровного игнорирования вопиющих противоречий между словом и делом.

Как бы то ни было, искренно или неискренно, известные люди исповедывались, постепенно входили в обиход; на основании известного психологического закона усвоенная внешним образом форма или идея оказывала медленное, но неуклонное обратное влияние, и процесс европеизации России все же двигался вперед. Между тем общественное брожение находилось под бдительным присмотром; просветительные идеи, искавшие практического применения, часто встречали резкий отпор, если переходили за строго обозначенные пределы. Частный почин по-прежнему признавался за признак своеволия и недоверия к власти и подвергался неожиданным преследованиям. Руки сеяли семена, а ноги часто давили их и втоптывали в грязь... Двойственное отношение к просветительным идеям постепенно сменялось полным разочарованием в них и даже преследованиями, в особенности с началом французской революции.

Такие же колебания заметны и в области собственно педагогических взглядов: сначала искреннее увлечение, позднее разочарование и нерешительная подмена обветшавших идей более свежими выводами. Исповедуя их публично, проводя их в жизнь, усердно пропагандируя, Екатерина часто видит их слабые стороны, хотя редко в этом признается. «Кто не живет своим образом? Воспитаны же, как Бог даст; смолоду мы думаем иначе, нежели в средних летах, а в старости еще иначе», как говорила сама Екатерина.

Нет внутренней цельности и во всей вообще ее литературной деятельности. Важна она не столько своими достоинствами, сколько «удельным весом» автора.

Ее ранние сатирические статьи во «Всякой Всячине» — рабский сколок с английского «Зрителя», с которым она познакомилась, вероятно, во французском или немецком переводе. Для «местного колорита» прибавлены только грубоватые черточки и ругательства. Слишком легкое отношение к недостаткам отдельных личностей и общества местами переходило в «пороколюбие», по выражению Новикова. Но «прабабушка» наших сатирических журналов, при всем своем литературном убожестве, сыграла крупную роль в истории русской литературы: благодаря данному ею толчку появились журналы Новикова, Эмина, Чулкова, позднее — Крылова «с товарищи»; бывшее секретом полишинеля авторство императрицы подымало значение литературы и звание писателя. Ее противомасонские комедии очень плоски; свои подражания Шекспиру сама Екатерина совершенно справедливо назвала «вольными, но слабыми». В педагогических статьях она только излагает Локка и отчасти Руссо. Ее аллегорические сказки скучны и наивно прямолинейны. Интереснее бытовые комедии и по своему влиянию на развитие нашей реальной общественной комедии, и по затронутым в них вопросам о воспитании, «чужебесии», некультурности высшего класса, но литературного таланта в них мало, как мало и знания русской жизни: комедии пишутся на основании больше книжных впечатлений и чужих рассказов, чем личных наблюдений; в них слишком много нарочитости и прямолинейности, желания включить возможно больше известных понаслышке «истинно-русских черт».

«Были и небылицы» — пестрая болтовня на всевозможные темы, в которой только отдельные штрихи представляют интерес.

Ее «грешные падежи» обыкновенно выправляются секретарями, на обязанности которых лежало и сочинение стихов для пьес.

Когда говорят о значении личности и царствования Екатерины, часто смешивают результаты единоличной и коллективной деятельности, персонифицируют процессы — приписывают отдельной личности труд нескольких поколений: для плохо вооруженного глаза целая солнечная система слилась в одно небольшое световое пятно.

Личность, как мы видели, далеко не всегда умела и хотела приспособиться к среде, среда подчинялась своим особым законам, идеи часто расползались, учреждения слабо прививались.

Это не лишает, конечно, личность исторического значения — поскольку она шла в ногу с общественным движением, — поскольку были влиятельны, благовременны и полезны пропагандируемые ею идеи, — поскольку создаваемые ею учреждения были жизнеспособны, продолжали и укрепляли просветительные традиции, в которых более всего нуждалась «темная Русь». Минутные вспышки, временные отклонения были чаще рябью и зыбью на широкой водной поверхности и очень редко оставляли после себя вредные следы в народной жизни. В отведенных размерах деятельность Екатерины имела большое значение: благо вложить хоть крупицу в общую сокровищницу народной культуры, а она вложила их больше одной.

Несмотря на многие неблагоприятные условия, зависевшие от ее личного характера и условий среды, она способствовала, насколько могла и умела, распространению идей, часто высоких и благотворных. В течение ее царствования, при ее непосредственном руководстве, было открыто 223 или, считая пансионы, сельские, домашние училища, главные и малые школы, 316 училищ; в год ее смерти в народных училищах училась 1121 девочка, в воспитательном обществе 200 и в мещанском училище — 240 (кроме своекоштных) воспитан-

ниц¹. Хотя бессловная *de jure* школа *de facto* была достоянием самого ничтожного меньшинства, все-таки среднее образование было упрочено навсегда. В обиход общественной, в частности педагогической, мысли вошло несколько здравых, гуманных идей. Замечается подъем духа в обществе и литературе, который нес с собою неисчислимые последствия. Екатерининскими учреждениями долго жила и Россия XIX в. Ее искренний интерес к прошлому новой родины оказал несомненное, хотя еще не учтенное влияние на нашу историческую науку.

В этом сложном процессе личность Екатерины играла то положительную, то отрицательную роль, во всяком случае, приковывала к себе внимание современников и позднейших поколений. Последующее царствование отбросило на Екатерину яркий радужный отблеск, отражение которого так сильно заметно в наивных словах народной песни:

Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися, шелкова парча,
Разломися, гробова доска,
Подымися наша матушка,
Милосердная государыня,
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежелело...

В. Калаш

¹ Не следует, однако, придавать этим цифрам преувеличенного значения: 759 учениц пародных училищ — уроженки Петербургской губернии; большая часть училась в малых училищах, в главных очень немногие проходили высшие классы: женское образование слабо распространялось вширь и вглубь.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

Государственная деятельность Екатерины II, ознаменовавшаяся крупными преобразованиями в области местного управления и сословных отношений, не дала ничего нового и крупного в области государственного хозяйства, и ее финансовая политика является наиболее слабым и уязвимым местом всей ее работы.

В своей «Записке на российском языке»¹ Екатерина кратко, но выразительно изобразила то запутанное положение финансов, которое она нашла при своем вступлении на престол: доходов считалось на 16 милл. р., а когда велено было лучше сосчитать их, то оказалось, что казна имеет дохода 28 милл. руб.; монета была разнообразной пробы (63-й — 82-й); таможенные поступления,

¹ См. 2-й полутом XII т. сочин. Екатерины II в изд. Академии Наук, стр. 519—522.

бывшие на откупе, давали ничтожную сумму, кредита у государства за границей не было никакого, и т. п. Конечно, характеризуя русские финансы в 1796 году, мы не могли бы нарисовать картины, вполне похожей на только что приведенную: финансовое состояние России за 34 года царствования Екатерины II изменилось, и притом не только в количественном отношении, но и в качественном, но, тем не менее, повторяем, финансовая политика Екатерины II — наименее яркая страница в истории ее царствования.

Найдя при вступлении на престол полное отсутствие единства и порядка в управлении финансами страны, императрица Екатерина II обратила сразу же внимание на это обстоятельство. Финансовые дела ведались тогда первым департаментом Сената, а кроме того камер-коллегией. В 1704 г. императрица решила восстановить прежнее значение камер-коллегии в финансовых делах; с этой целью ее президентом был назначен князь Б. Куракин, президент коллегии экономии, чем обе эти коллегии как бы сливались, и создавалось особое учреждение, заведующее финансами страны¹. Но это мало помогло делу, и единства в управлении финансами достигнуто не было. Губернская реформа 1775 года создала в губерниях и уездах особые финансовые учреждения, к которым перешли обязанности центральных органов: в губерниях были открыты казенные палаты, в уездах созданы должности уездных казначеев; этим управление финансами как бы децентрализовалось, и камер-коллегия с ее прежним кругом дел и обязанностей уже становилась ненужной. Действительно, вскоре (в 1785 г.) эта коллегия, как и многие и другие, тоже ставшие излишними после реформы 1775 г., была закрыта. Ее обязанно-

¹ Чечулин. «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II», стр. 62–63.

сти перешли к экспедиции о государственных доходах, учрежденной в 1780 г. при Сенате (с подразделением на 4 отдела), и к казначействам для цитатных и остаточных сумм, а главное общее управление финансами было поручено генерал-прокурору; предполагавшееся учреждение должности государственного казначея осталось только проектом, и его обязанности исполнял генерал-прокурор. Этими последними реформами управление финансами централизовалось, в противоположность реформе 1775 г. Но преобразования, подобные только что указанным, не меняли существа дела; они давали лишь частичные улучшения. Поэтому, когда теперь исследователи обращаются к финансовым документам царствования Екатерины II, то они останавливаются перед целым рядом затруднений, количество которых почти не уменьшается по мере того, как они приближаются к концу царствования: та же путаница и неточность в счетах была в 1795 г., как и в 1762 г., та же неправильная классификация доходов и расходов была как в одном, так и в другом году, и т. д. Таким образом, даже чисто в техническом отношении финансовое управление при Екатерине II мало изменилось к лучшему, хотя, например, с 1781 года должны были составляться ежегодно табели о государственных доходах, расходах и остатках, чего раньше не было совсем... В 1767 году камер-коллегия на запрос «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения» откровенно отвечала, что она не заботилась ни о чем другом, «как только о производстве дел и об одной, по приказному порядку, очистке оных», но что, несмотря на это, у нее остается старых нерешенных дел 96 000, кроме множества новых не решенных и неразобранных, а по этим 96 000 дел оказывается старой недоимки до 6 000 000 рублей¹. Каждая городская канцелярия ежегод-

¹ Блюх. «Финансы России в XIX в.», т. I, стр. 38.

но отправляла в разные ведомства до 1700 ведомостей¹, разобраться в которых было более чем трудно. Если бы учреждения, сменившие камер-коллегию, были так же откровенны, как она, то они, в конце царствования Екатерины II, могли бы сказать почти то же самое.

Если мы обратимся теперь к бюджетам царствования Екатерины II, то увидим и здесь очень слабое движение вперед: и сметы доходов, и сметы расходов в существе своем остались неизменными за все 34 года ее правления.

Следуя по стопам своих предшественников и предшественниц, Екатерина II не изменила системы налогов: прямые налоги в бюджете доходов играли второстепенную роль по сравнению с налогами косвенными; так, по данным г. Чечулина², подушной подати в 1763 году собиралось 5 667 000 руб., т. е. около 30% всех доходов, а в 1796 году — 24 721 000 руб., т. е. около 33% всех доходов; подушная подать вместе с подворной и промысловым налогом (надворная подать и промысловый налог давали очень незначительную сумму) были единственными прямыми налогами. Главную статью доходов в бюджетах Екатерининского царствования составляли налоги косвенные; по данным г. Милюкова³, они равнялись 42% дохода в 1764 году и 43% дохода в 1796 году. Регалии, государственные имущества, пошлины и т. п. составляли каждые в отдельности очень небольшой процент в общей сумме доходов. В частности, что касается налогов косвенных, то главную роль в них играли питейные налоги, которые одни составляли в 1765 г. 20% всего бюджета⁴; питейный доход неуклонно возрастал в течение всего царствования Екатерины II: в 1763 г. чистый питейный доход (без издержек на его собирание) состав-

¹ «Юрид. Вестник», 1869 г., № 2, ст. Куломзина, стр. 17.

² Стр. 260—262.

³ «Очерки по ист. русской культуры», вып. I, стр. 152.

⁴ Чечулин, стр. 167.

лял 4 376 000 руб., в 1795 г.— 17 765 000 руб., а в 1796 г.— около 15 милл. руб.; но рост этого дохода, конечно, не свидетельствует ни о финансовом благополучии государственной казны, ни о финансовом благополучии народа,— он только свидетельствует о развитии народного пьянства, так как в то время, как этот доход увеличился более, чем втрое (с 1763 г. по 1796 г.), народонаселение за это время увеличилось меньше, чем вдвое; значит, в 1795 г. каждый отдельный потребитель вина пил больше, чем в 1763 году. Соляного дохода в начале царствования Екатерины II поступало до 2 200 000 руб., при продажной цене соли в 50 к. с пуда — соль продавалась тогда от казны из казенных магазинов и из «стоек»; Екатерина уменьшила продажную цену соли до 40 коп. Это понизило первоначально доходы казны, но так как потребление соли от уменьшения ее цены увеличилось, то уже в 1771 году доход от ее продажи дошел до 2 милл. руб. Затем правительство изменило несколько систему снабжения солью населения в 1781 году, но этим все и ограничилось, и потому можно утверждать, что и в отношении этого косвенного налога никакой существенной перемены не произошло¹.

В области таможенной политики правительство Екатерины II отменило систему монополий, частных и правительственных, а также систему откупов, и вступило на путь теории *laissez faire, laissez passer*, но не провело ее последовательно до конца, и потому тариф 1766 г. (введенный в действие 1 марта 1767 г.) был компромиссным: в нем видно желание примирить протекционистские и фритредерские начала. Такой же характер носил и тариф 1782 г.

Таможенные доходы в царствование Екатерины II утроились (за время с 1763 г. до 1796 г.): в 1763 году тамо-

¹ Чечулин, назв. соч., стр. 190.

женного дохода было 1 997 000 р., а в 1796 г. — 6 470 000 руб., но в то время весь бюджет возрос в 4,3 раза, так что относительная роль таможенного дохода в бюджете не только не увеличилась, но даже несколько уменьшилась; падение таможенного дохода произошло в самые последние годы царствования, что свидетельствует об экономическом и финансовом кризисе в конце правления Екатерины II.

Точно так же не видно никакой существенной перемены и в области других косвенных налогов, что и приводит к окончательному выводу, что характер обыкновенной доходной сметы в царствование Екатерины II оставался один и тот же: никаких новых начал и направлений мы в ней не видим; смета обыкновенных доходов за 34 года возросла с 14 535 000 рублей чистого дохода до 55 406 000 рублей, т. е. почти в 4 раза, но это увеличение было результатом не новой финансовой политики правительства, а результатом естественного прироста населения, естественного увеличения его хозяйственных оборотов, присоединения новых областей (которые, однако, в то же время потребовали новых больших расходов) и т. п.; при этом характерно, что издержки по собиранию этих доходов увеличились весьма значительно: в начале царствования они составляли 15—17% всех доходов, а в конце царствования — почти 25%¹, что опять-таки служит признаком упадка финансового хозяйства.

Вообще, как справедливо указывает г. Чечулин, система доходов в царствование Екатерины II преследовала исключительно фискальные цели и не думала о развитии народного хозяйства. «С чего бы ни брать, только бы брать», вот, по его словам, лозунг финансовой системы XVIII века. Подати не были ни общими, ни равномерными, ни прогрессивными, и непропорционально тяжело падали на неимущие классы населения: например, по-

¹ Чечулин, назв. соч., стр. 256—257.

Императрица Екатерина II

душные сборы увеличились более чем в $4\frac{1}{2}$ раза, тогда как население возросло меньше чем в 2 раза, и таким образом на одну душу вместо рубля приходилось 1 р. 70 коп.¹; сбор подушной подати оставался один и тот же: от ревизии до ревизии собирали один оклад. В результате всего этого — рост недоимок по подушным окладам: в 1764 г. недоимок по подушному окладу накопилось до 800 000 рублей, а в

1766 г.— уже 1 586 186 руб.², и потом эти недоимки все продолжали расти, а указы Сената о их взыскании не имели никакого действия; вообще же к 1793 г. недоимок всякого рода было свыше 20 милл. руб., т. е. более $\frac{1}{3}$ годового бюджета.

Если мы обратимся теперь к сметам расходов в царствование Екатерины II, то и в них мы найдем лишь количественные, но не качественные перемены. Прежде

¹ Вообще же бюджет расходов в царствование Екатерины II возрос в 4,3 раза, а так как население увеличилось несколько менее чем вдвое, то, значит, с каждого плательщика в 1796 году брали в $2\frac{1}{2}$ раза более, чем в 1762 году; при слабом подъеме экономической жизни это означало только увеличение обременения плательщиков (Чечулин, стр. 378).

² «Юрид. Вестн.», 1869 г., № 2, стр. I.

всего надо указать, что в цифрах расхода в царствование Екатерины II была большая путаница. Так, в 1763 г. камер-коллегия считала, что она выдала на 371 000 руб. больше, чем сама получила, и потому сделала позаймствование из капитала, предназначенного на покупку вина, Сенат же считал, что у нее должно было еще остаться 313 000 руб., а это составляло $1\frac{1}{2}\%$ всего тогдашнего бюджета, т. е. играло ту же роль, что 25—30 милл. руб. в нынешнем бюджете. Затем, по одним сведениям статс-контора израсходовала в 1767 г. 5 482 000 руб., а по другим — 6 184 000 руб. Все это затрудняет в настоящее время исследователей, как уже было указано выше, и они не ручаются за точность многих отдельных цифр, но в общем картина расходов при Екатерине II представляется в следующем виде.

За первые 12 лет царствования бюджет расходов возрос с $16\frac{1}{2}$ милл. руб. до 38 914 000 руб., но за это время почти не изменилось распределение расходов по отдельным рубрикам сметы: на Двор тратилось около 0,1 всех расходов; на армию и флот — немного менее 0,5, и на внутреннее управление — 0,4; из этих 0,4 немного меньше половины шло на издержки собирания, немного более половины — на содержание личного состава администрации и не более 0,02 всего бюджета — на разные культурные потребности; расходы по этой последней статье выражались в среднем в следующих цифрах¹:

на пути сообщения	— 105 000	р.
« богоугодные заведения	— 8000	«
« постройки	— 73 000	«
« медикаменты	— 71 000	«
« академию и университет	— 73 000	«
« колонизацию	— 200 000	«

¹ Чечулин, стр. 285.

По отдельным годам этого периода расходы на военные потребности доходили до 63,3% всех расходов.

Если мы затем обратимся к периоду с 1781 года по 1796 год, то увидим тут такую картину: расходы на Двор с 4 650 000 руб. в 1781 г. поднялись до 8 760 000 руб. в 1796 г., причем особенно сильно они повысились в 1788—1789 гг., в годы путешествия императрицы в Крым — до 7 250 000 (в среднем) и составляли за этот период 11,2% всей расходной сметы (в 1762—1773 гг.— 10,7%); на армию расходы поднялись с 10 600 000 рублей в 1781 г. до 21 милл. руб. в 1796 г. и составляли 31,9% бюджета (в 1762—1773 гг.— 39,5%); на флот с 3 253 000 р. до 6 683 000 руб. и составляли 88% бюджета (в 1762—1773 гг.— 6,5%); на внутреннее управление (точных цифр для 1781—1796 гг. нет) — с 43% бюджета в 1762—1773 гг. до 48% в 1781—1796 гг. Наконец, %% по займам, составлявшие в 1781 г. 660 000 руб., в 1796 г. равнялись уже 4 190 000 руб., а так как займы заключались почти исключительно для покрытия военных расходов, то можно считать, что относительное значение этих последних в бюджете 1796 года не меньше, чем в бюджете 1762 г.: в 1762—1773 гг. на армию и флот шло 46% бюджета расходов, а в 1781—1796 гг.— 40,7% плюс 4 190 000 р. %% по военным займам.

Что касается расходов на культурные потребности, то вот цифры, относящиеся к 1795 г., для сравнения с соответствующими цифрами, данными выше для 1762—1773 гг.¹:

на содержание мостов и перевозов	69 386	руб.
« строения, починки, каналы	901 625	«
« училища	782 237	«
« воспитательные дома и больницы	104 685	«

¹ «Сборник Истор. Общества», т. XXVIII, предисловие; полного соответствия в рубриках расходов нет в виду того, что приходится брать данные из разных источников.

Таким образом мы видим, что и в области смет расходов царствование Екатерины II не дало ничего нового, и разница между сметами 1762 г. и 1796 г. количественная, а не качественная.

Всего было израсходовано при Екатерине II до 1 615 000 000 рубл., а было получено обыкновенных доходов до 1 415 000 000 рубл., т. е., другими словами, дефицит за 34 года составлял 200 милл. рубл. Как же правительство Екатерины II покрывало этот дефицит? Тут, действительно, оно вступило на новый путь, который давал временный выход из финансовых затруднений, но ложился тяжелым бременем на плечи позднейших поколений. Расходы при Екатерине II возрастали так быстро, что одним увеличением старых налогов и введением некоторых новых без общей коренной реформы всей системы налогов обойтись было нельзя; правительство испробовало и увеличение налогов — например, подушная подать была увеличена с 70 к. до 1 руб., оброчные деньги с государственных крестьян повышены в $1\frac{1}{2}$ раза, повышена цена гербовой бумаги и проч., и введение новых — установлен был, например, 1% сбор с купеческих капиталов, а в Малороссии введена подушная подать; испробована была и порча монеты — вес медной монеты был понижен вдвое, что повлекло за собой падение ценности рубля, но всего этого было мало. Губернская реформа 1775 года, потребовавшая на содержание новых учреждений на $2\frac{1}{2}$ млн рубл. в год больше, чем шло на администрацию до этого года, продолжительные войны — первая турецкая война стоила, например, $47\frac{1}{2}$ млн рубл.¹, а повышение существующих налогов на 20% дало казне только около 20 млн рубл., — колонизация вновь приобретенных окраин и т. п., все это не

¹ Куломзин, предисл. к XXVIII т. сборника Ист. Общества, стр. XXI.

давало возможности покрывать расходы обыкновенными доходами и создавало дефициты. Уже в 1762 году дефицит равнялся 1 152 000 рубл. и составлял 8% бюджета. В 1785 году ген.-прокурор кн. Вяземский предвидел дефицит в 5 280 000 рубл., а в 1789—1791 гг. дефицит равнялся 45 милл. рубл.

Для покрытия дефицитов правительство Екатерины II обращалось преимущественно к двум средствам: к выпуску ассигнаций и внешним займам. Выпуски ассигнаций обеспечивались первоначально вкладом в банк металлических денег, но потом от этого правила отступили и, выпуская ассигнации, не обеспечивали их металлическим запасом; но, пока их было мало, курс их, несмотря на это, стоял высоко: 100 за 101, за 102 и за 103, так как они представляли много удобств в народнохозяйственных оборотах — 1000 рублей серебром весили, например, $1\frac{1}{2}$ пуда а медью — 60 пудов, что, конечно, затрудняло перевозку денег, а переводов через банки тогда не было. В 1774 году сумма ассигнаций достигла уже 20 милл. рубл., но курс их, несмотря на некоторые колебания, держался довольно высоко до 1787 года. Потом курс их начинает падать и в 1795 г. доходит до $68\frac{1}{2}$ за 100. В 1786 г. ассигнаций было на 46 милл. рубл., но недостаток в деньгах опять заставил обратиться к их дальнейшим выпускам. В этом году торжественным манифестом было возведено, что сумма ассигнаций никогда не превысит 100 млн рубл., а затем было приступлено к их выпуску. Выпустили всего ассигнаций на 100 млн рубл., из которых 46 млн пошло на замен ассигнаций прежнего образца, 4 млн поступило прямо в обращение, 33 милл. предназначались на займы дворянству и городам, 15 млн — «на запас для внезапной войны» и 2 млн — «на случай крайней надобности казначейству». Но скоро правительство забыло и обо всех этих назначениях ассигнаций на разные потребности, и об обещании

не выпускать ассигнаций более чем на 100 млн рубл.: израсходованы были все ассигнации, а потом стали выпускать новые. Цена ассигнаций стала падать, их не хотели брать; правительство, думая, что причина этого в малой подвижности ассигнаций,— они были стоимостью только в 25 рубл. и выше, выпустило ассигнации в 5 и 10 рублей и предполагало сделать это тайно; разумеется, это тайное не могло не стать явным, и курс ассигнаций стал падать еще больше, а это влекло за собой исчезновение кредита, рост цен на продукты и невозможность вести солидные торговые и промышленные операции, с другой стороны, создавало спекуляцию на понижение и повышение курса ассигнаций. Затем, в виду общего политического положения, переводов значительных сумм на платежи по внешним займам и усиленных выпусков ассигнаций падал вексельный курс.

Количество ассигнаций к концу царствования Екатерины II достигло 156 683 335 рубл.¹

Другим средством покрытия дефицитов были, как уже указано, внешние займы. Первый русский внешний заем был заключен 2 апреля 1769 года через посредство амстердамских банкиров де-Смет из 5% на 7,5 млн гульденов (т. е. на 3,7 млн рубл. приблизительно), сроком на 10 лет, с правом выкупить долг целиком или частью через 5 лет; обеспечением этого займа служили таможенные доходы в прибалтийских портах. Реализация займа шла медленно и закончилась только через 4 года. В 1771—1772 гг. был заключен заем в Генуе на 1 170 000 рубл.; реализовался он еще медленнее предыдущего. За этими займами последовали другие, и, например, в пятилетие 1787—1792 гг. было занято до 39 милл. руб. Часть долгов к концу царствования была погашена или конвертирована с понижением %% по займу, но, во

¹ Чечулин, стр. 319.

всяком случае, к концу царствования Екатерины II, по данным Бржесского, внешний долг равнялся 41 405 790 р. Кроме того, преемнику Екатерины II осталось внутренних неоплаченных счетов на 15 570 000 рублей¹; в частности, придворная контора имела в 1794 г. неоплаченных счетов на 207 545 рубль. 94 коп. В 1789 г. таких неоплаченных долговых обязательств было на 1 200 000 руб., но большую часть их покрыли, уплачивая 75 коп. за 1 рубль. Когда в 1794 г. возник вопрос об уплате остальных 207 545 руб. 94 коп., то особая комиссия, образованная для решения этого вопроса, нашла, что в уплате этих денег необходимости нет. «Таким образом,— говорит Бржесский (стр. 85),— казна оказывалась несостоятельной уплатить 207 545 рубл., и это в то время, когда генералы Потемкин, Грейг, Каховский и другие то и дело присылали к генерал-прокурору ведомости о громадных переборах по несколько миллионов рублей свыше назначенных им на военные расходы сумм; при чем никто и не думал справляться, точно ли и почему были сделаны эти переборы».

К только что указанным долгам надо присоединить еще беспроцентный долг в ассигнациях на сумму 156 683 335 р.; таким образом общая сумма долга, оставшегося от царствования Екатерины II, превышала 200 милл. руб. Этим долгом и были покрыты дефициты царствования Екатерины II.

Преемник Екатерины II, император Павел, в указе 17 дек. 1797 г. дал такую характеристику финансового положения России: «По вступлении нашем на всероссийский императорский престол, входя по долгу нашему в различные части государственного управления, при самом начальном их рассмотрении увидели мы, что хозяйство государственное, невзирая на учиненные в разные времена

¹ Бржесский. «Государственные долги России», стр. 234.

умножения доходов, от продолжения чрез многие годы беспрерывной войны и от других обстоятельств, о которых, яко о прошедших, излишним почитаем распространяться, подвержено было крайним псудобностям. Расходы превышали доходы. Недостаток год от году возрастал, умножая долги внутренние и внешние; к наполнению же части такого недостатка заимствованы были средства, большой вред и расстройство за собой влекущие».

Нельзя не признать, что эта характеристика вполне соответствует тогдашнему положению дел; от нее не только нельзя ничего убавить, но скорее к ней кое-что еще можно было бы прибавить.

Чем же объяснить такой печальный финансовый итог царствования Екатерины II? Причиной этого прежде всего было то, что никакая крупная финансовая реформа была невозможна без крупных социальных реформ, и прежде всего без отмены крепостного права; это последнее ставило между государством и главным плательщиком налогов — крестьянством, помещика, который, так сказать, перехватывал, по выражению проф. Ключевского, у народного труда все излишки, какие оказывались при успехе народного хозяйства, и, перехватывая их, он не давал возможности казне попользоваться ими; в частности, это лишало казну возможности сколько-нибудь существенно увеличить подушный оклад: за 100 лет (со времени Петра В.) он был увеличен только один раз с 70 к. до 1 рубля. Но, с другой стороны, крепостное право связывало по рукам и ногам народное хозяйство; покупательная сила населения не увеличивалась, торговля и промышленность развивались слабо и т. п. На отмену крепостного права Екатерина II в силу целого ряда причин пойти не могла, а отсюда — и невозможность существенно изменить финансовое хозяйство. С другой стороны, она не посягнула и на податные привилегии дворянства, без чего, конечно, невозможны бы-

ли ни введение подоходного налога, ни установление налога на наследство, ни что-нибудь подобное. Правительство Екатерины II, правда, больше, чем предшествовавшие, обращало внимание на нашу буржуазию, но и оно, как они, было все-таки дворянским, и это определяло его позицию в финансовой политике.

Затем не без влияния на финансовую деятельность Екатерины II остался, по-видимому, тот факт, что указы депутатов в Комиссии 1767 г. не требовали финансовых реформ. Сама императрица, более занятая общими вопросами, мало интересовалась финансовыми вопросами — и реформа отсрочивалась; к тому же получение с коллегии экономии после отобрания церковных имуществ по 11½ милл. рубл. в год и выпуск ассигнаций создавали на первых порах иллюзию, что дела не так уже плохи и дефициты ничего грозного из себя не представляют. Наконец, в правительстве Екатерины II не было ни одного лица, настолько хорошо знающего экономические и финансовые вопросы, чтобы оно могло составить план коренных и в то же время вполне осуществимых финансовых реформ. Теоретической разработки этих вопросов у нас еще собственно не существовало, а западноевропейские идеи как-то туго прививались; финансовая политика Екатерины II и взгляды на эти вопросы ее сподвижников кое в чем, конечно, подвергались влиянию этих идей, но не настолько, чтобы из этого сложилась какая-нибудь определенная система.

Итак, ничего творческого, ничего оригинального, ничего прямо бьющего в цель в финансовой политике имп. Екатерины II не было; вся деятельность ее правительства в этом отношении сводилась на паллиативы и следование прежним нашим или чужим иностранным образцам; шире был размах деятельности, но не ее приемы.

К. Сивков

НАКАЗ И «КОМИССИЯ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ»

Екатерина II умела не только сообразовать дела своего царствования с запросами времени, но и обставить их пышной декоративной обстановкой и помпезным блеском, с ловким подчеркиванием материнских своих забот о подданных.

К числу таких «довлеющих дневи» и вместе помпезно обставленных «деяний Северной Семирамиды» относится и постановка законодательства в первое, по крайней мере, время ее царствования.

В манифесте от 14-го декабря 1766 года Екатерина объявляла об открытой ею язве русской жизни и о своем предназначении вылечить.

«Ныне истекает пятый год, как Бог един и любезное отечество чрез избранных своих (sic!) вручил нам скипетр... для спасения империи от очевидная погибели»,

говорилося в этом манифесте. «...Я поставила себе за правило со всевозможным прилежанием входить в каждое доходившее до меня дело и слушать всякие жалобы, чтоб, с одной стороны, узнать недостатки, а с другой — способ их уничтожения. В первые три года я узнала, что великое помешательство в суде и расправе, следовательно, и в правосудии, составляет недостаток во многих случаях узаконений, в других же великое число оных, но разным временам выданных. Также несовершенное различенье между неперменными и временными законами, а паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум (смысл), в котором прежние... узаконения составлены были, ныне многим совсем неизвестен сделался. Притом же и страстные толки («разъяснения») затмевали разум многих законов; сверх того, еще умножила затруднения разница тогдашних времен и обычаев, несходных вовсе с нынешними... (вследствие) великих предприятий премудрого... деда нашего, Петра I». К этой характеристике состояния законов, унаследованных от предшественников, Екатерина могла бы прибавить еще указание на хаотическое состояние законов, которые после Уложения царя Алексея нарастали на этом кодексе без всякой системы и согласованности между собою. Одних так называемых «Новоуказных статей» набралось до полуторы тысячи в промежуток между Уложением и началом единоличного царствования Петра I (1696 г.). Затем посыпался град Петровских указов, постановлений, уставов и регламентов, часто противоречивших друг другу и несогласованных между собою за недосугом, или «не осмотра того», по неоднократному признанию самого Петра. Начавшаяся затем в «эпоху дворцовых переворотов» ломка Петровских учреждений и организация пристроек и надстроек над развалинами его сооружения внесли еще больше путаницы в этот хаос, и едва ли кто из законовеев этого времени мог похвастаться ясным знанием русских законов, по-

тому что собственно законов в нашем смысле слова тогда и не было, а была какая-то муть, из которой канцелярский и судейский крючок мог вылавливать самый разнообразный материал для обоснования своих делишек на законных основаниях, сегодня так, а завтра совсем наоборот, следуя личным побуждениям. Подобный делец, как жаловались современники, «всячески, по своему ябедническому искусству и по частому в судах обращению, старается судное дело волочить и завязывать недельными спорами и дальновидными справками и совсем затмить свою неправду теми его хитро сплетаемыми вымыслами».

Впрочем, Екатерина II унаследовала от своих предшественников не одно только хаотическое состояние законов, но и довольно богатый опыт способов приведения законодательства в систему. Не проходило ни одного царствования, начиная с Петра I, и далее с Феодора Алексеевича, чтобы не создавалось по одной или даже по несколько специальных комиссий, имевших назначение систематизировать русские законы, согласовать их и изложить в новом кодексе. Сменявшие в это время одна другую комиссии были самыми разнообразными по составу, начиная от строго приказного элемента (из дьяков, канцеляристов и сановников) и кончая ярко выраженным началом выборного общественного представительства. Такою была, напр., Елизаветинская «комиссия сочинения Уложения» 1754 г., приказный состав которой с 1760 г. был пополнен представителями от дворянства, духовенства и купечества. Комиссия эта, заседавшая еще и при Екатерине, оказалась к тому же самою продуктивною: она составила 3 части нового Уложения: 1) о суде (51 гл.); 2) о розыскных делах и 3) о состоянии подданных вообще (в трех редакциях из 25 гл.). Труд этой комиссии, по-видимому, настолько отвечал запросам современного ему общества, что отдельные главы Елизаветинского Уложения впоследствии вполне совпа-

ли с требованиями наказов, представленных депутатами в Екатерининскую комиссию. Поэтому-то не совсем понятно то мимолетное и несколько пренебрежительное отношение Екатерины II к кодификационной деятельности предшественниц, которое мы видим в цитированном выше манифесте 1766 г. Упомянувши коротко об этих работах, Екатерина заявляла: «Но как все вышепомянутые намерения остались без желаемого успеха, то мы, усмотря все те же предками нашими примеченные неудобства, начали сами готовить Наказ, по которому должны поступать те, кому от нас повелено будет сочинить проект нового Уложения. ...Дабы лучше нам узнать... нужды и чувствительные недостатки нашего народа, повелеваем прислать» выборных от сословий, состояний и государственных учреждений.

Таким образом, приступая к столь нашумевшему в свое время в России и за ее пределами составлению нового Уложения, «Северная Семирамида» шла собственно по проторенной дорожке своих предшественников и достигла, как увидим, не больших сравнительно с ними результатов в области кодификации.

Новой в предприятии Екатерины была попытка заложить в русское законодательство иные начала жизни, выработанные в XVIII веке философской мыслью Запада, и пропустить чрез призму этих начал естественные запросы и нужды русского государства и общества, как они сложились и проявлялись в это время.

Выражением этих руководящих начал и должен был служить тот самый «Наказ», который Екатерина, по ее словам, «стала сама готовить».

Показателем же русской действительности в ее нормальных проявлениях, долженствующих дать конкретный материал для норм нового Уложения, должны были, по мысли Екатерины, быть прежде всего указы избирателей, имеющих послать своих депутатов в Ко-

миссию, и участие этих самых депутатов в составлении проекта нового Уложения.

При составлении своего Наказа Екатерина, по ее собственному признанию, «обобрала президента Монтескье». Сопоставление «Духа законов» Монтескье с «Наказом» Екатерины подтверждает это признание: целые главы и отдельные статьи Наказа представляют подчас дословный перевод знаменитого труда Монтескье, но признание Екатерины не исчерпывает всех источников ее труда: в статьях Наказа, касающихся, главным образом, судопроизводства и уголовного права, беспощадно обирался и другой «президент» западной мысли XVIII в. — Беккария, автор знаменитого сочинения «О преступлениях и наказаниях».

Впрочем, Екатерина заимствовала из этих трудов только то, что казалось ей наиболее безвредным для самодержавной власти и «естественного положения сего государства». Уже в силу этих соображений «президент Монтескье», проводивший идеал ограниченной монархии с строгим разделением властей, не мирившийся даже с просвещенным абсолютизмом и рисовавший сословную монархию, ограниченную политическими привилегиями церкви и сословий, в этой основной части своей политической доктрины был неподходящим объектом обирания, хотя бы потому, что Екатерине казалась наиболее отвечающей и «общему благу», и традиционной теократической теории власти, и естественному положению сего государства власть самодержавная. В России «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать с пространством столь великого государства» (§ 9). Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно (§ 11). Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим (§ 12). Такие наставления о существе своей власти

И. И. Беузой

дает Екатерина своим законодателям не в руководство их самостоятельным суждениям по этому вопросу, а в осведомление их по существу вопроса, касаться которого подданным не полагается: вопрос предрешен тою, кто «есть источник всякия государственныя и гражданския власти» и закона (§ 19).

Здесь Екатерина молчаливо обирает другую философско-юридическую школу, немецких государственове-

дов-полицейстов, которая за идеальный политический порядок признавала бюрократическое государство во главе с самодержавным просвещенным государем, ограничивающим проявление своей власти им же установленными и от него зависящими учреждениями, проводящими в жизнь задачи просвещенного абсолютизма в пределах «всеобщего блага» (ср. § 43 Наказа).

Недаром сочинение одного из видных представителей этой школы, Бильфельда, было переведено на русский язык, по приказанию Екатерины. Так составляла «Северная Семирамида» из положений разных школ свой знаменитый Наказ, в котором находят, и вполне естественно, много внутренних противоречий, но который благодаря только этой своей компромиссной форме и мог стать доступным русскому обществу и оказать живое влияние на русское законодательство или в крайнем случае на установление в русском обществе новых взглядов на привычные устои государственной и общественной жизни. Недаром впоследствии ораторы Ко-

миссии так удачно и часто оперируют мыслями Наказа в качестве аргументов в пользу своих положений.

Размеры статьи заставляют нас остановиться только на тех сторонах Наказа, которые наиболее соприкасались с поднятыми в депутатских наказах и в Комиссии вопросами русского законодательства, то соглашаясь с ними, то становясь к ним в непримиримое противоречие.

Для сословного строя с привилегированным дворянством во главе его особенно любопытны параграфы Наказа «о состоянии всех в государстве живущих» и о соотношении разных сословий между собою.

«Надлежит,— читаем мы в Наказе,— чтоб законы... предохраняли каждого особо гражданина. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (§ 33—35).

Для русских середины XVIII в., живших сословными интересами и управлявшихся специальными для каждого сословия законами и учреждениями, приведенные мысли о равенстве всех перед законом должны были звучать условно: о каком «всеобщем равенстве» могла быть речь, когда большая половина населения была лишена гражданской свободы, а благородное дворянство свысока глядело на «подлородных», хотя бы и свободных сограждан?

Даже мысли Наказа об источнике благородства и знатности шли в разрез с аристократическими тенденциями русского шляхетства, несмотря на полувековую практику Петровской табели о рангах, давшей перевес «чина» над «благородством». «Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства», читаем в Наказе. Мало таких случаев, которые бы более вели к получению чести, как военная служба... Однако ж и правосудие не меньше надобно во время мира. А из этого следует, что не только прилично дворянству, но и приобретать сие достоинство (дворянство) можно и гражданскими добродетелями так, как и военными» (§ 360—368). Мы увидим, какие возраже-

ния вызвала эта точка зрения на приобретения прав благородных в Наказах и в Комиссии.

Большой интерес представляют статьи Наказа, касающиеся крепостного права. Здесь мы находим пожелания императрицы «избегать случаев, чтоб не производить людей в неволю», «чтобы законы гражданские... злоупотребление рабства отвращали и предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти», а также, чтобы «законы... учредили нечто полезное для собственно-го рабов имущества» (§§ 253, 254 и 261).

«У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо,— читаем мы в других параграфах Наказа.— Петр I узаконил, чтобы безумные и подданных своих мучающие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение; а последняя для чего без действия осталась, неизвестно». Впрочем, по мнению Екатерины, не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных» (§§ 259, 256 и 260). Вот то немного, что осталось в Наказе после пересмотра некоторыми «разномыслящими персонами», которым Екатерина поручила в с. Коломенском почеркать свой Наказ в его первоначальной редакции. «Более половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено»,— писала потом Екатерина Даламберу, и действительно, между бумагами Екатерины найдены отрывки первоначальной редакции Наказа, и среди них видное место принадлежит вопросу о крепостном праве. Здесь говорится о желательности освободить рабов от личной зависимости, оставив за помещиком право на часть его труда, определенную законом; о желательности предоставления крестьянам самоуправления в области суда и о «приведении их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу».

Выпуск этих мест первоначальной редакцией, сделанный, несомненно, под влиянием таких критиков, как

поэт Сумароков¹, повлиял на бессвязность статей о крепостных и несколько неожиданное заключение о нежелательности единовременного и массового освобождения крестьян указом, когда перед этим ни слова не говорилось об освобождении. Но и те отрывки мыслей о крепостном праве и его ограничении, какие сохранились в печатном Наказе, были, как увидим, слишком далеки от пожеланий депутатов и привезенных ими наказов избирателей...

Говоря о Наказе, нельзя обойти проводимых им взглядов на способы пресечения и наказания преступлений: в этом вопросе Наказ всего больше подвергся влиянию гуманизирующих идей энциклопедистов и, может быть, всего резче разошелся с нравами и воззрениями русского общества на этот вопрос.

Преступления устраняются просвещением и воспитанием доброй воли, а не жестокостью наказаний, — вот основная мысль этой части Наказа.

«Узаконения должны вселять добрые нравы во граждан, а не приводить дух в уныние казнями... Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений... Послабления — не в слабости наказаний, а в неумеренности их. Ежели найдется страна, где люди инако не воздерживаются от пороков, как только суровыми казнями, ведайте, что сие проистекает от насильства правления, которое установило сии казни за малые преступления. Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить» (§§ 81, 83, 88, 90 и 96).

Поучительны взгляды Наказа на смертную казнь. По мнению Екатерины, «опыты свидетельствуют, что частое

¹ «Сделать крепостных людей вольными нельзя, — писал Сумароков, — скудные люди ни повара, ни лакея, ни кучера иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, вотчины превратятся в опаснейшие жилища, ибо они (помещики) будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них».

употребление казней никогда людей не сделало лучшими... Двадцать лет государствования Елизаветы Петровны подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания» (§ 210).

Тем менее терпимыми кажутся Екатерине пытки. «Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению; само человечество... требует, чтобы она была вовсе уничтожена... Пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать незаконного, на силы и крепость свою уповающего» (§§ 123 и 194).

Непреложной, но и доселе непризнанной истиной звучат слова Наказа о религиозной терпимости. «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок — запрещение или недозволение их различных вер... Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца и отводит их от застарелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» (§§ 494, 496).

Вот те новые начала, которые, по мысли Екатерины, должны служить путеводною звездой для тех, «кому повелено будет сочинять проект нового Уложения».

Но кто же эти сочинители?

Манифестом и приложенными к нему разъяснениями. представлялось населению избрать в шестимесячный срок депутатов на 1767 г. от Сената, Синода, коллегий и всех канцелярий, кроме областных, «также из всех уездов и городов империи».

Поуездно избирали собственно одни только дворяне. В назначенный день они должны были съехаться и по принесении присяги выбрать «предводителя дворянства», под председательством которого и происходили

затем как выборы депутата, так и выработка для него наказа. Остальные уездные люди (государственные крестьяне, однодворцы, казаки, оседлые инородцы и др. свободные) выбирали по погостам своих поверенных, которые, собравшись в уездном центре, избирали уже от себя поверенного, и только эти поверенные от уездов выбирали уже депутата от провинции. Таким образом выборы здесь были трехстепенные.

Городам не всем вменялось в обязанность посылать своих депутатов: мелкие города имели право уклониться от выборов; но населенные города обязательно должны были выбрать своего депутата, причем выборы здесь были всесословные (по крайней мере в столицах) и чаще всего двухстепенные. Городские избиратели в первую очередь выбирали «городского голову», под председательством которого и совершалась дальнейшая процедура выбора депутата и составления для него наказа. Небезынтересно отметить, что один депутат посылался такими городами, как Москва и Петербург, с одной стороны, и Венев с Васильсурском — с другой. Совсем были устранены от права выборов крепостные крестьяне и духовенство. Право участия в выборах обуславливалось возрастным цензом (25 лет для дворян и городских избирателей и 30 лет — для остальных) и довольно неопределенным цензом экономическим (действительный землевладелец или домовладелец). Для депутата требовался возрастный ценз не моложе 30 лет, семейный (женатый или вдовец, имеющий детей) и нравственный («честный и незазорного поведения»).

Достоинство депутатов ограждалось особыми привилегиями. Помимо нашейного значка с надписью: «Блаженство каждого и всех», депутат получал освобождение от смертной казни, пыток и телесного наказания «во всю жизнь, в какое ни впал бы прегрешение»; нарушитель прав депутата карался за свой проступок вдвое про-

тив обыкновенного; имущество депутата освобождалось от конфискации, хотя и не освобождалось от продажи за долги. «Сих депутатов,— объявляла Екатерина,— мы созываем не только для того, чтоб от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они имеют быть в комиссию для заготовления проекта нового Уложения... Сим учреждением,— торжественно заявляла Екатерина,— нашему народу опыт даем пашего чистосердечия, великие доверенности к оному и прямая материнския любви»...

Общество, особенно центральных, великороссийских областей, откликнулось весьма сочувственно и с сознанием важности дела на призыв Екатерины. Видимо, прошли те времена, когда в 1728 г. приходилось заманивать выборных от дворянства в подобную комиссию обещанием «жалованья на полгода, по полтине на человека в день из неокладных», гоняться за выборными с солдатами, или разыскивая их с целью арестом привлечь к исполнению депутатских обязанностей, или угрожая взять жену и детей и крепостных депутата под караул, чтоб хотя таким путем вызвать народного избранника из бегов. Были и теперь курьезные случаи уклонения от избирательных прав по недоразумению или из опасения грядущих для избранников бед. Так, жители г. Енисейска выбрали ненавидимого ими дворянина Самойлова, думая таким образом подвести его под обух. Несочувственно отозвались на призыв Екатерины и сыны Украины. По словам генерал-губернатора Малороссии, Румянцева, «новый проект Уложения не произвел здесь во многих больших (sic) такого действия и в. и. в. благоволения... Многим всякий закон и указ государский кажется нарушением их прав и вольностей; отзывы же у всех одни: зачем бы нам там и быть,— наши законы весьма хороши, и буде депутатам быть, конечно, уже надобно, только разве б искать прав и привилегий подтверждения». У ма-

лороссов так же, как и у остзейских баронов, были свои местные побуждения не ждать ничего доброго от затеи все нивелирующего центра...

Совсем иначе отнеслись к призыву Екатерины центральные великорусские области. С большим подъемом и восторженной благодарностью инициаторше дела проходили здесь выборы и составления наказов.

Всех депутатов было выбрано 564; из них — городских 208 (39%), дворянских 161 (30%), от свободного крестьянства 79 (14%), от казаков 54, от иноверцев 34 и, наконец, от государственных учреждений 28.

Впрочем, цифры эти не дают еще полного представления о сословном составе выборных, потому что многие города послали своими депутатами не представителей торгового сословия, как следовало бы ожидать, но чаще всего дворян или важных чиновников местного административного мира; естественно, что число депутатов из «благородных» было гораздо больше 161 (дворянских депутатов).

30 июля 1767 г. депутаты собрались в Москву, где и были представлены императрице, а 31 июля состоялось в Грановитой палате первое заседание Комиссии, в котором и был избран «маршал» (председатель) Комиссии не без косвенного давления Екатерины. Избранником оказался боевой генерал Бибиков. В помощь общей «Большой комиссии», согласно данному Екатериной «обряду управления Комиссии», были организованы три специальных комиссии: 1) дирекционная, обязанная руководить ходом всего дела и создавать, сообразно потребностям, другие специальные комиссии, 2) экспедиционная, с редакционными обязанностями, и 3) комиссия по разбору депутатских наказов. После были организованы еще 4 малых комиссии по разработке специальных вопросов.

Комиссия заседала в Москве 4 месяца, после чего была переведена в Петербург, где просуществовала до

18 дек. 1768 г., когда последовал указ о временном роспуске ее, под предлогом начавшейся турецкой войны, отвлекавшей многих депутатов из военных. Хотя после Комиссия больше и не созывалась, но 1½ года ее работ не были пустым местом в истории русского законодательства и самосознания. «Комиссия Уложения,— признавалась потом сама Екатерина,— быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пеших должно».

Изданные в наше время депутатские указы и протоколы заседаний Комиссии вполне подтверждают эту оценку ее значения. Если бы даже не состоялось ни одного заседания Комиссии, одного «света и сведения» депутатских указов было бы вполне достаточно, чтобы пред нами ярко предстала Россия середины XVIII в. во всем многообразии проявлений ее общественной, экономической и государственной жизни.

Наказов этих было доставлено в Комиссию около полуторы тысячи: дворянских 165, городских — 210 и крестьянских, казацких, иноверческих — 1066.

Не во всех этих наказах их сочинители выполнили предложение Екатерины «внести все свои нужды, какие захотят представить», не касаясь дел «партикулярных», которые подведомственны местным учреждениям. Очень многие указы, особенно крестьянские, как раз и заполнены этими «партикулярными» нуждами «погоста»; но зато другие указы представляют яркую картину жизни той среды, в ее повседневных явлениях и идеалах, от имени которой выражали свои пожелания авторы указов. Перед нами разворачивается жизнь России в один из самых напряженных моментов сословной борьбы, когда одни сословия уже замуравлены в фундаменте крепостного государства, другие стоят на рубеже свободы и пытаются выбраться на поверхность чрез плечи и головы побежденных, третьи, торжествующие, ревниво

оберегают свои привилегии от нарождающихся конкурентов, пытаются расширить за их счет свои приобретения и сузить свой круг от вторгающихся в него «выскочек».

Пред нами дворянские наказы. Можно заранее догадаться, о чем будут просить «первенцы земли русской». Эпоха дворцовых переворотов им пошла впрок: дворянство добилось освобождения от обязательной службы и получило почти неограниченную власть в крепостной деревне с правом эксплуатации сельского труда в свою пользу. Об укреплении за собою завоеванных позиций и о расширении этой социально-экономической власти за счет еще свободного крестьянского труда и против нарождающегося хозяйственного конкурента в лице капиталиста-фабриканта и кулака — скупщика сельских продуктов и будет теперь ратовать торжествующее сословие. И действительно, многие дворянские наказы в унисон требуют изолировать непроницаемыми перегородками дворянство от других сословий: «корпус дворянства отделить правами и преимуществами от прочих разного рода и звания людей» (Болховской наказ).— Больше того, достигший соединенными усилиями преобладания в семье русского общества класс теперь расслаивается на его исторически-составные элементы: старая родовитая знать брезгливо осматривается на своих собратьев, достигших дворянства «выслугой» и «чинами» по «Табели о рангах» и требует в дворянских родословных книгах отделить «благородных» от «подлородных» дворян». Для полного «золотого состояния» дворянству недоставало некоторых привилегий по суду и личным повинностям, и дворянство «едиными усты» просит «отличить дворян от простых людей» освобождением их от телесных наказаний, пыток, конфискации имущества, а также от таких повинностей, как сборы с бань, с мельниц, от постоянной повинности и др. Рядом с этими личными привилегиями дворяне умилительно

хлопочут об облегчении участи «бедного, для претерпения созданного трудника», крепостного крестьянина, который стонет под тяжестью государственных налогов и повинностей и часто вынужден бежать, разоряя тем своего помещика, «терзающегося жалостью» к «бедным трудникам», а потому, во имя гуманных побуждений, дворяне просят освободить своих крестьян, — нет, не от крепостного нрава, а от подушной подати, от рекрутской повинности, от постоянной, подводной, подорожной и других многочисленных повинностей, отвлекавших крестьян столько же от своего хозяйства, сколько и от эксплуататорских прав помещика на труд и собственность крестьян. Но мы жестоко ошиблись бы, если бы в этих ходатайствах дворян об облегчении участи крепостных от государственных тягостей видели, действительно, гуманное отношение к крепостным. Ходатайство их за крестьян, когда интересы крестьянские совпадают с интересами крепостников, направляются грубо и цинично против крестьян, когда заходит речь о «безотрицательном повиновении» последних своим господам. Екатерина, повторявшая слова западных философов просвещения о бессмысленности жестоких и вреде неумеренных наказаний, должна бы была безнадежно опустить руки, прочтя следующий, например, доморощенный рецепт курских дворян против крестьянских побегов: «подговорщиков и беглых за первый побег бить кнутом и штем-пелевать лоб и щеки, за второй — бить кнутом и обрезать нос до кости, а затем сослать в вечные каторжные работы с зачетом в рекруты», — не забывают добавить в свою пользу курские дворяне. Не желая видеть в ужасах крепостного права главного возбудителя социальной ненависти крестьян к помещикам, дворянство рекомендует Екатерине, вопреки мыслям Наказа, усилить практику смертной казни за убийства, и ввести пытки в качестве устрашающего преступников средства. Одичание крепо-

стников дошло до того, что они не шутя рекомендуют правительству подумать, как бы «вовсе истребить раскольников», и это не столько в силу своей религиозной нетерпимости, религия здесь только предлог к лютой свирепости, а по соображениям экономического характера: раскольники подбивали крестьян к побегам. Ограждая так свои личные и имущественные интересы, помещики вместе с тем протягивали свои руки и в чужие огороды. Свободные государственные крестьяне были у них бельмом на глазу, а потому в некоторых наказах предлагается очень простой способ избавиться от свободной «подлости»: переселить государственных крестьян подальше от крепостных усадеб, а земли их распродать помещикам.

Еще с большей ненавистью относится дворянство к «подлым» фабрикантам и купцам, с вождедением поглядывая на доходы и экономические успехи этого класса. И вполне понятно: фабрикант и купец перехватывал «укрухи» из хозяйства помещика. По выражению одного наказа, фабрика была главным «каналом», которым бесследно утекали беглые крестьяне из помещичьих владений.

Искать судом беглого с фабрики было чрезвычайно трудно, потому что фабриканты были подсудны мануфактур- и берг-коллегиям, до которых иному запольному помещику было далеко... Кроме того, фабриканты владели селами и крестьянами на правах приписанных к фабрике или по фиктивным купчим на имя дворян, и этим опять-таки наносили «поруху чести» благородному дворянству, считавшему землевладение и душевладение своей привилегией. Наконец, торговые и промышленные преимущества купечества и фабрикантов также возбуждали аппетиты дворянства, просившего в своих наказах себе и своим крестьянам торговых и промышленных прав в ущерб купечеству и фабрикантам.

Таково, напр., требование одного наказа: запретить купцам открывать лавки до полудня, пока крестьяне,

привезшие на рынок продукты сельского хозяйства, не распродают их.

Городские наказы не остались в долгу перед дворянскими. Торговый и промышленный класс так же, как и дворяне, стремится замкнуться в тесных рамках своих прав и преимуществ, отмежевываясь от опасных и властных конкурентов. Чувствуется рождение новой силы, сознающей свои собственные интересы, в наказах городских жителей. «Купеческим правом должны пользоваться только одни купцы» — вот общий лозунг этих наказов. Отсюда вполне понятно требование этих наказов о совершенном запрещении торговли и фабричной деятельности дворянам, разночинцам и крестьянам. Тяговые мотивы с их круговой порукой вызывают потребность у купечества прекратить ослабляющий городское население выход купечества и промышленников из их состояния, замкнуть промышленную жизнь в цеховых рамках, удержать в общем городском строе вырывающийся поверх города класс фабрикантов, с его привилегированною подсудностью. Вместе с тем слышатся голоса в пользу расширения прав и привилегий городских классов отчасти за счет других сословий. Не ограничиваясь просьбами об отмене подушной подати, рекрутской, подводной повинности, об увольнении от службы при казенных сборах, городские наказы требуют для купечества отмены телесных наказаний, неприкосновенности купеческого жилища, усиления наказаний за поношение «сорокаалтынников», хотя бы до половины штрафа за оскорбление дворянина; наконец, некоторые наказы просят о праве купечества носить шпаги и владеть крепостными именьями.

Уже этот краткий перечень содержания двух групп наказов господствующих сословий тогдашней России ясно вскрывает сословный антагонизм русского общества, освещенный доставленными в комиссию наказами.

С другой стороны, очевидна отсюда также и та пропасть, которая лежала между началами Екатерининского Наказа, дышавшего веянием передовой западной мысли, и началами русской действительности, так рельефно и бесхитростно отраженными в депутатских наказах.

В Комиссии был установлен порядок пред началом каждого заседания читать Екатерининский Наказ в отдельных его главах.

Странное впечатление должны были получать депутаты Комиссии, которым приходилось по выслушании Екатерининского Наказа внимать затем депутатским наказам от дворян, горожан, крестьян и т. д. и прослушивать затем главы из русских законов по затронутым в Комиссии вопросам. Так противоречиво и на разных языках говорили собравшиеся сюда люди, так несоединимы были их интересы и стремления. Что же удивительного, если в Комиссии возгорались прения, обнаруживавшие страстность непримиримых точек зрения, если здесь на молчаливой в течение сотни лет русской политической трибуне заговорили ораторы красноречиво и сильно, без парламентской практики, а только под влиянием сильно задетых интересов и пробужденного противоположными суждениями самосознания.

Я приведу здесь несколько образцов прений в Комиссии, чтобы иллюстрировать эту сторону ее занятий.

Возник вопрос о том, быть или не быть Петровской Табели о рангах, дававшей дворянство по выслуге и чину в объеме прав благороднороджденных. «Чин» столкнулся с «благородством», и полились

И. И. Шувалов

страстные речи. В Комиссии преобладали, по-видимому, сторонники «чина». Яркую речь в защиту чина произнес депутат Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков от шляхетства Н. Мотонис: «Всякое поколение дворян имело и имеет свое начало,— говорил он,— с тем только различием, что одно получило его ранее, другое — позже; все же сходствовало в том, что добродетель и заслуги возводили их на ту степень достоинства. Эти два похвальные качества могут быть оказаны не только во время войны, но и во время мира... Государь, как отец, любит равномерно всех своих подданных; люди всех состояний суть его дети. Он же смотрит на любовь к отечеству каждого, на ревность его к службе и верность к своей особе, и за отменные добродетели и заслуги награждает возведением из низшего чина в высший. Таким образом, учредилось от древних времен везде и у нас, в России, дворянство... Император Петр Великий, издав узаконение, через которое обер-офицерский чин в военной, а штаб-офицерский в гражданской службе, возводит на степень дворянства, как кажется, не сделал что-либо новое, но только утвердил давнее в России обыкновение». Оратор, впрочем, идет дальше в своей защите «подлородных» от спеси благородных. По его мнению, все честные труженики — достойные люди: «Подлого нет у меня никого. Земледелец, мещанин, дворянин,— всякий из них честен и знатен трудами своими, добрым воспитанием и благоправием. Подлы те только, которые имеют дурные свойства, производят дела, противные законам»...

Эти и подобные речи задели за живое защитника аристократических традиций, лучшего оратора Комиссии, кн. М. М. Щербатова.

По словам журнала заседаний Комиссии, «с крайним движением духа, что по произношению голоса приметить можно было», произнес свою горячую речь автор книги: «О повреждении нравов в России».

«Весьма удивляюсь,— говорил он,— что г. депутат укоряет подлым началом древние российские фамилии, тогда как не только одна Россия, но и вся вселенная может быть свидетелем противного. К опровержению его слов мне довольно указать на исторические события. Одни российские дворяне имеют свое начало от великого князя Рюрика, и потом, по нисходящей линии, от великого князя Владимира; другие выехавшие знатные люди берут свое начало от коронованных глав; многие фамилии, хотя и не ведут рода своего от владетельных особ, но произошли от весьма знатных людей, которые, выехавши в службу к великим князьям российским, считают несколько столетий своей древности и у нас украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Как может собранная ныне в лице своих депутатов Россия слышать нарекания подлости на такие роды, которые в непрерывное течение многих веков оказали ей свои услуги! Как не вспомнит она пролитую кровь сих достойнейших мужей! Будь мне свидетелем, дражайшее отечество, в услугах, тебе оказанных верными твоими сынами — дворянами древних фамилий! Вы будьте мне свидетели, самые те места, где мы, по воле нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучия собраны! Не вы ли были во власти хищных рук? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены от иноверцев? Кто же в гибели твоей, Россия, подал тебе руку помощи? То верные твои чада, древние российские дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, они приобрели тебе прежнюю вольность. Мне мнится зреть еще текущу кровь достойных сих мужей и напоминаящу их потомкам то же исполнять и так же жертвовать своею жизнью отечеству, как они учинили. Вот первое право требования дворян древних родов, чтобы никто с ними без высочайшей власти не был сравнен. Но они, сего любовию побужденные, не затворяют надменностью врата для доблести,

а хотят, чтобы желающие войти к ним в собратство удостоились того истинною добродетелью, которую бы сам монарх увенчал дворянским званием».

Столкнулись депутаты Комиссии и из-за «черной кости». Поднят был вопрос о праве фабрикантов на владение крепостными. Купечество в свою пользу приводило интересы промышленности. Дворянские депутаты в своих ответах сумели перенести вопрос на такую благородную почву, апеллировали к таким высоким аргументам, что действительно могли показаться в своем ораторском увлечении искренними борцами за свободу и филантропию. Щербатов поднял вопрос по этому поводу: «Допустимо ли, чтобы равный равного мог иметь у себя в неволе?» и отвечал: «Обратим взоры наши на человечество и устыдимся об одном помышлении дойти до такой суровости, чтобы равный нам по природе сравнен был со скотами и поодиночке был продаваем. Древние времена, не просвещенные чистым нравоучением, приводят нас в ужас, когда вспомним, что людей, как скотину, по торгам продавали. Если невольнику приключался какой-либо вред, то не болезнь его и страдание, но убыток господский принимался во внимание, и за него законы принуждали к платежу. Мы люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам. Разность случаев возвела нас на степень властителей над ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное нам создание. Но с этим неоспоримым правилом будет ли сходствовать такой поступок, когда господин, единственно для своего прибытия, возьмет от родителей, от родственников или от дома, кого-либо мужского или женского пола и, подобно скотине, продаст его другому?.. От одного этого изображения вся кровь во мне волнуется, и я, конечно, не сомневаюсь, что почтенная Комиссия узаконит запрещение продавать людей поодиночке без земли».

Настоящая цена пафоса этой речи выясняется из того, что по ее смыслу выходит, будто розничная продажа крепостных практикуется только на фабриках, принадлежащих купцам. О розничной продаже крестьян между помещиками кн. Щербатов скромно умалчивает. Он даже склонен думать, что крепостным рабочим гораздо лучше живется на фабриках помещичьих, чем купеческих.

Когда в ответ на его речь, рисующую тяжелое положение крестьян на купеческих фабриках, депутат г. Серпейска указал, что дворяне так же бесплатно эксплуатируют труд крепостных на своих фабриках, Щербатов опять пришел в благородное негодование. «Не могу оставить без упоминания о мнении, (будто) дворяне, при постройке фабрик, отягощают своих крестьян, и притом в рабочую пору. Как ни чудным кажется это мнение,— иронизирует Щербатов,— но, почитая в господине депутате избравшее его общество, я не думаю, чтобы он, после принесенной им присяги, сказал что-либо несправедливое... Может быть, ему случилось видеть на свете такие беззакония. Но из этого не следует, чтобы чей-либо непристойный поступок мог служить доказательством для обвинения всего (дворянского) общества».

Впрочем, в Комиссии раздались и довольно искренние голоса в пользу крестьян, затонувшие, впрочем, в хоре крепостнических настроений. Обсуждался вопрос о беглых. Крепостники, как мы видели выше, усматривали причину зла в обременении крестьян государственными повинностями и предлагали жестокие меры наказания как сдерживающее побегі средство. И у одного только депутата Коробьина (от Козловского дворянства) нашлось гражданское мужество указать Комиссии на настоящий корень зла. Тяжесть барщины и помещичьих повинностей, разграбление помещиками крестьянского имущества, отдача дворянами крестьян своим кредитором для отработки процентов по обязательствам — все

эти случаи,— утверждал Коробьин,— и являются главным побуждением для крестьян оставлять свои дома и помещика. Не в наказаниях, а в ограничении законами власти помещиков над именем их крестьян видел Коробьин настоящее средство пресечения побегов.

18 членов Комиссии высказались против мнения Коробьина и только три за него. Один из оппонентов Коробьина, между прочим, заявил, что принятие положений Коробьина «не оставляет другого способа, как сделать крестьян свободными, если б на то монаршее было соизволение», но сделать это можно только исподволь.

Граф А. Г. Разумовский

Почему Комиссия, столь плодотворная и по доставленным сведениям, и по технике своих работ¹, была распущена и не собрана вновь для окончания своей задачи?

Конечно, не в одной войне тут дело: война кончилась, а Комиссия не была вновь созвана. Одни видят причины этого явления в том, что слишком громоздко было по своему составу и организации это учреждение, чтобы можно было от него ждать завершения такой сложной и требующей сосредоточенной и систематической работы, как кодификация. Другие обвиняют президиум Комиссии в неумении поставить ее работы планомерно и сосредоточить внимание депутатов на одной

¹ Екатерина писала потом: комиссия «все части закона собрала и разобрала по материям» и «более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась», — и это в 1½ года.

стороне их, привести к завершению один вопрос прежде, чем приступить к другому, на самом же деле обсуждение вопросов шло без всякой системы, и один вопрос сменялся другим без всякой последовательности и законченности. Ставят также в упрек и самой Екатерине, что она, вместо того, чтобы дать на обсуждение Комиссии готовый проект Уложения, как это сделал в свое время Алексей Михайлович, самой Комиссии поручила это дело, что обычно не делается даже в современных опытных законодательных собраниях. Своевременно замеченная Екатериною ошибка и была причиною роспуска Комиссии. Отмечают также и то, что члены Комиссии подчас вторгались в заповедные области (вопрос крестьянский, о привилегиях Малороссии, Остзейского края) и своими жаркими выступлениями беспокоили ту, которая дрожала от тени покушения на ее самодержавную власть. Возможно, что все эти предположения имеют за собою долю истины; главная же причина того, что Комиссия не была вторично созвана, думается, в том, что Екатерина получила от нее тот «свет и сведения», которых ей до сих пор недоставало, и могла теперь самостоятельно, бюрократическим путем, пойти по тому пути, который так ясно был освещен Комиссией и наказами, не рискуя подвергать свое положение могущим воспоследовать неожиданно от столь авторитетного и подчас властного собрания, каким иногда себя проявляла Комиссия.

Не следует забывать также и той непримиримой розни сословных интересов, которая так наглядно обнаружилась в депутатских наказах и в прениях в Комиссии.

Как известно, французские генеральные штаты закончили свое существование подобной социальной розни, какую начала свою деятельность Екатерининская Комиссия.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГУБЕРНИЙ И ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ЕКАТЕРИНЫ II

I

Внешняя политика отвлекла Екатерину от законодательной деятельности. Но после того, как окончилась первая турецкая война и произошел первый раздел Польши, Екатерина вновь стала посвящать свое время законодательству, начала усиленно заниматься «лежизлацией», как она выражалась.

Работы Комиссии по составлению проекта нового Уложения прекратились в конце 1768 г. Если Комиссия и

не исполнила своей прямой задачи и не составила нового Уложения, то все же труды ее не пропали безрезультатно. Сама Екатерина, вспоминая деятельность Комиссии, говорила, что «Комиссия Уложения подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пеших должно». После роспуска Большой Комиссии в Петербурге остались малые комиссии, которые общая Комиссия выделила из себя. В них был подготовлен большой запас законодательного материала, которым и воспользовалась Екатерина для своей позднейшей законодательной работы. На этих материалах малых комиссий были в значительной степени основаны три важных законодательных акта: 1) Учреждение об управлении губерний, обнародованное в 1775 году, 2) жалованная грамота дворянству и 3) жалованная грамота городам (и та и другая грамоты были даны в апреле 1785 года).

Основы для своих реформ Екатерина берет из желаний местных обществ, выраженных в Комиссии, и тех правил, которые она усвоила из западноевропейской литературы, почему эти реформы и представляют большой интерес сочетания западноевропейских начал с требованиями русской действительности. С этой точки зрения мы их и рассмотрим.

Остановимся сначала на «Учреждении об управлении губерний». Реформа 1775 года касалась как областного разделения, так и областного управления. Перемена в областном разделении заключалась в том, что основная областная единица — губерния была сделана более мелкой. Число губерний было увеличено с 20 до 50. Губерния по новому разделению должна была заключать в себе от 300 до 400 тысяч жителей. Она распадалась на уезды с таким расчетом, чтобы каждый уезд включал в себя от 30 до 40 тысяч жителей. Число уездов благодаря этому увеличилось вдвое, и уезд стал также гораздо более мелкой единицей. В основу того и другого деления лег тот же статисти-

ческий принцип, который был положен и в основу административного деления Франции в эпоху революции, в обоих случаях стирая прежнее историческое областное деление. Так Екатерина завершила работу, начатую Петром Великим, взявшим статистический факт, количество народонаселения за основу своего деления России на провинции, введенные им в 1719 году.

Вместе с новым областным разделением реформа 1775 года вводила и новое областное управление. Устройство управления было коренным образом изменено. Во главе губернии закон 1775 года ставил генерал-губернатора с очень обширной властью. Его обязанности заключались, во-первых, в наблюдении за действиями всех остальных должностных лиц в губернии и за исполнением закона — и в этом именно смысле «Учреждение» и называет его «оберсгателем закона»; во-вторых, на генерал-губернатора возлагалось попечение о благе населения: являясь агентом центрального правительства, генерал-губернатор в то же время был «ходатаем за пользу общую, заступником утесненных и побудителем безгласных дел», т. е. таких дел, в которых в качестве истца или обвинителя выступает само государство. Являясь в губернии представителем верховной власти, генерал-губернатор носит титул «государева наместника» и находится в непосредственном сношении с монархом и Сенатом, в котором он получал право присутствовать в случае своего приезда в столицу. Назначался генерал-губернатор из лиц, пользующихся особенным доверием государя. Его значительная по полномочиям власть обставлена необыкновенной пышностью: при нем состоят два адъютанта, при его выездах его сопровождает легкая конница, и, кроме того, дворянство наряжает «для почести его» молодых дворян по одному от каждого уезда.

Под высшим надзором государева наместника действуют три ряда местных учреждений. Это были учрежде-

ния административного, финансового и судебного характера. Два ряда действовали в губернии, один — в уезде. Высший их этих рядов составляют Губернское правление, Казенная палата и Судебная палата, разделяющаяся на палату уголовного суда и палату гражданского суда. «Губернское правление есть место, которое управляет в силу закона именем императорского величества». Председателем Губернского правления является генерал-губернатор, а за его отсутствием губернатор. В его состав входят два губернских советника, назначаемые правительством. Губернское правление не является учреждением коллегиальным, и роль советников — исключительно совещательная: генерал-губернатор может и не согласиться с их мнением, и тогда они обязаны исполнить постановленное им решение. Губернское правление отправляет двоякую функцию: во-первых, исполнительную — оно обнародует в губернии указы верховной власти, а, во-вторых, распорядительную — принимает меры полицейского характера (в широком значении этого слова), направленные к достижению безопасности, благочиния и благоустройства в губернии. Губернское правление было органом губернского управления, а в уезде ему соответствовал Нижний земский суд, состоящий из председателя, капитан-исправника и двух заседателей. Все эти лица избираются уездным дворянством. Нижний Земский суд, так же как Губернское правление, — орган исполнительно-полицейского характера.

Финансовое управление отделено от общеадминистративного и ведается Казенною палатой, состоящей, под председательством вице-губернатора, из 4 членов и губернского казначея. Палата заботится о составлении народных переписей. Кроме того, в круг ее ведомства входят: сбор казенных доходов и производство расходов, казенные монополии и оброчные статьи, казенные имущества в губернии и производство контроля. Она со-

единяет в своем управлении все те отрасли, которые теперь ведаются несколькими учреждениями, а именно: казенной палатой, контрольной палатой и управлением государственных имуществ. Ей подчинены находящиеся в уездных городах уездные казначейства.

Высшим судебным учреждением в губернии являются две палаты: а) гражданского и б) уголовного суда, состоящие каждая из председателя и четырех членов, назначаемых правительством. В палаты восходят дела из низших судебных инстанций в порядке апелляционном по жалобе сторон или в ревизионном для утверждения приговора. Такое восхождение по инстанциям до палаты в ревизионном порядке было обязательно для тех уголовных дел, в которых наказанием могло быть лишение подсудимого жизни или чести.

Следующие низшие судебные инстанции дробились по сословиям. Для каждого из свободных сословий, кроме духовенства, создано было по две низших судебных инстанции: для дворянства — верхний земский суд в губернии и уездный суд в уезде; для купечества — губернский магистрат в губернии и городской магистрат в уезде и, наконец, для свободного сельского населения там, где оно было, — верхняя земская расправа в губернии и нижняя земская расправа в уезде. Каждый из этих верхних судов, имея по два председателя и по десяти членов, разделяется на два департамента, гражданский и уголовный, но уездные суды рассматривают дела того и другого порядка в одном присутствии, состоящем из одного председателя и двух заседателей. При дворянских уездных судах существуют дворянские опеки, при городских магистратах — сиротские суды: для заведывания опекунами делами того и другого сословия.

Кроме перечисленных выше учреждений, устанавливалось еще два: во-первых, Приказ общественного призрения и, во-вторых, Совестьный суд. В Приказе об-

щественного призрения под председательством губернатора заседает по два члена от каждого из верхних судов, т. е. Верхнего земского суда, Губернского магистрата и Верхней расправы. В его заведывание входят: а) народное просвещение, б) медицинская часть и в) заведения общественного призрения. Совестьный суд состоял под председательством особого, назначаемого от правительства совестного судьи и из двух членов от каждого из сословий, т. е. дворянства, городского купечества и свободных сельских обывателей, избираемых на 3 года, которые принимали участие в заседаниях суда по делам лиц своего сословия. Этот трибунал выступал в тройного рода случаях: во-первых, в нем производились дела по преступлениям, совершенным не по злему умыслу, а по несчастному стечению обстоятельств, по крайнему невежеству (таковы были дела о колдовстве) или малолетними и безумными. Во-вторых, Совестьный суд исполнял функции третейского суда, к которому могли обратиться спорящие стороны по желанию, с обязательством подчиниться его решению и при участии в составе суда посредников, избираемых от сторон. Его главною задачею было стараться приводить стороны к миролюбивому соглашению. Наконец, в-третьих, Совестьный суд должен был гарантировать свободу граждан от административного произвола. Каждый заключенный в тюрьме, которому в течение трех дней не объявлено было, за что он содержится, или который в течение трех дней не был представлен к допросу, мог обратиться письменно к Совестьному суду. Если оказывалось, что заключенный не обвиняется в оскорблении величества или важнейших уголовных преступлениях, то Совестьный суд, получив такое уведомление, обязан был, не выходя из заседания, послать распоряжение о присылке такого заключенного вместе с мотивами его задержания. Повеления Совестьного суда должны были исполняться каждым присутст-

венным местом немедленно по получении от него распоряжений, под страхом штрафа в 300 р. с председателя и 100 р. с каждого из членов. Личное задержание Совестный суд имел право заменить отдачею обвиняемого на поруки.

Петровские органы надзора, прокуроры и фискалы, были воскрешены в губернских учреждениях Екатерины в лице прокуроров и стряпчих. При высших губернских присутствиях, при наместническом правлении и палатах установлена была должность губернского прокурора. При каждом из верхних судов находилось также по одному прокурору. При каждом прокуроре состояло двое помощников, из которых один имел звание стряпчего уголовных, а другой — стряпчего гражданских дел. Функции этих должностей были весьма похожи на функции современного нам прокурорского надзора. На прокурорах лежала обязанность наблюдать за исполнением закона, а всякое присутственное место, при котором находился прокурор, обязано было, прежде чем постановлять решение, выслушать его заключение. О всех замеченных беспорядках прокурор сообщал как генерал-губернатору, так и своему непосредственному начальнику, генерал-прокурору. Последний именовался «оком царевым» для всей России; губернские и другие прокуроры были его очами в местности. Стряпчие возбуждали перед судом иски со стороны казны по делам гражданским или уголовным и обвинения по тем делам, в которых не было частного истца. Уездным органом губернского прокурора был уездный стряпчий. Его обязанности относительно уезда те же, что обязанности губернского прокурора для всей губернии.

При составлении проекта реформы областного управления Екатерина исходила из источников двойного рода. Во-первых, в этой реформе она в широкой степени воспользовалась возможностью осуществить хоро-

шо ею усвоенные и очень ценимые, модные тогда, идеи западно-европейской публицистики. Монтескье нашел в ней преданную ученицу, проводившую в действительную жизнь его отвлеченные теории. Эти западноевропейские публицистические основы нетрудно заметить в изложенном очерке областного устройства. Прежде всего здесь в значительной мере была осуществлена знаменитая в XVIII веке теория разделения властей, бывшая азбукой в государственной науке того времени. Смешение разного рода функций в кругу ведомства одной и той же должности было указано в предисловии к Учреждению 1775 г., как один из важнейших недостатков прежнего порядка управления. Теперь судебная власть была отделена от административной, причем и самые судебные учреждения в верхних инстанциях имели подразделения по роду дел: для дел гражданских и уголовных заведены были особые департаменты в верхних судах и особые палаты в качестве высших инстанций. Финансовое управление было также отделено от общей администрации.

Затем нашел себе осуществление тот принцип сословного расчленения, который Монтескье кладет в основу монархии как формы правления. Этот принцип руководил Екатериной в особенности при издании жалованных грамот в 1785 г.; но он ярко выступает и в Учреждении 1775 г. Здесь применено было одно частное производное положение этого принципа, а именно, то положение, что каждый судится не иначе, как себе равными. Начало суда пэров и послужило основанием для создания особых судебных учреждений для каждого сословия с участием выборных представителей от сословия в качестве членов суда в средних инстанциях, а в низших также и в качестве председателей.

Наконец, в губернских учреждениях 1775 года были ярко представлены и гуманные идеи, расцвет которых относится в Европе к эпохе «просвещенного абсолютиз-

ма». Они лежат в основе таких учреждений, как Приказ общественного призрения и Совестный суд. «Должности Приказа общественного призрения и Совестного суда», как определяет их само Учреждение о губерниях, «суть аки два источника, навеки льющие благодеяние несчастным и бедствующим в роде человеческом и сопрягающие милость и суд воедино». Эти филантропические учреждения, плохо действовавшие и далеко не осуществившие намерений законодателя, привлекли к себе, однако, внимание западноевропейских публицистов благодаря тому шуму, какой умела поднимать Екатерина в Европе каждым своим делом, и публицисты призывали западных правителей учиться государственной мудрости у северной Семирамиды.

Но с началами, заимствованными с Запада, Екатерина умела сочетать воедино указания русской действительности.

Основу своих реформ Екатерина строила из местных домашних элементов и только облекала ее легким покровом навеянных с Запада идей. Вот почему и в областной реформе 1775 г. местные материалы были пущены в дело, и в широкой степени были осуществлены требования, высказанные дворянством в эпоху комиссии 1767 г., в особенности в депутатских наказах. Дворянские указы содержали в себе не одну только критику существующих порядков; в них выражались также и требования положительного характера, иногда даже целые обширные проекты новых порядков. К трем главным пунктам сводились требования наказов, касавшиеся местного управления, привлечшего к себе наибольшее внимание уездного дворянства. Посмотрим, насколько их осуществляла реформа Екатерины. Во-первых, дворянство желало большей близости власти к населению. Оно тяготилось отдаленностью поездок в вотчинную коллегия, по поземельным делам. Оно жа-

ловалось на отдаленность первой административной и судебной инстанции, какою была уездная воеводская канцелярия; оно было, далее, недовольно чрезмерным множеством и неравномерностью инстанций. В самом деле, их было для жителей уездного города целых пять: уездная воеводская канцелярия, провинциальная канцелярия, губернская канцелярия, юстиц-коллегия и Сенат. Слишком большое число инстанций служило одною из причин медленности процесса. Для устранения этого неудобства дворянство в своих наказах предлагало соответствующие меры. Оно просило сократить число инстанций, распределить их правильнее, передать дела, которые ведались в вотчинной коллегии, в местные канцелярии, и, наконец, или раздробить уезды на более мелкие областные единицы, или вообще умножить число уездных властей.

Правительство пошло навстречу всем этим заявлениям, действуя с большою широтою взгляда. Не дробя уезды на административные части, как предлагали некоторые наказы, оно зато увеличило вдвое число уездов, обратив много прежних сел в уездные города. Уезды были раздроблены на части уже позже при императоре Николае, и в этих частях, названных станами, были учреждены под названием станowych приставов те «дистриктные комиссары», о которых просило дворянство. Вместе с тем и число присутственных мест в уезде было увеличено: вместо одной воеводской канцелярии было заведено два судебных учреждения, по одному для каждого свободного уездного сословия: Уездный суд для дворянства и Нижняя расправа для свободных крестьян; сверх того, общее полицейское учреждение: Нижний земский суд и, наконец, уездное казначейство. Число губерний было увеличено и размеры каждой уменьшены, так что губернская инстанция сделалась теперь доступнее. Число инстанций было сокращено уничтожением

провинциальной, средней между уездной и губернской, так что из уезда следовало обращаться прямо в губернию. Притом это число инстанций для жителей всех уездов сделано одинаковым, так как для управления уездом были заведены свои уездные учреждения, находившиеся в губернском городе. И коллегии стали теперь ближе к населению; три самые важные для местного населения коллегии, до которых оно имело постоянно нужду: вотчинная, юстиц-коллегия и камер-коллегия, были уничтожены в столицах и разнесены по губерниям, в виде палат. Казенная палата — это, по определению «Учреждения», не что иное, как камер- и ревизион-коллегия, соединенные вместе; палата гражданского суда — соединенные юстиц- и вотчинная коллегии; палата уголовного суда — уголовный департамент юстиц-коллегии. Губерния сделалась самодовлеющей административной единицей. Большинство дел должно было разрешаться местными учреждениями, получившими широкие полномочия, и только немногие дела должны были доходить до центра.

Вторым требованием дворянства была та новая задача, которую дворянство ставило местной администрации. Цели, преследуемые местной администрацией, менялись по мере ее развития. Воевода XVII в. — это агент центрального правительства, понуждавший местное население уезда отправлять лежащие на населении повинности. Кроме самых элементарных мер для охранения безопасности и кроме отправления правосудия, он ничем не проявляет своего интереса к местным нуждам. Цель местной администрации XVII в. — удовлетворение интересов центра, а не местности. Воевода первой половины XVIII в. такое же послушное орудие центральной власти в местности, каким он был и ранее. Как и прежде, целью его управления было удовлетворение казенных интересов.

Новый принцип местной администрации — благо местности, как задача местного управления — выставило в

своих наказах дворянство, для которого интересы местности становились все дороже, по мере того, как, освобождаясь от обязательной службы, оно становилось более оседлым в деревне. И этому требованию правительство пошло навстречу. Во-первых, ему должно было отвечать учреждение генерал-губернатора, государева наместника, которому поручались попечение о местном населении, защита его от произвола администрации и непосредственное ходатайство о его нуждах перед престолом. Во-вторых, целью учреждения Совестного суда и Приказа общественного призрения было также благо местного населения. В-третьих, наконец, осуществлено было выраженное дворянством желание иметь в уезде выборную должность, деятельность которой была бы направлена на местное благо. Об этой должности говорит большинство наказов, предлагая для нее различные названия — ландрата, комиссара, прокурора, опекуна. По закону 1775 г. такою должностью был уездный капитан-исправник, избираемый дворянством. Ставя местное благо главною целью деятельности местной администрации, Учреждение о губерниях является важным моментом в истории русского областного управления. Следующим крупным моментом в этой истории будет эпоха реформ Александра II. Принцип местного управления, о котором мечтал Петр и который положила в основу своих областных учреждений Екатерина, получил себе полное выражение и всестороннее развитие в земском и городском самоуправлении этого государя, осуществляющем благо местности под надзором представителя правительственной власти.

Наконец, третье требование дворянства относительно администрации заключалось в том, чтобы самому дворянству была предоставлена более значительная часть в местном управлении и суде. С этой целью оно просило учреждения выборных административных и су-

дебных должностей в уезде, а выбор их местным дворянством, очевидно, должен был ставить их под контроль этого последнего. Эти выборные должности по одним наказам должны были заменить собою вполне прежнюю, назначаемую правительством воеводскую администрацию, другие не шли так далеко и просили только об учреждении новой выборной должности, которая должна была действовать рядом с воеводой в виде выборного воеводского товарища. Для выбора этих должностей дворянство просило сгруппировать его по старым привычным территориальным единицам — уездам. Дворяне каждого уезда должны были организоваться в уездное общество, «общество дворянское составить», как выражались указы, и на своих съездах, повторяющихся через определенные периоды времени, должны были производить выборы.

И это требование Екатерина встретила очень сочувственно. Она удовлетворила его в том устройстве, какое должно было получить губернское управление по Учреждению 1775 года. В системе губернских учреждений Екатерины сочетались два начала, бюрократическое (т. е. начало назначения от правительства) и земское (т. е. начало выбора местным обществом). Все высшие губернские инстанции: губернское правление, казенная и обе судебные палаты были бюрократическими. Их председатели и члены назначались правительством. Средние инстанции, т. е. верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя земская расправа, Совестьный суд и Приказ общественного призрения, получили смешанный характер: бюрократическо-земский. Их председатели назначались правительством, а члены выбирались местным обществом по сословиям. Наконец, в низших уездных учреждениях, в уездном суде, в городском магистрате, нижнем земском суде господствовало земское начало. Их председатели и заседатели избира-

лись местным обществом. Таким образом дворянство получило широкое участие в суде через посредство своих выборных заседателей в судах средней и низшей инстанций, и в совестном суде, а в администрации оно участвовало, посылая выборных членов в приказы общественного призрения и, в особенности, избирая капитана-исправника и членов состоявшего под его председательством нижнего земского суда, ведавшего полицию в уезде.

II

Просьбы дворянских наказов об учреждении дворянских местных корпораций были также удовлетворены, но с некоторыми изменениями. Вместо уездных учреждены были дворянские общества по губерниям. Таковую корпоративную организацию дворянству дала жалованная грамота 1785 г. Эта грамота была не чем иным, как развитием и переработкой «проекта прав благородных», составленного Большой Екатерининской комиссией 1767 г. и рассмотренного в последние месяцы ее существования. Она определяет личные, имущественные и корпоративные права дворянства. Она определяет «дворянское звание» как следствие добродетели и заслуги. Дворянское достоинство наследственно, потомственно и неотъемлемо. Лишиться его можно только в случае совершения определенных преступлений и то лишь по судебному приговору суда равных, утвержденному верховною властью. Носящий дворянское звание пользуется следующими преимуществами: 1) свободой от личных податей, 2) свободой от телесного наказания, 3) свободой от обязательной службы. Жалованная грамота подтверждала указ Петра III о дворянской вольности 18 февраля 1762 г. Дворянам предоставляются права приобретать населенные имения, учреждать заводы и

фабрики; право собственности распространяется на все земельные угодья. Впервые жалованная грамота дворянству устанавливает точное определение собственности на все угодья и не только на поверхность земли, но и на ее недра. Со времен Екатерины II земельная собственность получает прочный характер; прекращаются те частые конфискации земель без суда, от которых так страдало дворянство первой половины XVIII века.

Наконец, дворяне каждой губернии составляют дворянское общество, обладающее правами юридического лица, могущее приобретать собственность и путем самообложения составлять общий капитал. Съезжаясь раз в три года по созыву генерал-губернатора или губернатора, дворянство избирает по уездам уездных предводителей. Затем из уездных предводителей губернское собрание избирает губернского предводителя, утверждаемого генерал-губернатором, а также кандидатов на должности членов и председателей губернских и уездных учреждений, замещаемые по выбору от дворянства.

Наконец, важнейшим правом, предоставленным дворянской корпорации жалованной грамотой, было право представлять о своих сословных пользах и нуждах генерал-губернатору, а также через особых депутатов Сенату и верховной власти. Это право не было создано Екатерининскими губернскими учреждениями, оно только облекалось в известные законные формы. Учреждения, меняя иногда характеры людей, действуя на них воспитывающим образом, не меняют строя жизни. Они не создают жизни, а лишь служат внешним выражением житейского порядка: дворянство стало править провинцией не потому, что грамоты дали ему такое право — грамоты 1775 и 1785 гг. лишь закрепили юридически неизбежное явление жизни.

Жалованная грамота городам тоже вводит новые принципы. Отметим главнейшие. Русский город до Ека-

терины не представлял из себя единого целого. Только посадское, т. е. торгово-промышленное, население города имело некоторое самоуправление. По регламенту Петра Великого, жившее в городе дворянство и духовенство к гражданам не причислялись. Теперь впервые в жалованной грамоте 1785 г. устанавливается понятие города, как совокупности всех жителей города, независимо от сословий. Город становится всесословной единицей, «обществом градским», получающим права юридического лица. Каждой из входящих в него обеспечиваются свои особые преимущества. Звание мещанина приобретается трудолюбием и добронравием, оно наследственно и не может быть отнято иначе как по суду за тяжкие преступления. Гильдейское купечество освобождается от казенной службы. Первые две гильдии освобождаются от телесных наказаний. Первая гильдия имеет право ездить в карете парой, вторая — в коляске; третьей гильдии запрещается ездить в карете и впрягать в экипаж более одной лошади. Цехи получают свою организацию, подробно регламентированную особым включенным в грамоту Ремесленным положением. Именные граждане могут ездить в карете парой и четвернею и просить дворянского достоинства, если в течение трех поколений беспорочно сохраняли именованность.

Обе жалованные грамоты, помимо того самоуправления и той корпоративной организации, какие ими давались дворянству и городам, имеют значение, во-первых, как крупный успех в развитии прав личности. Грамоты устанавливают принцип неотъемлемости прав состояния иначе как по суду за тяжкие преступления. И дворянин, и мещанин не могут быть лишены своего звания и соединенных с ним прав произволом власти. Точно так же впервые точно было установлено грамотами понятие права собственности, и со времени грамот прекратилась произвольная конфискация частных иму-

ществ, столь широко практиковавшаяся еще в первой половине XVIII в. Во-вторых, грамоты были важны тем, что они снимали с двух русских сословий те вековые обязанности, которые на них лежали: с дворянства — службу, с городского населения — тягло. Из крепостных они делали эти сословия свободными.

М. Богословский

ГОРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

«**Г**ородовое Положение», изданное в царствование Екатерины II в 1785 г., составило крупный этап в истории городского самоуправления в России. Во многих отношениях провозглашенные в этом законодательном акте начала городского устройства не получили в ту пору нашей истории жизненного значения, не привились на практике, и под покровом введенных Екатерининским «Положением» новых форм городского управления, как ни в чем не бывало, продолжала сохранять силу такая старина, которая уходила своими корнями далеко в глубь исторического прошлого. Но если практически Городовое Положение Екатерины II, по причинам, которых я коснусь в своем месте, не направило течения городской жизни в новое русло, то принципиально этот закон надлежит признать первым манифестом таких основ городского самоуправления, которые не получали

в предшествующие периоды нашей истории не только практического осуществления, но и теоретического признания.— В законодательстве Екатерины II город впервые был провозглашен всеобщим самоуправляющимся союзом, состав которого должен обнимать все элементы городского населения и деятельность которого должна заключаться не только в отправлении различных государственных повинностей, но и в самостоятельном заведывании всеми отраслями городского благосостояния.

Ни Московское государство, ни Петербургская империя XVIII столетия до издания Городового Положения Екатерины II не знали такого взгляда на сущность городского самоуправления. Что представлял собой доекатерининский русский город в отношении устройства и порядка управления? Необходимо ответить на этот вопрос прежде, нежели мы приступим к рассмотрению Екатерининской городской реформы. Только в этом случае мы получим возможность уяснить себе и самую эту реформу в надлежащей исторической перспективе, получим возможность определить с точностью, поскольку Екатерининская реформа видоизменяла предшествующую старину и поскольку эта старина в своей огнеупорной стойкости наложила собственную печать на предпринятые Екатериной II преобразования.

I

Древнерусский город обыкновенно располагался тремя концентрическими кругами. Сердцевину городского поселения составлял кремль. Так называлась городская крепость, окруженная стеной и снабженная военными снарядами. Здесь же, в стенах кремля, находился двор воеводы — главного местного агента прави-

тельственной власти, назначавшегося из московского приказа, воеводская изба, т. е. канцелярия восводы, собор, тюрьма и так называемые «осадные дворы», т. е. помещения, приготовленные на случай приезда в город служилых дворян и детей боярских, которые жили в своих усадьбах в приписанном к данному городу уезде, а во время военной мобилизации собирались в город «конны, людны и оружны», т. е. на походных конях, в сопровождении холопов и в военном вооружении. В мирное время пустые «осадные дворы» в городском кремле обыкновенно находились под надзором особо для того нанимаемых или назначаемых людей — «дворников».

За стеною кремля и под ее охраной располагался второй круг городской оседлости. Он назывался посадом.— Здесь стояли дворы «людей посадских», т. е. городских торговцев и промышленников. На посаде находились и гостиный двор и городской рынок, отдельные лавки местных купцов и «мирская посадская изба», т. е. помещение для «мирских посадских советов», или «сходов» и «старостинская изба», т. е. канцелярия местного выборного посадского старосты. Часто посад, подобно кремлю, был, в свою очередь, отгорожен стеной от третьего круга городской оседлости, в черте которого располагались так называемые слободы. Это были группы дворов, в которых жили мелкие торговцы и ремесленники, поселившиеся у самого посада, но все же за чертой его. Первоначально «слобожане», как жившие вне посада, были свободны (отсюда и название слобода — свобода) от обязанности нести те повинности и налоги, которыми государство облагало людей посадских. Но с течением времени такое положение вещей изменилось. Посадские жители с крайним неудовольствием относились к податным и повинностным льготам слобожан, которые пользовались всеми удобствами своего соседства с посадом, участвовали в посадских торгах и промыслах,

но по своему слободскому положению, тем не менее, не разделяли с людьми посадскими падавшего на этих последних служебного и тяглого бремени. Люди посадские, естественно, возопияли против такого порядка, засыпали правящую Москву слезными мирскими челобитьями, в которых просили одного из двух: или совершенно уничтожить слободы, или распространить и на слобожан посадское тягло. Эти домогательства получили удовлетворение при составлении Соборного Уложения 1649 г. На основании постановлений Уложения оставшиеся при посадах слободы обязательно уже вкладывались в посадское тягло.

Перечисленные элементы населения древнерусского города не составляли единого общественного союза. Дворяне, дети боярские, пушкарки, затынщики и прочие «разных служб служилые люди», хотя бы и владели дворами в черте городской оседлости, стояли совершенно особняком от людей посадских. Подчиняясь непосредственно воеводе, они были отгорожены от посада не только физически, кремлевской стеной, но и юридически, постановлениями закона, не признававшего их членами городского мира. Городская община в Московском государстве обнимала своим составом не всю совокупность городского населения, а только посадских тяглецов, к которым принадлежали лишь люди, имевшие на посаде и в посадских слободах торги и промыслы и тянувшие с этих торгов и промыслов государево тягло. Это была, таким образом, не городская, а только посадская община, для которой все не посадские жители города — духовные и служилые люди являлись совершенно чуждым элементом. Такое разобщение различных групп городского населения, отнимавшее у города характер единого общественного союза, и сохранилось в полной силе вплоть до издания Городового Положения Екатерины II.

В Московском государстве основным юридическим признаком различения общественных состояний, или, как говорили в то время, чинов, служила принудительная разверстка между отдельными разрядами населения различных видов обязательной государственной службы и государственного тягла. Уже в XVI в. государственная власть в Московском царстве начинает выдвигать этот принцип группировки общественных разрядов. В XVII ст. названный принцип окончательно оформливается, закрепляется и последовательно проводится чрез всю сословную организацию общества. Население государства расчленяется на ряд служилых и тяглых групп, по которым принудительно распределяются служилые и тяглые люди. Эти группы объявляются замкнутыми со стороны выхода; обязательная принадлежность к такой группе каждого ее члена получает не только пожизненный, но и наследственный характер.

На этих именно основаниях в начале XVII ст. окончательно сформировывается и чин «людей посадских». Подобно тому, как люди служилые были организованы в ряд служилых поездных корпораций, так люди посадские были организованы в ряд тяглых, посадских миров. Люди служилые были обязаны с своих поместий и вотчин «государева служба служить» и для этого являться во время мобилизации к назначенному пункту в боевой готовности в составе целого уездного отряда, и затем из таких уездных отрядов формировались полки. Точно так же люди посадские были обязаны с своих животов и промыслов службы служить и тягло платить и для обеспечения правильного поступления в казну платежей и правильного отправления посадских служб, т. е. разного рода натуральных повинностей и казенных поручений финансового характера,— люди посадские каждого посада связывались круговой порукой, так что вся посадская община отвечала перед правительствен-

ной властью за служебную и податную исправность каждого своего члена. Эта-то круговая порука и служила тем цементом, который связывал всех посадских тяглецов каждого города в единую общину. Внутреннее строение этих посадских общин также было аналогично строению поуездных корпораций служилых людей. Дворяне и дети боярские каждого уезда разделялись на три статьи по степени их служилоспособности. Это распределение производилось при помощи периодических смотров, на которых выяснялось семейное и материальное положение каждого дворянина и сына боярского данного уезда, и на основании определенной таким путем степени их служилоспособности каждый из них приписывался к одной из трех статей. Чем выше была статья, тем более тяжелые виды службы возлагались на ее членов. Совершенно аналогично этому порядку и посадские тяглецы каждого посада распределялись на три статьи по степени их тяглоспособности, на основании сравнительной оценки «животов и промыслов», т. е. имущества и торговопромышленных операций каждого посадского тяглеца. Наиболее состоятельные, а, следовательно, и наиболее тяглоспособные члены посадской общины составляли первую статью и назывались на языке официальных актов того времени «людьми первостатейными» или «лучшими»; посадские тяглецы среднего достатка составляли вторую статью и назывались «людьми середними»; малосостоятельные тяглецы были относимы к третьей статье и назывались «людьми маломочными» или «молодшими». В некоторых посадах к этому делению присоединялась и четвертая группа еще более захудалых людей, которые назывались «людьми охудалыми» и «посадскими бобылями». Предельные размеры «животов и промыслов» людей каждой статьи не были установлены единообразно для всех посадов. В каждом посаде держались на этот счет своих местных правил, но

общее значение и назначение этого постатейного деления всюду было одно и то же: чем выше была статья, тем более высокие оклады податных платежей и тем более сложные и ответственные финансовые службы возлагались на ее членов.

Построенная таким образом посадская община получила в Московском государстве замкнутый, безвыходный характер. Можно было вступить в ее состав, приобретя на посаде торг или промысел и представив посадскому миру поручную по себе запись в исправном отбывании мирского тягла. Но выйти из такой общины можно было лишь в очень редких случаях и с большими затруднениями. В виде общего правила, начиная с XVII ст., действовал принцип безвыходности посадского состояния. По Соборному Уложению 1649 г. все вышедшие из посадского тягла подлежали принудительному в него возвращению. Более того: Уложение даже воспрещало переход из одного посада в другой. Каждый человек посадский оказывался навсегда прикрепленным к своей профессии, к своему тяглу, к своему посаду. Посадская община сложилась в крепостной тяглый союз, в своего рода административный прибор, посредством которого государственная власть обеспечивала для себя неукоснительное отправление каждым посадским тяглом служб и тягла, ибо за тягловую исправность всех своих членов отвечала вся община в порядке мирской круговой поруки. Этим тягловым назначением посадско-общинной организации всецело определялся и характер мирского посадского самоуправления. Делами посада ведал посадский мирской сход, который состоял из всех тяглецов данного посада и который выбирал из своей среды в качестве своего исполнительного органа и своего представителя в сношениях с властями посадского мирского старосту. И сход и староста вполне подчинялись местному воеводе, — высшему представителю влас-

ти и в городе и в уезде. Деятельность этих органов посадского мира почти всецело исчерпывалась раскладкой падавших на посад податей между отдельными посадскими дворами и сбором с этих дворов податного оклада для представления собранных сумм в государеву казну. Правда, посадский мир составлял, кроме того, путем самообложения свою мирскую казну, заведывание которой принадлежало сходу и его выборным органам. Но эта мирская казна не служила основой для сколько-нибудь заметного развития мирского коммунального хозяйства. Почти все мирские суммы шли в сущности на удовлетворение таких расходов, которые тоже так или иначе были связаны с отправлением обязательных государевых служб и государева тягла.

Итак, в Московском государстве мы не находим никаких зачатков общегородского самоуправления. Город в юридическом смысле не составлял единого союза. Городской «мир» обнимал собою лишь известную часть городского населения: торговопромышленных тягловцов. Эта посадская община XVI—XVII ст. не могла взрастить в своих недрах зародышей истинного самоуправления, хотя бы в пределах одного только разряда городских обитателей. Она была исключительно тяглым, крепостным союзом и, в противоположность городским коммуна западноевропейского средневековья, не имела никаких задатков к тому, чтобы стать колыбелью и школой общественной свободы.

II

Петр Великий дважды приступал к переработке городского управления. В результате его преобразовательных опытов русские города получили новые учреждения с иноземными названиями. Несмотря на это, и в

XVIII столетии, вплоть до городской реформы Екатерины II, в основе организации городского «мира» остались те же два начала, которыми определялось и устройство посадской общины в Московском государстве: городская община и в XVIII ст. осталась посадской, не превратившись в общегородскую; она и в XVIII ст. осталась по преимуществу прибором для раскладки государственных податей и служб по дворам торговопромышленных тягловцев и для отбывания этих податей и служб миром на основании круговой поруки.

Первый опыт переустройства городского управления предпринят был Петром Великом в 1699 г.

Впервые управление городами всей России было сосредоточено в одном центральном учреждении: так называемой «Бурмистерской палате», впоследствии переименованной в ратушу, в состав которой входили выборные из среды крупного Московского купечества, «бурмистры». В городах были учреждены подведомственные этой ратуше «земские избы», в которых также сидели «выборные мирские бурмистры». «Земские избы», установленные по городам, зависели прямо от Московской ратуши, минуя власть воеводы. Устранение воевод и явилось единственной, несомненно, новой чертой этой организации. В остальном перед нами встают уже знакомые явления. Бурмистры, заседавшие в «земских избах», избирались посадскими людьми черных сотен и слобод; их ведомство распространялось на «торговых и промышленных людей». Таким образом, перед нами — опять организация, основанная на обособлении торгово-промышленных тягловцев от прочих городских жителей. Задачи, поставленные этой организации, были также прежние. В учредительных указах, которыми вводились Бурмистерская палата и земские избы, прямо было выражено, что этим учреждениям присваивается прежде всего фискально финансовый характер. «Его ве-

ликого государя окладные многие доходы учинились в доимке (т. е. в недоимке, как сказали бы мы теперь), а пошлинным сборам и иным поборам учинились большие недоборы», сказано было в этих указах — и вот потому-то и заводятся земские избы, которым вменяется в обязанность поднять поступления государственных сборов.— Характерно, что эта реформа не была распространена на Сибирь, и в указах о заведении земских изб это исключение прямо было объяснено тем, что сибирское купечество слишком малочисленно и малосостоятельно: «людишки худые, скудные», и им «в сборе денежной казны верить непочему». Правительство заявляло, следовательно, прямо и определенно, что оно смотрит на выборных бурмистров городских земских изб лишь как на сборщиков казенных налогов с торгово-промышленного населения городов.

Ратуша и земские избы просуществовали до двадцатых годов XVIII столетия. Начиная с 1720 года, Петр вторично перерабатывает строй городского управления.

В 1720 г., взамен ратуши для заведывания городами всей России, учреждается главный магистрат, а затем по отдельным городам взамен земских изб вводятся губернские, провинциальные и уездные магистраты. Главный магистрат, учрежденный в Петербурге, был составлен опять-таки из лиц, выбираемых торгово-промышленным населением столицы, но эта выборная коллегия получила на этот раз коронный президиум: президент главного магистрата, так же как и его товарищ, назначались царем. Магистраты губернских, провинциальных и уездных городов, подчиненные главному магистрату, составлялись из бургомистров и ратманов, которые выбирались на мирских посадских сходах, но лишь из первостатейных и пожиточных граждан.

Эти Петровские магистраты вскоре по смерти Преобразователя были отменены, но по воцарении

Елизаветы Петровны опять были восстановлены и просуществовали в своем первоначальном виде вплоть до преобразований Екатерины II.

Какие же начала были положены в основу этих магистратских учреждений? Мы только что видели, что состав магистратских присутствий остался столь же односторонним, каким был состав и земских изб: здесь, как и там, заседали избранники одних только торгово-промышленных элементов городского населения и притом лишь верхних, наиболее состоятельных слоев их. По объему своей компетенции магистратские учреждения также мало чем отличались от прежних земских изб. Правда, по закону на них было возложено попечение о полицейском благоустройстве во всем городе. На первый взгляд это как бы сообщало магистратам значение общегородских учреждений. Но как раз эта функция магистратов осталась только на бумаге: и полиция безопасности, полиция благосостояния всецело сосредоточилась в руках коронных полицейских органов.

А во всем остальном магистраты являлись чисто посадскими, а не общегородскими учреждениями. На них возлагалась задача «ведать всех купецких торговых людей и... рассыпанную сию храмину паки собрать». Вводя магистраты, Петр установил новое деление городских жителей на «регулярных» и не регулярных граждан. «Регулярные» граждане, которые только и составляли предмет ведения магистратских учреждений, были разделены на две гильдии. К первой гильдии были отнесены банкиры, купцы, торгующие в отъезд и в городских рядах, городские доктора, аптекари, лекаря, шкипера купеческих кораблей, золотари, серебреники, иконники, живописцы; ко второй гильдии были отнесены мелочные торговцы, харчевники и разного рода ремесленники. Все это — те самые элементы, которыми исчерпывался и состав людей посадских в Московском государстве.

Очень скоро эта новая, введенная Петром, классификация была изменена: ремесленники, отнесенные в ней ко второй гильдии, были выделены в особые корпорации — цехи, а все остальное посадское население вместо двух гильдий стало по-прежнему делиться на три гильдии, во всем подобные трем «статьям» прежнего времени. Эти-то люди посадские трех статей с цеховыми ремесленниками в придачу и составили тот круг городского населения, пределами которого ограничивалось на самом деле ведомство магистратских учреждений. Под новыми названиями мы встречаем здесь, таким образом, тот самый строй городского управления, который действовал и в Московской Руси. Магистраты ведали суд над посадскими людьми и казенные сборы, падавшие на посадское население. Эта последняя финансовая их функция решительно выдвигалась правительством на первый план. Ради нее именно в законе было установлено, чтобы в члены магистратов были выбираемы только перво-статейные посадские люди и чтобы выбирать их могли только люди первой и второй статей. В законе прямо указывалась фискальная цель этого ограничения: за всякие недоборы с посада по казенным податям и другие упущения по службе должны были расплачиваться из своих средств и сами члены магистрата, и те, кто их выбирал. Для того, чтобы было с кого взыскать во всех таких случаях, закон и допускал к участию в магистратских выборах только наиболее зажиточных членов посадской общины. Управление городом отдавалось, таким образом, в руки небольшой кучки местных богачей, как было и в Московском государстве. Самые выборы магистратских членов опять-таки по образцу мирских выборов древней Руси носили характер не столько передачи избираемому лицу полномочий от избирателей, как выразителю и представителю мирских интересов, сколько ручательства со стороны избирателей перед властью в

том, что избираемый человек будет исправно выполнять правительственные поручения, с обязательством отвечать за все его неисправности. Вот почему при выборах магистратских членов на посадских сходах за самыми редкими исключениями не происходило правильного голосования. Сход просто разбивался на группы. Каждая группа писала выборный приговор на своего кандидата и собирала под него рукоприкладства. Так, на одно и то же место получалось несколько «выборов за руками» на разных лиц и с разными подписями. Все эти выборные листы вместе отсылались в главный магистрат, и уже это центральное учреждение само решало, который из кандидатов достоин утверждения, причем решающую роль играло не количество избирателей, подписавшихся под выборами каждого кандидата, а прежде всего — степень платежеспособности подписавшихся лиц. Ясно, что целью выборов полагалось не замещение выборной должности таким человеком, которому доверяет большинство местного населения, а обеспечение правительства на случай каких-либо упущений магистратского члена возможностью учинить следуемое взыскание с наиболее платежеспособных членов данной посадской общины. В силу такой постановки магистратской службы магистраты, несмотря на свой выборный состав, превращались в местные органы правящей бюрократии, действовавшие только по приказаниям из центра и лишь перед центральной властью обязанные отчетностью.

Настоящим средоточием мирского самоуправления на посаде являлся в XVIII ст. не магистрат, а посадский мирской сход с своим исполнительным органом — выбранным на сходе посадским мирским старостой. Зато область самостоятельной деятельности посадского схода была чрезвычайно стеснена. Формально сход был наделен немалыми правами. Он мог облагать посад мирскими сборами, распоряжаться мирскими суммами, из-

давать постановления по городскому благоустройству, избирать некоторых должностных лиц. Однако на деле все эти права пересекались самым решительным образом властью местного магистрата и местного воеводы.

III

В таком состоянии находилось городское управление к началу царствования Екатерины II. В 1767 г. Екатерина II созвала Комиссию из выборных представителей от всех свободных сословий для составления проекта нового государственного Уложения; члены этой Комиссии привезли с собой данные им от избирателей «наказы», заключавшие перечисление отягощений, нужд и желаний местного населения; такие наказы были даны и депутатам от городов. Изложенные в этих наказах нужды и стремления городского населения ярко обозначали, как сильно тяготились горожане условиями своего существования. Содержание наказов — сплошной вопль об уменьшении служб, повинностей, налогов, совокупность которых изнуряла городское население и ставила непреодолимые препятствия для какого бы то ни было улучшения городской жизни. Составители городских наказов касались также и различных недочетов в строе городского управления. Но в этом отношении критика наказов не шла далее подробностей и частных. Общих планов переустройства городского управления мы здесь не находим. Горожане XVIII ст. так свыклись с той организацией городских учреждений, которая в своих основных чертах была заложена еще во времена московских царей, а при Петре Великом только переменила внешние формы и названия, — что им не приходила и на мысль возможность перестроить это управление на каких-либо совершенно новых началах.

Они мечтали только об одном — об уменьшении падавшего на них податного и повинностного бремени.

Между тем в правительственных сферах со времени воцарения Екатерины II уже созревало решение уничтожить прежнюю разобщенность различных групп городского населения и создать из города всесословный самоуправляющийся союз.

Еще ранее в нововведениях Екатерины II проглянула идея объединения городских жителей всех сословий на почве городского самоуправления. Уже порядок избрания депутатов от городов в Комиссию по составлению проекта государственного Уложения в 1767 г. был установлен на всесословном начале. Депутат от города в эту комиссию должен был избираться всеми горожанами без различия сословий, т. е. и посадскими, и дворянами, и приказными, и всеми прочими обитателями города. Тогда же была учреждена новая должность «градского головы», который опять-таки избирался всеми горожанами сообща и являлся представителем всего города в совокупности.

Все эти частичные начинания и опыты, клонившиеся к переустройству городского управления на совершенно новых началах, получили, наконец, полное развитие и систематическое завершение в 1785 г. с изданием Городового Положения, обнародованного Екатериной II в виде жалованной грамоты городам Российской империи. При составлении этого Городового Положения Екатерина широко воспользовалась материалами, которые были собраны некоторыми частными комиссиями, действовавшими при упомянутой уже выше Комиссии депутатов 1767 г. То были по преимуществу извлечения из различных остзейских, немецких и других иноземных городских статуты. Городовое положение 1785 г. и явилось во многих своих частях довольно небрежно выполненным соединением отрывков из

этих извлечений в один общий текст, словно сшитый из пестрых лоскутков и обрезков.

Вот почему неясности, противоречия, пробелы встречаются на каждом шагу в этом на редкость плохо и неумело отредактированном памятнике Екатерининского законодательства. Тем не менее в нем все-таки с достаточной определенностью и отчетливостью выражены две руководящие идеи, как раз прямо противоположные основам предшествующего строя городского управления, а именно: 1) объединение городских жителей всех сословий, имеющих постоянное пребывание и владеющих недвижимостью в черте городской оседлости в единое «общество градское» и 2) предоставление органам этого общества заведывания всеми отраслями общегородского хозяйства.

Посмотрим теперь, в каких формах были воплощены эти идеи по закону и в какой мере они практически осуществились в действительной жизни.

Городовое Положение 1785 г. установило следующую классификацию составных элементов «общества» градского. Горожане были разделены на шесть разрядов, а именно: 1) «настоящие городовые обыватели», это — все, владеющие недвижимостью в черте города независимо от своего сословного положения; 2) купцы трех гильдий, объявившие за собою соответствующие капиталы; 3) цеховые ремесленники; 4) иногородные и иностранные гости; 5) «именитые граждане», в свою очередь, распределявшиеся на семь разрядов или, по терминологии Городового Положения, на семь «наименований», а именно: а) дважды с похвалою отправившие выборную по городу должность; б) ученые, имеющие академические или университетские аттестаты; в) дипломированные Академией художники; г) капиталисты, объявившие за собой капитал не менее, чем в 50 тысяч рублей; д) банкиры с капиталом от 100 до 200 тысяч

рублей; е) оптовые торговцы; ж) кораблехозяева, отпускающие свои корабли за море; б) посадские — так стали теперь называться городские старожилы, занимающиеся промыслом, рукоделием или работою и не принадлежащие ни к одному из предшествующих разрядов.

Все эти разряды городского населения были призваны к участию в общегородском самоуправлении. Так как к разряду «настоящих городских обывателей» причислялись все владельцы недвижимости в черте города, а следовательно, и домовладельцы из дворян, духовных и других сословий, то участие представителей этого разряда в городском самоуправлении и придавало последнему всесословный характер.

Впрочем, отдельные разряды горожан не равномерно могли участвовать в различных органах городского самоуправления, созданных Городовым Положением 1785 г. В этом отношении была установлена довольно сложная и весьма неуклюжая комбинация учреждений.

Во-первых, раз в три года губернатором должно было созываться «собрание общества градского». В этом собрании могли участвовать с правом голоса только крупные капиталисты из разряда именитых граждан и купцы двух первых гильдий, ибо право участия в этом собрании было ограничено имущественным цензом в размере капитала не менее как в 5000 рублей. Но наряду с этим «собранием общества градского», состоявшего только из купцов двух гильдий и капиталистов — именитых людей, были введены еще два общегородских учреждения: общая городская дума и шестигласная дума. «Общая городская дума» составлялась уже из представителей всех поименованных выше шести разрядов городского населения. А именно — «настоящие городские обыватели» посылали в общую думу по одному представителю от каждой полицейской части города; гильдейское купечество — по одному от каждой гильдии;

цеховые ремесленники по одному из каждого цеха; иностранные и иногородные гости по одному от каждого «народа»; именитые граждане по одному от каждого «наименования» и, наконец, посадские по одному от каждой полицейской части города.

Председательствовал в «общей думе» городской голова, который избирался на «собрании общества градского», т. е. одними капиталистами из разряда именитых граждан и купцами двух гильдий.

На основании этих правил московская «общая дума» при своем открытии в 1786 г. получила, например, такой состав:

- 1 — городской голова.
- 15 — гласных от настоящих городских обывателей.
- 3 — гласных от гильдейского купечества.
- 16 — гласных от цехов.
- 12 — гласных от иностранных гостей.
- 16 — гласных от иногородных купцов.
- 1 — гласный от именитых граждан.
- 15 — гласных от посадских.

Всего 79 человек.

В Петербурге в том же 1786 г. состав «общей думы» был следующий:

- 1 — городской голова.
- 10 — гласных от настоящих городских обывателей.
- 3 — гласных от гильдейского купечества.
- 61 — гласный от цехов.
- 6 — гласных от иностранных и иногородных гостей.
- 1 — гласный от именитых граждан.
- 10 — гласных от посадских.

Всего 92 человека.

Чтобы не ограничиваться столицами, приведу еще данные о составе рижской общей думы за тот же год:

- 1 — городской голова.
- 5 — гласных от настоящих городских обывателей.
- 3 — гласных от гильдейского купечества.
- 35 — гласных от цехов.
- 2 — гласных от иностранных и иногородных гостей.
- 5 — гласных от посадских.

Всего 51 человек.

Итак, только количество гласных от гильдейского купечества оставалось одинаковым, по числу гильдий в размере трех. Количество гласных от других разрядов сильно варьировалось по отдельным городам в зависимости от различного количества полицейских городских частей и цехов.

Затем «общая дума» выделяла из своей среды более тесную коллегию — шестигласную думу, выбирая туда из числа своих членов по одному от каждого из шести разрядов городского населения. Кроме того, в состав «шестигласной думы» входил ех оффиціо городской голова. Наконец, в городе действовал еще «магистрат», выбиравшийся только из среды купцов и ремесленников города. По Городовому Положению 1785 г. магистрат являлся учреждением судебным, но губернскому магистрату, несмотря на его сословный состав, была, кроме того, присвоена функция надзора за всесословными думами.

Городовое Положение 1785 г. крайне сбивчиво и неясно определяет порядок взаимоотношений между перечисленными общегородскими учреждениями. При самом тщательном изучении этого законодательного памятника нельзя уловить, на каком принципе основывал он разграничение деятельности «собрания градского об-

щества» и «общей думы». Ясно, однако, что названные два учреждения являлись по Городовому Положению 1785 г. не соподчиненными, а параллельными органами. То была своеобразная и довольно уродливая комбинация, по которой заведывание городскими делами одновременно вручалось и собранию наиболее богатых купцов («собрание общества градского»), и коллегии представителей всех разрядов городского населения («общая дума»), причем первому собранию всецело предоставлялось производство выборов городского головы, заседателей магистрата и Совестного суда и руководство составлением городской обывательской книги, а все прочие функции по заведыванию городскими делами одновременно присваивались обоим этим учреждениям, без всякой попытки сколько-нибудь ясно разграничить сферы их деятельности.

Великий князь Павел Петрович

Несколько яснее определяется взаимоотношение общей и шестигласной дум. Вполне точных и определенных постановлений мы не находим и по этому вопросу в Городовом Положении 1785 г. Но из сопоставления различных статей этого Положения можно все же заключить, что обе думы должны были ведать один и тот же круг дел с тем различием, что шестигласная дума, избираемая из среды общей, учреждалась для всегдашнего отправления этих дел, тогда как общая дума собиралась для рассмотрения лишь более трудных и сложных вопросов, по которым у шестигласной думы могли возникнуть какие-нибудь затруднения. Следовательно,

шестигласная дума — не исполнительный орган при общей думе, подобно городской управе нашего времени, а более тесный и непрерывно действующий совет, правда, направляемый общим руководством общей думы, но в то же время в целом ряде текущих дел обычного характера вполне ее заменяющий.

Посмотрим же теперь, в какой мере осуществлялся во всей этой комбинации учреждений принцип сословности городского самоуправления. Мы только что видели, что «собрание общества градского» и «магистрат» являлись по Городовому Положению 1785 г. всецело сословными учреждениями. Напротив того, думы — общая и шестигласная — формально строились на сословном начале, благодаря тому, что в них имел свое представительство все сословный разряд «настоящих городских избирателей».

Мы должны теперь, однако, отметить, что и здесь провозглашенный на бумаге новый принцип потерпел на практике резкое крушение при встрече с устойчивой и неподатливой изстаринной традицией. Дворяне, имевшие дома в городах, не обнаруживали никакой склонности участвовать в городских думах наравне с купцами и посадскими «мужиками». В этом отношении все сословный принцип, введенный Екатериной II в ее Городовое Положение, стоял в полном противоречии с общими условиями и порядками русской жизни того времени и с общим духом законодательства самой Екатерины. То была эпоха резкого обособления сословных групп, эпоха окончательного расцвета крепостного права и дворянских привилегий. Как можно было рассчитывать на то, что среди этого неограниченного торжества сословной исключительности во всех отраслях жизни люди вдруг будут перерождаться на краткое время посещения заседаний городской думы и дружно приступят там к общей работе, забыв о сословных пере-

городках? Для того времени то была явно беспочвенная мечта законодательницы. И немудрено, что тогда эта мечта так и не претворилась в жизнь. Всего скорее можно было бы еще ожидать некоторого успеха в этом направлении в столицах, где и дворянства было больше, и деятельность по городскому самоуправлению могла сама по себе представить больше интереса, нежели в провинциальных городах того времени. В нашем распоряжении имеются как раз подробные сведения о ходе дел в московских думах в царствование Екатерины II. И эти сведения раскрывают картину полной неудачи попытки Екатерины установить совместную работу сословий на поприще муниципального управления. В первое трехлетие существования московской городской думы (1786 — 1789 гг.) от настоящих городских обывателей в общую думу была выдвинута почти исключительно разная служилая мелочь — канцеляристы, низшие служители — копиисты, капралы и т. п. Самыми высокими чинами в этой группе были коллежские регистраторы и один титулярный советник. Настоящее дворянство, владевшее городскими домами, совсем не фигурировало в думе.

Вскоре и чиновники стали уклоняться от участия в думе. При этом было даже выдвинуто искусственное толкование одной статьи Городового Положения с целью доказать, что и по смыслу закона будто бы дума должна состоять только из купцов и ремесленников. В статье 172 Городового Положения действительно было сказано: «общая городская дума, *быв составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами*, обязана собираться по однажды в каждый срок заседания (т. е. раз в три года) или же, когда нужда и польза городская потребует, и в другое время». Слова, обозначенные мною здесь курсивом, и послужили для дворян формальным основанием для оправдания своего уклонения от участия в думе. Между тем легко видеть, что эти слова

вовсе не означали того, что дума должна состоять исключительно из купцов и ремесленников. Ведь ст. 172 посвящена вовсе не определению состава думы, а определению сроков ее созыва, и упоминание о присутствии в думе людей, занятых торговой и ремесленной деятельностью, приводится в этой статье лишь в качестве мотива к установлению редких созывов обыкновенных собраний общей думы. Но эта оговорка вовсе не исключала присутствия в думе наряду с купцами и ремесленниками также и гласных, принадлежавших к другим общественным состояниям. Статьи же 157 и 158, специально посвященные определению состава думы, прямо призывали к участию в думе всех «настоящих городских обывателей» без каких-либо сословных ограничений. Несмотря на все это, за ссылкой на ст. 172 в этих случаях было признано равное значение, и гласные — дворяне быстро исчезли из городской думы. От разряда «настоящих городских обывателей» в думу стали проходить по домовладельческому цензу такие же купцы, которые одновременно с тем по объявляемым ими капиталам принадлежали и к гильдейскому купечеству.

Так и Екатерининская городская дума оказалась на деле таким же купеческо-ремесленным учреждением, каким ранее были городской магистрат и посадский сход. Идея всесословности городского самоуправления была торжественно провозглашена, но не была осуществлена в эпоху действия Екатерининского Городового Положения.

Посмотрим теперь, какова была судьба другой руководящей идеи этого Положения.

Явились ли созданные Екатериной II городские учреждения действительно самостоятельными органами городского самоуправления, перешло ли на самом деле заведывание городским общественным хозяйством в руки представителей городского населения?

Компетенция городских дум по Городовому Положению 1785 г. очерчена в 167 статье этого законодательного памятника. Предметы ведомства дум сведены здесь к следующим восьми рубрикам: 1) прокормление и содержание городских жителей, 2) предотвращение ссор и тяжб города с окрестными городами и селениями, 3) сохранение в городе мира, тишины и согласия, 4) наблюдение порядка и благочиния, 5) обеспечение города привозом необходимых припасов, 6) охрана городских зданий, заведение нужных городу площадей, пристаней, амбаров, магазинов, 7) приращение городских доходов и 8) разрешение сомнений и недоразумений по ремеслам и гильдиям.

В какой мере думы получили фактическую возможность развивать самостоятельную деятельность во всех этих самым законом указанных им направлениях? Выполнение четвертого пункта этой программы — надзора за порядком и благочинием в городе — с самого начала приняло характер несения членами шестигласной думы полицейских служб по наряду местной коронной администрации. Губернатор и губернское правление предъявляли требования, чтобы члены шестигласной думы являлись на дежурство на рынках вместе с частными приставами для смотрения за тем, чтобы при покупках не было обману или обвеса; вызывали тех же гласных на дежурство у речных перевозов и т. п. Замечательно, что статья 101 того же Городового Положения прямо освобождала на будущее время записанных в гильдии купцов от несения разных казенных служб, которые были столь распространены в доекатерининской посадской общине. Однако администрация совершенно игнорировала эту статью Городового Положения и не переставала предъявлять к членам дум требования личного отправления ими разных посылок и командировок по усмотрению полицейских властей. Тщетно думы протестовали против

такого своеобразного понимания п. 4 ст. 167 Городового Положения. Московская шестигласная дума, например, в марте 1787 г. в ответ на требование губернского правления, чтобы гласные дежурили у перевозов, донесла следующее: «Наблюдение за перевозами по 4 п. 167 ст. Городового Положения принадлежит только до благочиния и частных приставов, но совсем уже не есть законопозвоительная должность думы, ибо таковая состоит не в личном присмотре, а в предохранении и отвращении не порядков способом ее распоряжений, если же она тем личным по разным местам присмотром заниматься будет, то не достанет время уже иметь собрание в назначенном для нее месте и делать повеленные исполнения, а паче прилично ли будет быть при лодках на бессменном бдении из находящихся в думе членов именитых граждан, градского головы и имеющих чины обер-офицерские».

Однако, вопреки таким попыткам самозащиты со стороны дум, губернское начальство упорно отказывалось различать распорядительные и исполнительные функции применительно к городским учреждениям или, правильнее сказать, присвоив распорядительную власть самому себе, требовало от думских гласных лишь личного исполнения различных служебных посылок по нарядам губернского правления. Аналогичная роль доставалась на долю дум и по 1 пункту 167 статьи Городового Положения, возлагавшему на думы заботы о материальном благосостоянии городского населения. Выполнение этого пункта на практике свелось почти исключительно к установлению такс на различные съестные припасы. При этом на долю думы выпадала только предварительная расценка соответствующих продуктов, т. е. опять-таки чисто черновая исполнительная работа, тогда как самое установление таксы на основании такой расценки производилось коронной полицией. Подобные же функции отправляла дума и при установлении обязательных мер.

С мероприятиями по установлению в городе мер и цен близко соприкасались действия думы вообще по урегулированию городских промыслов и торговли. Вопросы этого рода были отнесены к компетенции думы восьмым пунктом 167 статьи Городового Положения. Но в то же время по ремесленному положению ремесленные цехи были подчинены магистрату. Создавались путаница и неустойчивость в порядке направления дел, касавшихся так или иначе городского ремесла, и в конце концов эта путаница законодательных постановлений открывала полный простор для произвола губернатора и губернского правления, которые либо вершили такие дела по своему непосредственному усмотрению, либо направляли их то в думу, то в магистрат, то в городскую полицию без какой-либо постоянной системы, в силу случайных и произвольных своих решений. Зато мероприятия по урегулированию городских торгов признавались бесспорным предметом ведения думы, как это видно из делопроизводства городских дум Екатерининской эпохи. В громадном большинстве случаев мероприятия эти сводились к воспрещению и преследованию в городе торговой деятельности лиц, не приписанных к городскому мещанству.

На первый взгляд значительный простор для самостоятельности думы открывался седьмым пунктом 167 статьи Городового Положения, в котором думе прямо присваивалась инициатива по части забот о приращении городских

*Великая княжна
Наталья Алексеевна*

доходов на пользу города и по части распространения заведений, приписанных к Приказу общественного призрения.

«Приращения городских доходов», если не считать установленных в законе отчислений в пользу города от некоторых государственных сборов, производились в сущности только в двух формах: 1) в пользу города жаловались высочайшею властью некоторые имущества, могущие приносить городу доход и 2) дума сдавала на содержание отдельным предпринимателям различные оброчные городские статьи. Случай пожалования городу ценного имущества произошел в Москве в 1786 г. Императрица пожаловала городу Москве «для улажения доходов его на разные нужды» обветшавший каменный гостиный двор в Китай-городе с тем, чтобы можно было продать в пользу города как строение этого двора, так и состоящее под ним место. По статье 167 в распоряжение пожалованным городу имуществом, несомненно, должна была вступить дума. Между тем московский главнокомандующий передал все дело о реализации этого высочайшего пожалования специальному совещанию из представителей купцов, созванному помимо думы.

Что касается сдачи с торгов оброчных городских статей, то московская дума первоначально приступила было к самостоятельным действиям в этом направлении, но уже в марте 1787 г. губернское правление прислало в думу указ с выговором за самовольную отдачу в оброк рыбных ловлей, перевозок, весов, лавочных мест и других городских статей; на будущее время строго воспрещалось думе самостоятельно решать дела по челобитьям о сдаче оброчных статей без предварительного представления о том главнокомандующему или губернатору. И с этого момента дума перешла на положение лишь передаточной инстанции при направлении этого рода дел главнокомандующему. Дума принимала проше-

ния, наводила по ним предварительные справки, рапортовала о них главнокомандующему или губернатору и ожидала его указа. К этому сводилась вся ее роль.

Такой порядок взаимных отношений между думою, как органом «городского общества», и коронным начальством города вовсе не вытекал из постановлений Городового Положения 1785 г., — на основании Положения отношения эти должны были сводиться лишь к тому, что, как генерал-губернатору и губернатору предоставлялось делать от себя предложения городскому обществу о нуждах города, которые подлежали обсуждению городского общества (ст. 30 и 38), так и городскому обществу и магистрату предоставлялось делать представления губернскому правлению и губернатору о своих общественных нуждах (ст. 8 и 36); ясно, что в силу этого дума вовсе не лишалась распорядительной власти в кругу предоставленных ее ведению дел. Эти статьи Положения лишь давали возможность губернскому начальству ставить на очередь думского обсуждения различные вопросы городской жизни, а думе — возможность обращаться за содействием губернского начальства в делах, касающихся городских общественных нужд, поскольку она сама не могла разрешить этих дел своей распорядительной властью. Затем всякое дальнейшее вмешательство коронных властей в деятельность думы должно было по смыслу Городового Положения ограничиваться лишь надзором за законностью думских постановлений. Статьи 37 и 170 Городового Положения ясно устанавливали, что в пределах своей компетенции дума не может принимать лишь противозаконных постановлений. Между тем губернское начальство на практике сосредоточивало в своих руках распорядительную власть во всех делах, отнесенных ст. 167 к ведению думы.

Такое же вмешательство местной коронной власти в права думы, не оправдываемое постановлениями Горо-

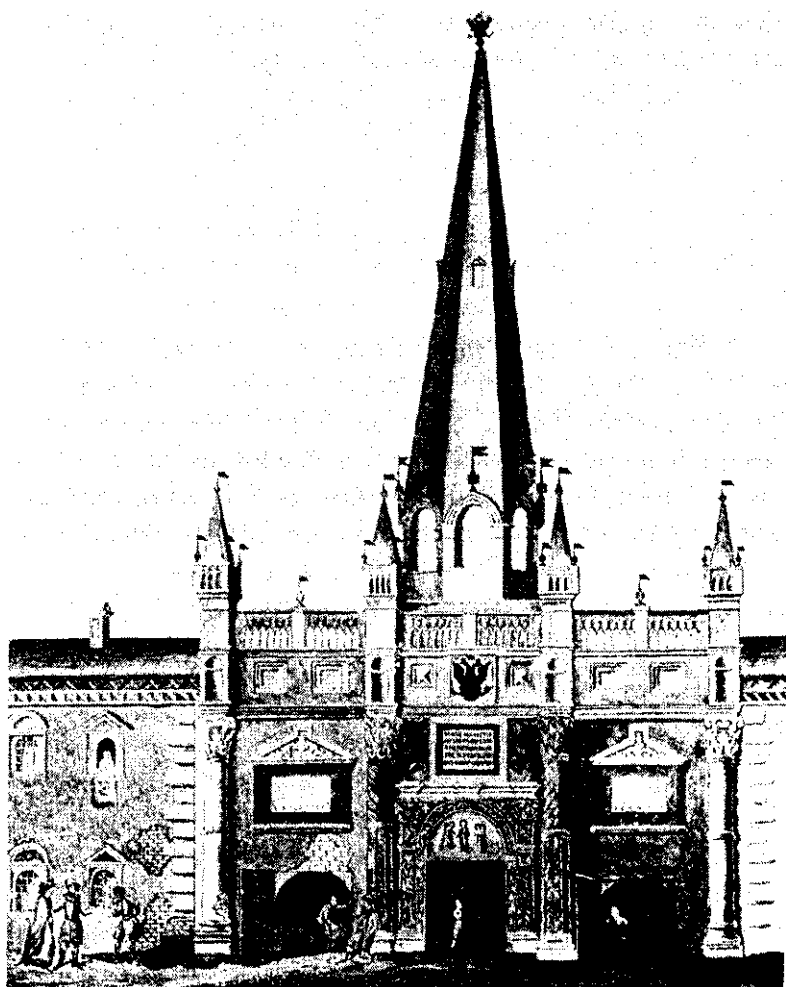
дового Положения, распространялось и на важную область распоряжения городскими финансами. Городовое Положение различало в этом отношении: 1) казну, составляемую добровольными складками граждан по приговорам городского общества, и 2) казну, составляемую из городских доходов, установленных в самом положении, а именно: а) из обязательных отчислений в пользу города известного процента от пошлинного сбора с портовых и пограничных таможен, б) из таких же отчислений от казенного дохода с питейной продажи, в) из доходов с выморочных имений, г) из доходов от эксплуатации городских мельниц, рыбных ловель и перевозов, д) из штрафных денег, собираемых с купцов и мещан.

Расходование сумм, собиравшихся в порядке самообложения, Городовое Положение всецело предоставляло усмотрению городских обществ. Суммы, поступавшие из указанных доходов, выше перечисленных, городские общества также могли издерживать «собою», но лишь на определенные предметы, а именно: на содержание магистратов и прочих должностных лиц по городскому управлению, на содержание школ и других заведений, вверенных Приказу общественного призрения и на строение и починку городских зданий и прочих городских сооружений. И только для расходования указанных сумм на какие-либо иные предметы, сверх исчисленных в Городовом Положении, требовалось разрешение губернатора. Таким образом, пределы вмешательства губернской администрации в распоряжение городскими финансами были указаны совершенно точно. Но все эти постановления, гарантировавшие для общества градского значительную самостоятельность в распоряжении городскими финансами, остались лишь на бумаге, а в действительности были стремительно и беспрепятственно опрокинуты самовластием коронной администрации. В Москве уже в марте 1787 г. губернское правление

прислало в думу указ, в котором говорилось, чтобы дума впредь не производила никаких расходов «самовольно, без истребования от вышних начальств повелений». И делопроизводство московской думы за время царствования Екатерины II показывает, что это распоряжение губернского правления, шедшее в разрез с законом, применялось с неукоснительною точностью.

Предшествующее изложение, думается мне, вполне уполномочивает нас на тот заключительный вывод, что городская реформа Екатерины II явилась чисто бумажной реформой, не изменившей реально прежних основ муниципального строя. Всесословность и самостоятельность муниципальных учреждений были громко провозглашены в Городовом Положении 1785 г., и в этом отношении названный законодательный памятник резко порвал с изстаринной исторической традицией. Но эти лозунги не гармонировали с общими условиями русской жизни того времени, и потому на практике они должны были потерпеть полное крушение при встрече с противоположными началами стародавнего происхождения. Для осуществления всесословности городского самоуправления надлежало предварительно если не уничтожить совершенно, то, по крайней мере, обессилить, сгладить разобщение сословных групп в строении самого общества. Эта задача была достигнута с большим или меньшим успехом лишь после падения крепостного права и потому не Городовое Положение 1785 г., а Городовое Положение 1870 г. явилось отправной точкой развития всесословного городского самоуправления в России.

Для осуществления независимости и самостоятельности городского самоуправления в кругу присвоенных ему по закону задач необходимо было предварительно утвердить весь строй общегосударственного управления

Московский печатный двор (до 1773 г.)

на незыблемых началах строгой закономерности. Эта задача не достигнута во всей мере и по сей час, и потому и современное нам городское самоуправление далеко от той постановки, которая соответствовала бы истинному существу этого понятия.

Городовое Положение Екатерины II, таким образом, в своих основных руководящих идеях было обращено лицом к отдаленному будущему. Немудрено, что введенные этим Положением учреждения в своей практической постановке нисколько не отразили этих руководящих идей, а явились лишь теми новыми мехами, в которых продолжало киснуть прежнее вино.

А. Кизеветтер

ШКОЛА ЕКАТЕРИНИНГКОЙ ЭПОХИ

Петровская школа была утилитарно-государственной и профессиональной. Быстро, но малопродуманно насаждая в России светское школьное обучение, Петр не ставил себе каких-либо широких педагогических задач. Прямолинейно и просто, узко-практически решал он очередные назревшие вопросы, из которых школьный был одним из наболевших.

Не то мы видим в эпоху Екатерины II. Можно говорить о целом педагогическом движении, начатом сверху и вовлекшем в себя не только таких передовых людей, как Бецкой, Новиков, Фонвизин, но и некоторые общественные круги. Идейное движение возникает под непосредственным воздействием западноевропейской мысли, но эта мысль часто усваивается нашими школьными реформаторами поверхностно и своеобразно, хотя и порождает смелые начинания. И прежде всего сама императрица проявила исключительный интерес к вопросам воспитания. Для нее было легче всего открыть непо-

средственный доступ к источникам западноевропейского просвещения. Ученица Локка и Монтескье, Екатерина вслед за ними могла задуматься над многими проблемами педагогики, особенно когда на ее долю выпала ответственная задача — решать судьбы русской школы. Правда, ее школьная политика неустойчива и случайна, ее планы не проводятся в жизнь до конца, часто она остывала в своих начинаниях, еще чаще поддавалась требованию властной дворянской среды.

Исходным пунктом всех планов и проектов 1760—1770 гг. служит самое понятие воспитания, о котором почти совсем не думали при Петре. Этому понятию придается специальное значение, как проблеме прежде всего морального воспитания. Создание добродетельного человека, культура сердца — вот главная задача воспитания. Этот принцип, односторонне усвоенный, был взят у западных мыслителей — Локка, Фенелона, Руссо, Базедова и др., — которые, действительно, на первое место выдвигали нравственное воспитание, сердцу отдавали предпочтение перед умом.

В «Наказе» императрица писала, что «правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами». В этом случае «гражданин» отождествляется с «человеком добродетельным», у которого с ранних лет нужно «утверждать сердце в похвальных склонностях», которого нужно наставлять «всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными обществу членами и служить оному украшением». В педагогической инструкции Салтыкову настойчиво проводится та же мысль: «Когда добродетель и добронравие вкоренятся в душах детей, все прочее придет ко времени». Эта мысль всецело разделялась ближайшими сотрудниками Екатерины и особенно Бецким; отзвуки ее проникли и в лите-

ратуру. Так, Стародум в «Недоросле» поучает: «Ум, коль он только ум,— самая безделица. Прямую цену уму дает благонравие: без него умный человек — чудовище... Просвещение возвышает одну добродетельную душу».

На школу возлагается высокая и крайне ответственная задача — не только учить, но и воспитывать, т. е. готовить новое поколение к более совершенной жизни. С точки зрения наших реформаторов, задачу воспитания — «исправлять сердца и нравы народа» — не могла выполнить малокультурная русская семья. Последняя не раз делалась предметом сатиры наших журналов, ее невежество и предрассудки осмеивает комедия Фонвизина и Сумарокова и прежде всего самой императрицы... Еще до своего воцарения Екатерина скептически относилась к домашнему воспитанию русской дворянской молодежи: «Это воспитание,— пишет она в своем дневнике,— есть не что иное, как грязный ручей; когда сделается он потоком?» Подсмеивается она и над домашними гувернерами-иностранцами, часто грубо эксплуатировавшими наивное легкоеверие русского дворянина. Ее госпожа Вестникова так говорит по адресу француза-учителя: «Ужась как мне хочется выгнать эту харю из дома! Да уж и обещали мне достать какого-то другова учителя, который где-то был прежде скороходом; а этот пусть себе по-прежнему опять пойдет в кучера к кому-нибудь».

Ученики Монтескье и Локка, Екатерина и Бецкой знают, что воспитание зависит от среды. В «Духе законов», этом «молитвеннике государей», как назвала его императрица, ясно проводилась мысль об естественной зависимости существующих учреждений от потребностей среды, и сам человек в его нравственно-культурных навыках рассматривался как ее продукт. Естественен был вывод, что грубая, патриархальная русская семья не может служить надежной средой для воспитания и создания совершенного поколения. А если так, нужно со-

Граф А. К. Разумовский

здать иную среду, хотя бы и искусственную, но, во всяком случае, более высокую в культурном отношении.

Так возникли утопические планы — создавать новую породу людей в искусственных питомниках, покрыть Россию сетью закрытых школ, с детских лет вплоть до юности отрывавших будущих отцов и матерей от «пагубного» влияния семьи. Практика не отставала от такой теории, и в три-четыре года появились эти закрытые школы, на которые возлагались ис-

ключительные социально-педагогические надежды — подготовить «третий чин людей», создать новую породу добродетельных граждан. В мае 1764 г. утверждается устав воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре, через полгода появляется устав воспитательного училища при Академии Художеств, а в следующем году по образцу последнего было создано воспитательное отделение при Академии Наук и утвержден устав училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для мещанских девиц; в сентябре 1766 г. появляется новый устав сухопутного шляхетского корпуса и, наконец, в августе 1767 г. — генеральный план Московского воспитательного дома.

Такого грандиозного опыта не знал Запад, но все же кое-что наши смелые реформаторы могли заимствовать и оттуда; так, в основу устава Смольного института, несомненно, был положен устав известного детища г-жи Ментенон — женского учебного заведения для бедных

дворянок в Сен-Сире. Биограф Бецкого наглядно сопоставляет строй того и другого учреждения: и управление, и постановка воспитания приблизительно одни и те же. Да и судьба Смольного во многом напоминает историю Сен-Сира — из строго воспитательной школы он роковым образом превращался в утеху придворных.

При реализации такого утопического плана прежде всего встретилась острая нужда в опытных педагогических силах. Разумеется, ни в коем случае не могло осуществиться высказанное немного позднее пожелание «генерального плана гимназий или государственных училищ», чтобы воспитателями были не чужестранцы, а русские «природные люди». Обойтись без помощи иностранцев было очень затруднительно. Сам Бецкой, идейный вдохновитель императрицы в этих ее смелых педагогических экспериментах, с тревогой смотрел в будущее: «Если найдутся подобные учителя, — писал он, — то об успехах сомневаться не можно; буде же, по несчастью, таких людей не достанем, тщетны будут все предписания и все старания о произведении благонравия и успехов». Будущее осязательно показало, что эта дилемма роковым образом разрешалась далеко не в пользу первого предположения. А тогда весь сложный план возрождения граждан к новой жизни, как это и предвидел Бецкой, терял все свое значение, поселяя охлаждение и разочарование в сердцах реформаторов.

Эти школы носили характер не профессиональный, а общеобразовательный. Но они были резко сословны; благородное сословие дворянское совершенно обособлялось от мещанского, а крепостная масса и совсем отстранялась от школы. Если дворянам старались привить «светские добродетели» и развивать в них «благородство», то мещан прежде всего хотели приучить к труду и укрепить в них добронравие. Организуя первые школы, Екатерина выступила энергичной защитницей

женского образования; до той поры образование девушки всецело оставалось в пределах семьи. Существовали кое-где частные пансионы, но настоящих школ не было. Известно, как неохотно отдавали на первых порах дворянских детей в Смольный институт, и какие энергичные меры при этом употреблялись.

Новые школы не получили широкого распространения, как предполагалось сначала. Очевидно, первый опыт внушал опасения. Возлагались надежды на особую «комиссию об училищах и призрения требующих», специально выделенную из общей «Комиссии для составления нового Уложения». Но работы последней медленно подвигались вперед, да так и остались незавершенными. Параллельно с деятельностью последней шла работа другой, составленной из пяти лиц: сенатора Теплова, историографа Миллера, проф. Дильтея, капеллана английской фактории в Петербурге Дюмареска и вице-президента юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел фон-Клингштета. Эта комиссия уже в конце 1766 г. представила детально разработанный генеральный план гимназий, или государственных училищ.

Эти гимназии являются опять строго закрытыми «пансионными домами». Опять идет речь об искусственных питомниках, в которых идеальные воспитатели, эти «разумные и проницательные испытатели сердца человеческого», могли бы «повсечасно или, лучше сказать, повсеминутно» исправлять сердце с ранних лет оторванных от семьи детей... Как видно, авторы проекта готовы идти дальше Бецкого. Но интересно в этом проекте то, что в нем идет речь об устройстве различных типов школ, в виду «разности званий и намерений учащихся»: 1) училища для ученых людей, 2) военные, 3) гражданские и 4) купеческие. Все эти гимназии должны находиться в ведении особого учреждения с протектором во главе, при котором имеется особый совет из

ученых людей. Эта же комиссия представила любопытный план: «Каким образом во всех российских городах и местечках учредить школы для простого народа без всякого государственного расхода и народного отягощения». Первый параграф этого плана гласит: «Во всех городах и местечках российских для общего всему находящемуся там юношеству обучения учредить одну или, смотря по пространству места, и больше публичных школ для простого народа». Обучение в этих школах должно быть обязательным, и родители, избегающие школ, подлежат довольно высокому штрафу. Содержание этих школ всецело падает на местных жителей, которые за каждого ученика ежегодно вносят «не больше полтины», с добавлением нескольких копеек на дрова, свечи и учебные материалы. Школы находятся в непосредственном заведывании духовенства и местных магистратов. Понятно, что эти публичные школы намечаются не для крепостного сословия: «в этом звании науки вовсе не надобны». Имеются в виду лишь интересы мелких мещан и ремесленников.

Работы «Комиссии об училищах и призрения требующих» остались незаконченными. Наиболее разработанным оказался «проект о нижних деревенских училищах», намечающий принципы всеобщего и обязательного обучения. Школа должна быть в каждом селе и даже в больших деревнях. «Поселяне обязаны детей своих мужского пола отдавать в школы от 8-ми лет возраста их до 12-ти». «Дети женского пола всему тому обучаться могут, есть ли пожелают их родители». Из среды прихожан — очевидно, и крестьян — избираются особые попечители школ «для наблюдения порядка, предписанного в сем уставе». Авторы проекта надеются, что и помещик примет ближайшее участие в создании этих школ и будет «иметь долг» принуждать крестьян быть хорошими попечителями. Содержание и этих школ всецело ложит-

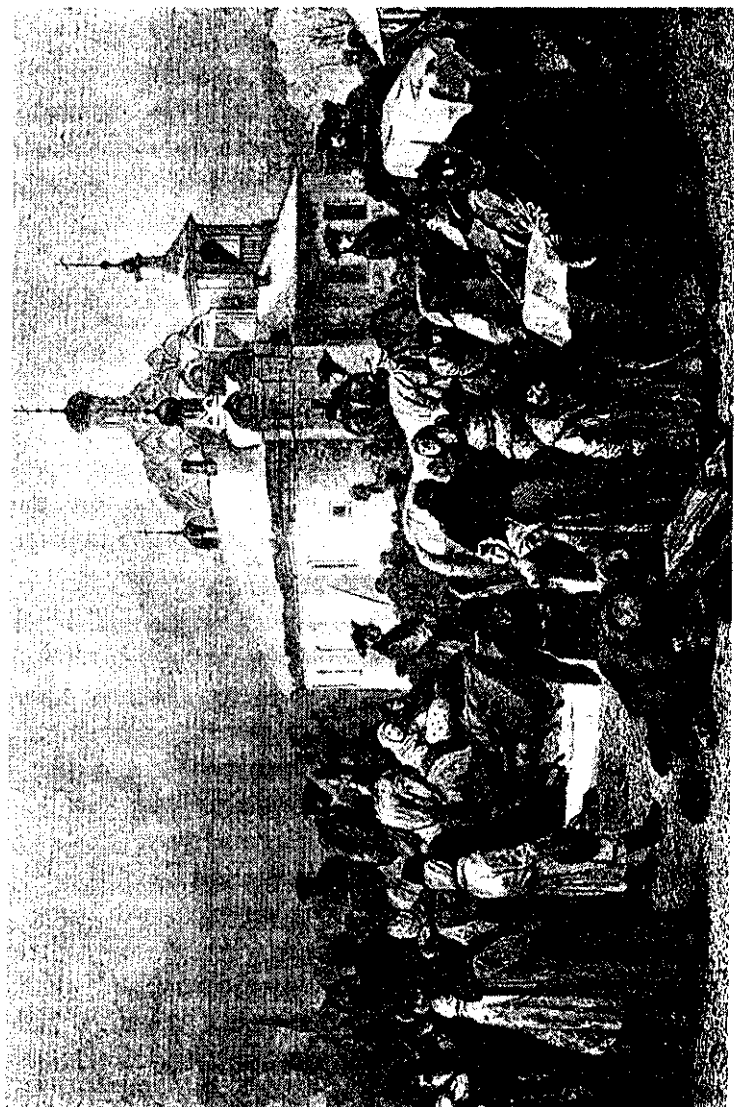
ся на местное население, и сборы деньгами или хлебом производятся теми же попечителями.

Итак, все же прозвучал и голос в пользу организации школ для всех сословий. Лица, избранные в «Комиссию для составления нового Уложения», сознали, что школа является отнюдь не привилегией благородного дворянства, но что в ней нуждаются и широкие массы. Правда, эти массы своими средствами должны обеспечить существование народных школ, в то время как среднее и высшее образование для привилегированных сословий обеспечивается самим государством: сословная тенденция, таким образом, остается постоянной во всех школьных проектах Екатерининской поры и позднее.

От этих проектов перейдем к организации школ во вторую половину эпохи Екатерины II. В этом случае мы встречаемся уже с жизненным и реально продуманным планом, чуждым утопий и эффектной грандиозности. Как построение школьного плана, так и проведение его в жизнь попало в руки реальных политиков, умело взявшихся за дело.

На этот раз с Запада заимствуются не одни лишь идеи, но и реальный опыт, непосредственно проверенный жизнью и давший положительные результаты. Этот опыт не мог быть целиком применен к своеобразным условиям русской жизни, и тем большего искусства и напряжения требовалось от реформаторов.

Австрийская система народного образования представлялась наиболее соответствующей реальным нуждам России. Она удачно разрешала школьный вопрос и организацией концентрически построенных школ, доступных и низшим слоям населения, и устройством соответствующих институтов для подготовки учителей, и децентрализацией в управлении школами; наконец, живым духом преподавания, разумными методами обу-

Кошелев. Зимнее катание Императрицы Екатерины Петровны в с. Покровском

чения, что сообщало австрийским школам действительно реформаторский характер.

Ознакомившись с характером австрийских школ еще при личном свидании в Могилеве с Иосифом II и всецело сочувствуя подобной реформе, Екатерина вскоре же встретила энергичную поддержку и со стороны Гримма, и со стороны будущего участника в проведении реформы у нас, академика Эпинуса. Последний составил даже подробную записку, в которой выяснялось, как именно следовало бы применить австрийскую систему у нас. В свою очередь, и императрица набросала краткий план, в котором, в соответствии с заключением Эпинуса, предполагалось пригласить первых учителей из славян.

Вскоре же в Россию был приглашен директор иллирийских школ, ученый серб Янкович де-Мириево, так много поработавший совместно с Мессмером и Фельбигером при проведении школьной реформы в Венгрии. С именем этого серба, всецело отдавшегося насаждению школ в России, неразрывно связан самый процесс реформ, и его справедливо считают творцом первой русской общеобразовательной школы. Не занимая официального положения вплоть до 1797 г., Янкович был наиболее компетентным руководителем и деятельным работником реформируемой русской школы. 7 сентября 1782 г. была утверждена «Комиссия об устройстве училищ», а через три недели ею уже был составлен «План к установлению народных училищ в Российской империи», учебная часть которого была всецело написана Янковичем. Этот план и лег впоследствии в основу устава народных училищ 5 августа 1786 года.

Австрийская система предусматривала три вида концентрически построенных, естественно входящих одна в другую народных школ: тривиальную (городскую и сельскую) начальную, главную, откуда был доступ в высшие школы, и нормальную, специально подготовляв-

шую учителей для начальной школы. Усвоив сущность концентров, наш устав 1786 г., однакоже, весьма существенно отступал от плана австрийских школ. Наши малые двухклассные школы соответствовали сельским, а средние трехклассные — лишь городским австрийским тривиальным школам, и, наконец, главные — главным и австрийским. Позднее у нас установилось лишь два типа школ — малые двухклассные и главные четырехклассные, причем первые учреждались лишь в уездных и губернских городах. Таким образом сельское население и на этот раз было лишено школы, в чем снова сказалась сословная тенденция наших просветителей. Затем образование не делалось обязательным, что систематически было проведено в Австрии. Наконец, наш устав, игнорируя организацию австрийских нормальных школ, имевших целью готовить учителей для низших школ, не решал как следует вопроса о подготовке будущих учителей, и недостаток в учителях надолго остался болезненным местом наших школ и очень задерживал проведение самой реформы. И в самом деле, лишь при одном главном училище в Петербурге была организована одна учительская семинария для сотни стипендиатов, которыми, по капризной судьбе нашей школы вообще, сделался худший элемент духовных семинарий. Духовное начальство ревниво относилось к новым светским школам и неохотно, под большим давлением сверху, жертвовало своими воспитанниками в интересах таких школ, посылая туда тех, кто «к высшим наукам безнадежны». Понятно, что эта учительская семинария кое-как влачила свое существование, выпуская сомнительных, бездарных деятелей народного просвещения. Число учащихся таяло, а в течение двух лет (1792—1794 гг.) преподавание в ней и совсем замерло. Таким образом, за двадцатилетний период своей жизни эта семинария могла подготовить лишь 425 учителей. Семинария не могла привлечь живых сил,

которые бы по собственному побуждению шли туда, и, например, за целый пятилетний период, с 1786 по 1790 г., из 41 учителя, назначенных в малые народные училища Московской губернии, только один Прохоров оказался подготовлявшимся к учительской должности по своему желанию. К началу 1787 г. было подготовлено семинарией только 6 учителей, а к концу этого же года научились «оному учебному способу» еще 7 человек. В следующем году из семинарии убежал один из воспитанников Сахаров, и раньше не раз исчезавший из духовной семинарии, но скоро был найден, доставлен под конвоем в главное народное училище и отдан в солдаты; Куняев, пробывший уже два года учителем московского арбатского училища, был уволен «за оказавшееся в нем неспособностью к учительской должности»; Нечаев растратил доверенные ему Приказом общественного призрения деньги на содержание его товарищей-семинаристов, а Безгрозов через полгода после своего назначения в московское покровское училище был «отрешен от должности за непорядочную жизнь» (В. Эйнгорн. Московское главное народное училище в конце XVIII века. «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1910 г.).

Неопределенно и юридически не установлено было положение учителей народных училищ. § 54 устава глухо говорил, что они «считаются в действительной службе императорского величества и могут ожидать тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются». Но так как не существовало центрального управления, к которому были бы причислены учителя, и так как государственная служба была лишь привилегией дворянства, которое не шло в учителя, то учителя вплоть до 1794 г. не имели вовсе чинов. Чтобы лучше закрепить учителей к месту их незавидной службы, нужен был особый указ, воспреещающий бывшим казенным воспитанникам семинарии переходить на какую-либо иную службу.

Возлагая наблюдение за исполнением устава на «главное училищное правительство», подчиняющееся непосредственно верховной власти, устав 1786 г. не выяснял, какому именно учреждению должны принадлежать эти функции.

В губерниях же высшим органом учебного управления является губернатор: он заботится о распространении школ, назначает учителей, преобразовывает малые школы в главные, ревизует училища, «как заведения, не менее других в себе пользы заключающие», и пр.

К заведыванию школами привлекаются и приказы общественного призрения, из членов которых избирается губернский директор, также наблюдающий за школами.

На эти же приказы общественного призрения всецело возлагается обязанность «пещись о содержании училищ, изобретая к тому все потребные способы». Очевидно, правительство рассчитывало, что на содержание училищ будут поступать особые пожертвования от местных обществ. Но приток этих средств, в среднем, был слишком скуден, по 1800 год только около 7200 р. на губернию, тогда как по штатам устава содержание главных училищ устанавливалось в размере 2500 р., а на малые — 500 р. И действительно, установленная в 1801 г. самой комиссией статистика школ показывает, что они возникали непоследовательно и случайно. Всего быстрее число школ росло за период времени 1786—1793 гг., когда были открыты главные училища, а затем, когда забота об открытии и управлении школами была передана комиссией местной администрации, число школ перестает возрастать и начинает падать. Так слаб был интерес к школе и просвещению у местных органов и самого населения.

В 1786 г. были открыты главные училища в 25 губерниях, а с 1782 г. стали открываться они и в остальных 16 губерниях.

Центральная власть осталась очень довольна достигнутыми результатами. Еще в 1784 г. Екатерина писала Гримму: «Знаете ли вы или не знаете, что мы здесь в Петербурге имеем в течение года 10 нормальных школ и в этих десяти школах более тысячи учеников? Не находите ли во мне сегодня большого желания перед вами похвастаться?»

Действительно, внешняя цифровая сторона школьного дела была недурна. Екатерина с гордостью могла писать своим заграничным корреспондентам, что нашла «мерзость запустения» в учебной сфере и к концу своей жизни создала более трехсот школ с 744 учителями и 17 340 учащимися.

Характерные особенности этих школ заключаются, во-первых, в том, что они бессословны, а затем — общеобразовательны и реальны. Городское население, каково бы оно ни было, без всяких сословных преимуществ получало открытый доступ в эти школы. Дворяне, мещане, духовные и даже крепостные — встречаются здесь с одинаковым правом. «Подлая» порода не принижается перед «благородной». Так, в главных училищах в 1801 г. соотношение обучающихся сословий было таково: дворян 33%, мещан 14%, купцов 12%, солдатских детей 11%, крепостных и дворовых 11%, приказных и разночинцев 8%, однодворцев и крестьян 5%, духовного звания 2% и остальных 4%. Крестьяне, живущие в городах, еще могли попадать в школу, но остальная громадная масса крепостных снова устраняется от образования, так как в селах и деревнях школ не было.

Новые училища не профессиональны, их задачи общеобразовательные. Так, в главных училищах, кроме элементарных сведений начальной школы, проходились всеобщая и русская история, естествознание, основания геометрии, механики, физики и гражданской архитектуры, а также языки латинский и «соседствен-

ный», т. е. «какое по соседству каждого наместничества быть может полезнее по употреблению его в общежитии». Наконец, и в малых и главных школах изучается «книга о должностях человека и гражданина», в которой заключались основы этики и права.

Но эта образовательная тенденция Екатерининской школы часто оставалась непонятной и страшной для малокультурного — в общем — населения и встречала с его стороны недоброжелательное отношение. Так, ревизия Козодавлева в 1788 г. вскрыла тот факт, что во всех главных училищах (в десяти наместничествах) «число учащихся в третьих и четвертых классах весьма мало и что учащиеся во вторых классах обыкновенно не желают продолжать учения в третьем разряде». Получив элементарное образование, они готовы прямо поступить на службу, не видя реальной пользы от остальных наук. Отчет вятских приказов так объяснял недостаточное количество учащихся в главном училище: «Здесьние обитатели, мало соревнуя предположенной цели просвещения, неохотно отдают детей своих в училища... Многие лучше хотят их заблаговременно приучать к познаниям в домашних делах и для купечества и мещанства нужностях, в которых они сами обращаются». В таком недоверчивом отношении к новой школе, конечно, во многом повинны и малокультурные учителя. Забитые, бесправные, без общественной поддержки, без своей инициативы они плохо могли служить делу просвещения, не могли поднять культурного и морального значения школы. А так как содержание школ падало новым бременем на само население, являлось своеобразным общественным налогом, то оно часто тяготилось школой, уделяя ей лишь ничтожные крохи, кое-как вознаграждая труд учителей, что еще более содействовало ее падению.

Должно было быть установлено известное соотношение между новой школой и существовавшими во многих местах школами вольными, частными пансионами, кото-

рые возникали в ответ на реальные нужды населения. Правительство Екатерины II, насаждая свои школы, вступило в энергичную борьбу с этими вольными школами; последние теряли право на свое существование и должны были уступить место покровительствуемому сопернику. Так, закрывая в Шлиссельбурге частную школу сержанта Гордеева, комиссия, не обинуясь, решала: «Как таковые вольные школы вовсе не нужны там, где есть училища народные, в коих юношество, как то опытами уже доказано, обучаться может с гораздо лучшим успехом, то и нужно эту школу закрыть, дабы дети у него напрасно времени не тратили».

Комиссия еще в 1784 г. приступила к строгой ревизии всех частных пансионеров.

Все содержатели и учителя 28 иностранных и 18 вольных русских школ в Петербурге были подвергнуты особому экзамену, который сошел благополучно. Затем был составлен «план к расположению пансионеров по образцу училищ народных». Иностранные пансионеры уцелели, хотя и были подчинены строгому контролю. Но русские вольные школы прямо закрывались. Ревизией этих школ было установлено, что они содержатся плохо и не наставляют детей «в самонужнейших истинах закона Божия и веры христианской», что содержателями этих школ являются слишком сомнительные педагоги: и церковный сторож, и дьячок, и жена котельного мастера, и жена солдата, и отставной копиист, и отставной канцелярист, и мещанин и т. д. Все эти школы властно поглощались вновь учреждаемыми. Вводилась единая система народного образования, авторитетно нивелирующая всякое местное своеобразие и совсем не считающаяся с частным почином отдельных лиц. Общества должны были содержать школу, но отнюдь не задаваться какими-либо своими, самостоятельными целями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Культурные реформы Петровской эпохи. <i>В. Я. Уланов</i>	7
Реформа армии и флота при Петре Великом. <i>В. П. Пичета</i>	53
Финансовая и экономическая политика Петра и государственное хозяйство России конца XVII и начала XVIII века. <i>В. П. Пичета</i>	65
Эпоха дворцовых переворотов. <i>В. Я. Уланов</i>	93
1. Основные явления эпохи и отношение их к реформам Петра Великого ..	93
2. Дворцовые перевороты	99
3. Высшие органы управления	155
4. Внутренняя политика	168
5. Международная политика	183
6. Просвещение эпохи	192
Императрица Елизавета Петровна. <i>Проф. М. М. Богословский</i>	218

Петр III и Екатерина II. <i>К. В. Сивков</i>	234
Императрица Екатерина II. Опыт характеристики. <i>В. В. Калаш</i>	249
Финансовая политика Екатерины II. <i>К. В. Сивков</i> ...	277
Наказ и «Комиссия о сочинении проекта нового Уложения». <i>В. Я. Уланов</i>	292
Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II. <i>Проф. М. М. Богословский</i>	317
Городовое положение Екатерины II. <i>А. А. Кизевенттер</i>	334
Школа Екатерининской эпохи. <i>И. М. Соловьев</i>	366

Литературно-художественное издание

ТРИ ВЕКА

РОССИЯ ОТ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 6 ТОМАХ

ТОМ 4

Выпускающий редактор *В. Н. Костромская*
Художественное оформление: *Т. Ю. Прокуратова*
Корректор *В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.08.05 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».

Печ. л. 12,0. Тираж 10000 экз.

Заказ № 99.

Отпечатано в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

КНИЖНЫЙ СЕЗОН

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

ISBN 5-88682-250-X

9 785886 822502